

**Цфат празднует
Победу**
и помнит ту войну

Фотографии празднования Дня Победы в Цфате в 2013, 2014 годах

у мемориала жертвам катастрофы и солдатам евреям погибшим на фронтах войны

Объединение
«Ницолей Шоа»
беженцы - пострадавшие в Катастрофе
Цфат, 2015

КНИГА ПАМЯТИ

Цфат, 2015

**К 70-ти летию
Победы**

**КНИГА
ПАМЯТИ**

**Воспоминания жителей Цфата,
переживших ту войну**

Объединение «Ницолей Шоа - Пострадавшие в Холокосте» в Цфате было создано группой энтузиастов в 2011 году. Были опрошены и заполнены анкеты на более чем 370 человек. Избрано Правление: Рива Фукс, Аркадий Бомштейн, Евгений Маневич, Алла Косовская, Александр Иглицын, Евгений Фукс, Давид Копелян, Евгения Бомштейн. Наше городское Объединение стало коллективным членом Всеизраильского Объединения беженцев – жертв Холокоста. В настоящее время, на этой базе, создана Ассоциация «Дети Холокоста во имя будущего» во главе с Ефимом Кипнисом. Главной целью Ассоциации является улучшение социальной, правовой и моральной защищенности лиц, пострадавших от преследования фашистов в годы Второй Мировой войны.

Для этого мы проводим различные мероприятия, участвуем в конференциях и наши представители приглашались на заседания комиссий Кнессета, где обсуждались насущные вопросы Ассоциации. Одной из важнейших задач является увековечивание памяти о пережитых страданиях в тот тяжелый период. В решении этих, не простых, задач нам помогают различные организации - спонсоры и, конечно, муниципалитет во главе с мэром Цфата Иланом Шохатом и вице-мэром Аркадием Барстом, отдел абсорбции во главе с Наталией Маврович.

В сентябре 2014 года на заседании правления было принято решение осуществить проект по изданию «Книги памяти». Авторами этой книги стали члены нашего городского Объединения, спасшиеся от уничтожения благодаря тому, что смогли со своими родными бежать или эвакуироваться с оккупированных территорий. Нас хотели уничтожить только за то, что мы – евреи. Своими воспоминаниями поделилось более 130 человек.

Некоторые люди, не пожелавшие участвовать в проекте, недоумевали: кому и зачем нужны эти воспоминания, кто будет читать? Интересно, понимают ли они, почему и для кого создан уникальный Комплекс «Яд ваШем» в Иерусалиме, комплекс в Вашингтоне, мемориалы на территории бывших лагерей смерти, памятники замученным, задушенным, расстрелянным в городах и поселках разных стран? Почему наши старшеклассники ежегодно посещают бывшие лагеря смерти в Польше? Ребята своими глазами видят следы того, что пришлось пережить людям только за то, что они – евреи.

Это нужно не только лично каждому из нас, тем, кто вспоминает по именам своих близких, их подвиг, в голоде и холоде сохранивших нас. Благодаря им мы выжили, создали семьи, вырастили детей, помогаем растить внуков и правнуков и живем в своей стране. Мы помним тех людей разных национальностей, которые дали нам временный кров, а иногда и кусок лепешки. Поэтому это нужно тем, кто идет за нами и понимает, что НИКОГДА ЭТО не должно повториться. Во многих странах стараются стереть с памяти ужасы Холокоста. В некоторых странах фашисты разных мастей устраивают митинги и шествия с молчаливой поддержки правительств этих стран. Именно поэтому мы не должны молчать. Пусть наш тихий голос уже не молодых людей будет звучать набатом: **НИКОГДА ЭТО не должно повториться.**

Огромная благодарность нашим друзьям – спонсорам, без участия и помощи которых осуществить наш проект было бы очень сложно. Это:

1. Всемирный Форум - коалиция «Рука помощи Израилю», президент г-н Анжей Гасиоровски, руководитель проекта г-н Иегуда Давидов.

2. Организация GAIN – Глобальная сеть помощи – друзья из Германии г-н Александр и г-жа Сесилия Дице.

3. Благотворительная организация «Реки воды живой», руководитель г-жа Ирина Фридман.

4. Благотворительная организация «Свет Галилеи», руководитель г-н Адыл Сапир.

5. Объединение блокадников (руководитель Юлия Рафальсон)

6. Объединение малолетних узников гетто и концлагерей (руководитель Раиса Бутовецкая)

7. Г-жа Надежда Мериин и г-жа Елена Лапина и многие другие, помогавшие нам в осуществлении этого проекта.

Особая благодарность всем, кто поделился своими воспоминаниями. Это было тяжело, больно и стоило многим бессонных ночей и слез. Спасибо за память!

Рива Фукс

*Руководитель Объединения
«Ницолей Шоа» г. Цфат*

К 70-ти летию Победы

КНИГА ПАМЯТИ

***воспоминания жителей Цфата,
переживших ту войну***

Объединение
«Ницолей Шоа»
беженцы - пострадавшие в Катастрофе

Цфат, 2015

Мне о войне такое помнится:
Как женщины бегут в подвал,
А в нашей тихой, светлой комнате
Рояль, убитый наповал

И я над ним стою растерянный
И до сих пор забыть нельзя,
Как он лежит с дырою в черепе
Зубами белыми блестя.

Роберт Козачков

Аврашова (Рудякова) Вера родилась 7 июля 1940 года в городе Кременчуг, после эвакуации вернулась в Харьков. Мать - Нейман Куня Соломоновна, отец - Аврашов Александр Израилевич. Образование высшее, специальность - инженер-строитель, проектировщик. Репатрировалась в Израиль в ноябре 1990 года. Муж, Рудаков Михаил, умер в 2014 году.

Кременчуг бомбили с первых дней войны. 7 июля 1941 года мне исполнился год и в бомбоубежище мама увидела мои первые шаги. Моя бабушка Хая во время сильной бомбёжки умерла от разрыва сердца. Вскоре мой дедушка Соломон Лазаревич раздобыл телегу с лошадью, и я с мамой вместе с ним добрались до Харькова, а оттуда в теплушках в Казахстан одним из последних поездов, уходящих на восток. Мой папа в первые дни войны был мобилизован и всю войну восстанавливал разрушенные немцами мосты - он был главным инженером военно-восстановительного поезда. О нашей жизни в эвакуации помню очень мало, мама не любила рассказывать мне о трудностях, пережитых в те годы.

Но я хочу рассказать о событии, которое произошло в моей семье в то время, когда мы были в эвакуации в Казахстане. В первые дни войны младший брат моей мамы Нейман Лазарь был призван в армию и после артиллерийского училища попал на фронт. Было ему 23 года. Мама и дедушка получили в Казахстане от него два или три письма с фронта и на этом всё ... молчание. Ни писем, ни похоронок. Конечно, было ясно, что он погиб, трагедия, как и во многих других семьях! Я была крохой, и всю эту историю мне рассказали, когда я подросла. А случилось, как в фильме «Отец солдата», который вышел на экраны через много лет. «Да ведь это про нашего дедушку!» - говорили мои родные, увидев фильм. Прошло более двух лет, и вот к кому-то из наших земляков - кременчужан приехал сын после ранения и, услышав от родных о смерти моего дяди, воскликнул: «Как, а я видел Лазаря недавно и мы с ним обнялись, поговорили... он, кажется, на таком-то фронте...» А дальше всё, как в кино. Мы с мамой остаёмся в Атбасаре, а дедушка берет рюкзак и едет на фронт искать сына. И как он потом рассказывал, всюду ему помогали незнакомые люди. Удивительно, сколько тепла и доброты он встретил на этом долгом пути.

А финал этой истории всегда рассказывал мамин брат: «Сижу я в землянке с картой в руках, поднимаю глаза и вдруг вижу: в дверном проёме стоит мой папа и смотрит на меня, а в глазах у него слёзы!» Оказывается Лазарь решил так в начале войны - раз мои родные долгое время не получали от меня писем и уже «похоронили» меня, я не буду им сообщать о том, что я жив. Тогда ни одна пуля меня не достигнет, и я вернусь с войны целым и невредимым. Каждый снаряд, который он выпускал по врагу, он сопровождал словами: «Это вам за Верочку, это вам за Кунечку (так звали мою маму - Нейман Куня Соломоновна). А дедушка, увидев его и убедившись в том, что сын жив, вернулся через всю страну к нам, в Казахстан. Только в 1945 году Лазарь вернулся в свой родной Кременчуг, на Украину... Вот так всё было.

Арфа Михаил Семёнович родился 21 декабря 1930 года в городе Елец, после войны вернулся на Урал. Образование - среднее, специальность - строитель. Жена Арфа Любовь.

Я, Арфа Михаил Семёнович, родился 21 декабря 1930 года в городе Елец Орловской области. Мать, Арфа Берта Израилевна 1890 года рождения. Отец, Арфа Семён Абрамович 1893 года рождения.

Когда началась Великая Отечественная война, наша семья эвакуировалась в Узбекистан на станицу Кувасай Ферганской области. Там строился химический завод. Там же стали работать старшие члены семьи. Нас поселили в бараке в одну большую комнату, в которой уже жило 60 человек эвакуированных. Вся наша семья заболела малерией. Отец умер в 1942 году. Старший мой брат Израиль был убит в бою на Курской дуге, ему было 18 лет.

По окончании войны я с мамой и сестрой вернулись в город Елец, но наш дом был разрушен. Нас пригласила мамина сестра в город Ефремов Тульской области. Здесь я начал работать токарем на заводе синтетического каучука.

В годы Великой Отечественной войны два моих двоюродных брата воевали и получили звание Героя Советского Союза. Им в Израиле в городе Ашдод поставлен памятник, их фамилия - Вайнрубы.

Я с семьёй приехал в Израиль в 1991 году из города Нижний Тагил Свердловской области.

Арфа Любовь Аркадьевна (девичья фамилия Златина) родилась 10 января 1931 года в поселке городского типа Сафонова Смоленской области, переехали в Белоруссию. Мать Ионина Галина, отец Златин Аркадий, брат Мотя. Отец и брат были расстрелены в гетто. После войны жила в Свердловске. Образование - высшее, пединститут, специальность - педагог. Муж Арфа Михаил. Сын - Аркадий, живет в Израиле. 2 внука, 3 правнука. Репатрировалась в Израиль в 1991 году.

Я, Арфа (Златина) Любовь Аркадьевна, родилась 10 января 1931 года. Узница гетто Белоруссии Витебской области местечко Колышки.

10 июля 1941 года немецкие войска вошли в местечко. Сразу же появились объявления, что все евреи должны носить желтые повязки с черным магендавидом. На наших домах был нарисован такой же знак.

Во время боя за наше местечко среди советских солдат было четыре раненых бойца. Моя мама с медсестрой носили им в подвал еду и лечили их. Но потом эта медсестра выдала их немцам. Они погибли.

Немцы постоянно не находились в нашей деревне, поэтому многим евреям удалось выжить до 17 марта 1942 года. Надо отметить то, что народ Белоруссии был более лоялен к евреям. Мои родители работали в аптеке и жили мы в том же здании. Немцы сразу же заменили родителей русской работницей. Она была доброй, часто приносила нам еду. Немцы сразу же отобрали у нас корову, отдали белорусской семье.

Часто стучали в дверь партизаны. Однажды ночью постучалась женщина-еврейка из соседней деревни. Она спаслась во время расстрела, а её пятилетняя дочка была убита. Она ушла от нас искать партизан.

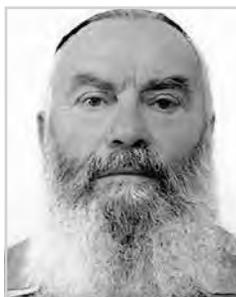
Мой брат Мотя, двенадцатилетний, всё просил родителей разрешить ему уйти к партизанам, но, увы, они его не отпустили. Он погиб.

Настал черный день - 17 марта 1942 года. Деревню окружили фашисты. Начали выгонять сначала мальчиков и мужчин. Один немец схватил меня за волосы, приподнял, но увидев, что я в платье, бросил меня. Когда забрали отца и брата, моя мама в секунду стала седой. Через какое-то время я увидела в окне, что гонят женщин. Схватила маму и мы прыгнули в подвал. В щёлку пола я увидела, что зашли в дом немцы, никого не нашли и ушли. Мы вылезли с мамой из подвала, вышли из дома и увидели, что Колышки горят. Пошли в лес. Ориентировались на звуки стрельбы. Иногда стучали в двери домов, которые были на пути, просили еду. Прошли много километров. Наконец, перешли линию фронта. Солдаты не поверили нам, что мы - евреи и ушли живыми от немцев.

Помню один ужасный случай. Мы спали на полу в избе, где были и наши солдаты. Слышу крик, один солдат хотел изнасиловать маму, она отбивалась, тогда он хотел её застрелить, но тут я проснулась.

Мы продолжали идти на восток. Нас где-то посадили в товарный вагон, ехали очень долго. На одной станции мама вышла за водой, а поезд ушёл. Так я одна доехала до Свердловска. Меня забрали на вокзале в приёмник, потом меня нашла мама.

Из переписки с соседкой мама узнала, что моего брата Мотю, пыталась спасти белорусская семья, но его выдали. Спасателями были Липшины. Их внук в 80-е годы был консулом Белоруссии в Израиле.

Баранов Владимир Иудович родился 10 сентября 1939 года в городе Винница на Украине. Закончил торгово-кооперативный техникум. Работал начальником АХО технического училища. Жена Пинская Елена, сын Ефим живет в Израиле, дочь Марина живет в Германии, 2 внука: Бен Ханун и Иосиф. Репатрировался 3 января 1991 года.

Я, Баранов Владимир Иудович, родился 10 сентября 1939 года в городе Винница на Украине в бедной семье - бабушка Сурка (мать папы), дедушки, видимо, уже не было, папа, мама и четыре папиных сестеры: Шура (Шифра), Таня (Тэне), Роза (Раця) и Маня (Матле). Мои тётки работали на швейной фабрике, а тетя Маня была студенткой педагогического института. Папа, Баранов Юдко (Идя) Волькович, работал на кроватной фабрике жестянщиком. Мама, Грацерштейн Матля Шейвовна, из детдома, работала тоже на фабрике.

Так мы жили до войны, а с началом войны всё изменилось. Папу призвали в армию и отправили на фронт. Он погиб, видимо, в самом начале войны, так как писем от него не было. Похоронки тоже не было, и только в 1949 году бабушка получила извещение, что «Ваш сын Баранов Юдко Волькович пропал без вести». И я с бабушкой стали получать пособие по потере кормильца.

В 1942 году нашу семью эвакуировали в Казахстан в город Уштобе. Началась тяжёлая жизнь эвакуированных. Тёти работали в колхозе, молодые девушки из еврейской семьи, не приспособленные к работе в поле и казахстанскому климату. Летом жара, а зимой адский холод, работали, чтобы прокормить семью. Жили в какой-то развалюхе из самана и палок, спали где попало: кто на столе, кто под столом, кто на старых воротах от забора. И, всё-таки, летом было легче, собирали «кизяк» - коровий помёт для отопления зимой, было тепло, а зимой - голодно и холодно. Тети мои подрабатывали тем, что чистили снег, которого в Казахстане много, сбивали сосульки с плоских крыш домов местных жителей за бутылку молока для меня.

Старшая тётка Шура уехала в Краснодар и работала в госпитале, младшая тётка Маня продолжала учёбу в институте и закончила его. И вот в 1944 году, когда выгнали из Винницы фашистов, она получила направление на работу в Винницу. Мы поехали всей семьей. Казалось, что все трудности позади и всё стало налаживаться, но не тут-то было.

В поезде по дороге домой умирает моя мама, и как написано в справке, от дистрофии. Я её почти не помню. Пусть земля ей будет пухом. Запомнилось мне, что это было ночью. Проснулся я от какой-то возни и, конечно, заплакал и, чтобы меня успокоить, мне дали «деликатес» - кусочек чёрного сухого хлеба, смоченного

водой и посыпанного сахаром. И, конечно, после такой «вкуснятины», я уснул. А в это время с поезда снимали труп моей мамы. Царство ей небесное. Мы же получили свидетельство о её смерти.

Винницкий областной отдел народного образования направил тётю Маню в город Бершадь на работу учителем математики и физики, и мы, бабушка, я, тётя Таня, тётя Роза, поехали туда. Жили у чужих людей, снимали квартиры, если их можно так назвать, старые, вросшие в землю, домики. Но было уже легче. Была зарплата, одна учительская, другая рассыльного - тётя Роза работала курьером в райисполкоме. Тётя Таня не работала, она болела и в скором времени умерла, похоронена на Бершадском кладбище, там же в 1954 году была похоронена бабушка. Пусть земля им будет пухом.

Что запомнилось ещё? Ожидание зарплат, на которые сразу же покупали муку на месяц, которую хранили в деревянном чемодане под кроватью, соль, спички и хозяйственное мыло, это в первую очередь, и, конечно же, дрова, уголь, керосин для керогаза. Спали мы все в одной кровати и тепло и мало места занимает кровать.

Учился я в Бершадской средней школе №1. Закончил десять классов, учился в Виннице. Оттуда же пошёл служить в армию. Служил на Украине в Львовской области. После службы приехал в Бершадь, потом жил в Подмосковье, потом в Киргизии в городе Фрунзе, ныне Бишкек. Из Киргизии репатриировался в Израиль в город Цфат, где и живу в настоящее время. Работал 20 лет в религиозной школе (ешива Хабад).

Анна Беленко

(девичья фамилия Альтшулер)
родилась 29 ноября 1932 года в городе Николаев.

Отец

Альтшулер Моисей, мать Фридман Елизавета. Закончила торговый техникум, работала заведующей отделом магазина. Муж Беленко Павел умер.

Мери Рекуха

(девичья фамилия Альтшилер)
родилась 19 сентября 1937 года в городе Николаев.

Закончила

торговый техникум, работала старшим продавцом. Муж Рекуха Михаил умер в Николаеве, дочь Ермакова Наталья и внук Павел живут в Израиле. Репатриировались 29 апреля 1997 года.

Наша семья состояла из пяти человек: папа, мама, я и сестра Мери. В начале войны мне не было 11 лет, сестре - 4 года.

Отца мобилизовали в действующую армию в самом начале войны. Погиб он при освобождении Киева в 1943 году.

Когда начали бомбить город Николаев, я, моя мама и младшая сестра Мэри, вышли из города пешком, захватив с собой небольшие узелки. Мама в то время была беременна. На Николаевском вокзале было очень много народа, сесть в поезд было невозможно. Где пешком, где попутными телегами добрались до станции Долгинцево. Там смогли влезть в товарный состав. С большим трудом доехали до Астрахани.

В Астрахани жили неделю на вокзале. На этом же вокзале встретились с маминной сестрой Соней, которая прибыла в Астрахань с нашими бабушкой и дедушкой. Тогда мы все уже вместе сели в товарный поезд, следовавший в Джамбул. В Джамбуле, после тяжелой дороги, мама родила мертвую девочку. Там мы все вместе жили до 1945 года. Тетя работала продавцом в магазине, а мама уборщицей в этом же магазине. Я ходила в школу, Мери была дома.

В Николаев мы вернулись в 1945 году.

***Белинская Зинаида** родилась 17 декабря 1930 года в городе Витебске. Мать Соня, бабушка Рива, отец погиб на войне, сестры: Клара, Муся, Сима. Образование среднее, работала продавцом и бухгалтером. Муж Белинский Семён умер в Израиле, сыновья Руслан и Михаил, 2 внука Руслан и Алекс, внучка Александра живут в Израиле. Репатрировалась в Израиль в 2004 году.*

Я эвакуировалась в июне 1941 году из города Витебск (Белоруссия) в Свердловскую область поселок Огит. Мы выехали из родного города во второй день войны с мамой, бабушкой и тремя сестрами на подводе. Когда мы ехали по мосту над Западной Двиной, немцы начали бомбить мост. Пришлось бросить все вещи в реку и бежать к вокзалу. Там мы сели в товарный поезд и поехали. По дороге опять попали под бомбёжку. Выскочили из поезда. Когда всё закончилось, увидели, что сестра Клара потерялась. Долго её искали, плакали и, наконец, нашли в лесу.

Голодные, мы, наконец-то, добрались до Москвы Там нас накормили горячим хлебом с молоком. Но не всем из нас эта еда пошла впрок. У моей бабушки от горячего хлеба случился завороток кишок, и она умерла в вагоне поезда. На ближайшей станции мы попросили, чтобы её похоронили. А мы ехали дальше на восток.

В поселке Огит, где мы стали жить, мама и две сестры пошли работать, а мы, младшие, учились в школе и помогали по дому: ходили в лес за дровами, собирали на поле урожай за еду, копали мерзлую картошку, которую потом варили.

Так мы прожили до зимы 1944 года, а затем вернулись в родной город Витебск. Жить было негде, квартиру нашу разбомбили, и мы все жили в подвале.

Бельская Лилия родилась 11 февраля 1935 года в Харькове. Окончила Казахский университет в городе Алма-Ата в 1958 году, работала преподавателем русской литературы и языка. Защитила докторскую диссертацию, звание - доктор филологических наук, должность - профессор. Муж - Лившиц Михаил, геолог. Сын - Александр, дочь - Ольга, живёт в Израиле. Репатрировалась в 1996 году.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

В 1941 году мне было 6 лет, и мы с мамой жили в городе Харьков (Украина). Когда началась война, мой детский сад находился за городом, в летнем лагере. Я помню ночные бомбёжки, во время которых нас поднимали с кроваток и в темноте, не включая света, вели в подвал. А мы наощупь надевали чьи-то сандали или тапочки и, испуганные, плачущие брели за воспитательницами, которые успокаивали нас. Когда мы вернулись домой, я боялась ложиться спать и не хотела раздеваться, чтобы без промедления сразу же бежать в бомбоубежище.

В сентябре 1941 года мы эвакуировались из Харькова. На вокзал мы ехали на извозчике вместе с маминной подружкой. Вдруг завывла сирена, предупреждая о воздушном налете. Мама накрыла меня своим телом, а ее подружка надела на голову кастрюлю, как будто та могла защитить ее.

В нашем эшелоне везли оборудование завода и ехали его работники. Мама работала в заводском Доме культуры. Поезд двигался очень медленно, с бесконечными остановками. В нашей теплушке говорили, что последние вагоны были разбомблены. Во время пути я заболела, ноги покрылись нарывами, следы от которых остались почти на всю жизнь.

Нас привезли в Сибирь в поселок Анжеро-Судженен, когда там уже стояла зима, и были такие сугробы, что в одном из них «утонула» моя галоша с валенком и, как ни разгребали потом снег, ее там и не нашли, а обнаружили только весной.

Через «Красный Крест» маме удалось разыскать своих младших брата и сестру в Казахстане в селе Каскелен под Алма-Атой. И мы отправились туда. В Алма-Ату приехали поздно вечером. Оказалось, что добраться до села можно лишь утром. А куда деваться до утра, если вокзал забит беженцами. Вдруг какая-то незнакомая женщина пожалела нас с мамой, привела к себе домой, накормила и уложила спать. Вот какими отзывчивыми были люди во время войны!

Утром на вокзале мама сговорила со старым казахом, владельцем упряжки волов и телеги. Он согласился отвезти нас в село Каскелен. Мы ехали целый день.

По-русски он почти не понимал и на просьбы сделать остановку не откликнулся. По дороге нас обогнал грузовик, в кузове которого сидело несколько человек. До нас донесся крик: «Оля!...» (так звали мою маму), но машина не остановилась. Потом, когда добрались до села, мы узнали, что это кричала мамина сестра Хая, которая ездила в Алма-Ату нас встречать и возвращалась обратно ни с чем, так как поезд пришел не по расписанию (вечером, а не утром). В село мы дотащились, когда уже стемнело. Где искать нужный адрес? Вдруг навстречу нам идет мужчина. Мама хотела его спросить, но он бросился к ней и стал обнимать. Это оказался мамин брат, вышедший из дома в надежде нас встретить. Поселились мы вшестером с семьей брата в саманном домишке у суровой, нелюдимой старухи - переселенки. Основной едой была кормовая белая свекла в разных видах: сырая, вареная, печеная.

Через несколько месяцев в конце 1942 года дяде Марку предложили должность доцента в одном из Алма-Атинских вузов, и мы все переехали в Алма-Ату, а комнату нам дали в бараке с удобствами во дворе, без кухни и с русской печкой. В этом бараке я прожила почти двадцать лет до своего замужества.

В 1943 году я пошла в первый класс, а каждое лето ездила в лагерь. Питались мы плохо и главным лакомством был кусок черного хлеба или арбуза. Правда летом были у нас фрукты и овощи. Сразу после войны у меня обнаружили начальную стадию туберкулеза и я около года провела в больнице. Там было сытнее, чем дома, но по вечерам мы на кухне воровали хлеб. А на Украину так и не вернулись, остались жить в Алма-Ате.

Борис Беркович родился 14 июня 1941 года в городе Могилёве. Мать - Ася Гордон-Лившиц, отец - Самуил Беркович, сестра - Белла. Окончил Ленинградский институт точной механики и оптики. Работал ведущим инженером на военном заводе в Ленинграде. Жена Беркович Людмила, сын Игорь живет в Израиле, дочь Ольга живет в Санкт-Петербурге. репатриировался в 1990 году.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

Трудно говорить о том, мои ли личные это воспоминания или навеянные теми рассказами, которые слышал от мамы и от ближайших родственников, но, тем не менее, картина тех далёких лет сформирована и мне до сих пор кажется, что её именно я видел и поэтому помню. С другой стороны мог ли я запомнить то, как гремели взрывы авиабомб, обрушенных на город Могилёв в первые дни войны, начавшейся 22 июня 1941 года?

Моя мама родила меня 14 июня, за неделю до войны. Она только вернулась домой из родильного дома, была ещё слаба после родов и ей было труднее, чем многим другим, которые могли свободно передвигаться и бежать. А бежать пришлось! В панике люди бежали из города на его окраины. Окраина была за Днепром, там, в посёлке Луполово, была надежда укрыться и спастись. Схватив за руку мою семилетнюю сестру Беллу и прижав меня к груди, она вместе с своей сестрой Идой побежали к днепровскому мосту. Но силы вскоре оставили маму, тогда меня на руки взяла тётя Ида. Они только успели вбежать на мост, когда снова появились немецкие самолёты, и бомбы стали рваться рядом с мостом. Мама, тянувшая за руку Беллу, всё быстрее теряла силы и бежать уже не могла. Тогда она крикнула Иде: «Бросай его в воду, я рожу другого, помоги нам!»

Я жив, конечно, меня не выбросили в Днепр, а моя мамочка часто рассказывала всем, как она в страхе и отчаянии чуть не потеряла меня. Моя спасительница и моя вторая мама, тётя Ида, всегда оставалась моим самым близким человеком, а её сын Иосиф, мой двоюродный брат, мне был ближе, чем родной.

Я часто вспоминаю, как моя мамочка, обнимала меня, взрослого парня, закончившего институт, и говорила: «А я тебя хотела выбросить в Днепр!» В глазах её стояли слёзы...Я улыбался и говорил: «Всё это легенды, ты бы никогда этого не сделала!»

Только теперь я понимаю, как я её любил. И как мало внимания я уделял ей. Но, видимо, так устроена жизнь и не я один такой. Мы, молодые, не всегда понимаем наших родителей.

Город часто бомбили и поползли слухи, что немцы через несколько дней войдут в город. И одновременно мой отец, Саня Беркович, все эти дни почти не возвращавшийся со своего завода, на котором работал токарем, появился на пару часов и сказал, что завод срочно эвакуируют, демонтируют и грузят оборудование. Где-то формируется товарный эшелон, на котором мы можем выехать из города. Куда? Никто не мог сказать, куда и когда! Отец снова убежал на завод, а мама на скорую руку собрала вещи, которые в силах могла унести, и третьего июля 1941 года маме удалось вместе со мной и сестрой Белой найти и сесть в одну из теплушек этого эшелона. Это было бегство. Брошено было всё, всё осталось в большом семейном доме, принадлежавшем моей бабушке. Мама успела взять с собой только немного продуктов, которые были на тот момент дома. А ведь сестру надо было кормить, не говоря о самой маме, которой надо было иметь грудное молоко для меня.

Я не знаю, сколько дней эшелон пробирался по ещё уцелевшим железнодорожным путям. Я не знаю, как удавалось на недолгих остановках добывать воду и продукты. Знаю это по рассказам мамы, что эшелон неоднократно бомбили, но нам везло и бомбы не попадали в нас. Мама рассказывала, что люди, бывшие в нашей теплушке, верили в нашу безопасность потому, что здесь есть новорожденный. Они говорили: он наш спаситель!

А спаситель этого не сознавал и громко кричал от того, что ему было холодно и он хотел есть. Эшелон продолжал продвигаться в более безопасные районы страны. Туда уже не долетали немецкие самолёты, и можно было приобрести еду на станциях, до которых ещё не добралась война.

Через несколько дней эшелон прибыл в город Куйбышев, многих расселили по частным домам в дальних пригородах города. Нам достался посёлок со странным названием Зубчаниновка. Дом принадлежал неплохим людям по национальности мордва. Когда они узнали, что мы евреи, они были очень удивлены. Им всегда казалось, что евреи похожи на чертей и с рогами. А тут обычные, похожие на них, люди. Через несколько дней появился папа Саня. Оказалось, что их эшелон с оборудованием тоже прибыл в Куйбышев. Здесь был организован завод по производству двигателей для военных самолётов. Отец был токарем высочайшей квалификации. Таких, как он, не отправляли на фронт, давали им бронь. Они трудились всю войну по двенадцать- четырнадцать часов в день, ночуя на заводе. Домой он приходил один раз в неделю, принося с собой паёк для нас. Мне тогда уже было года три и эти моменты до сих пор стоят в моей памяти. Я сижу у окна, на улице снег, я жду папу. Вот он идёт в валенках, в шапке ушанке, смешно качая головой, как большая добрая лошадь, и в руках у него свёрток. Я знаю, что это хлеб, вкусный, душистый, прохладный. Сейчас мне кажется, что это был белый хлеб, хотя тогда вряд ли в пайках рабочим могли дать белый хлеб, но для меня, вечно голодного, даже чёрный хлеб казался лакомством. Я помню, да, это я помню, как однажды, будучи дома с сестрой, я взобрался на табуретку, открыл дверцу маленького настенного шкафчика и стал искать в нём что-нибудь съестное. Шкафчик был пуст, я заплакал и, повернув голову к сестре, сказал: «Даже корочки нету!» Именно так: «нету». Бела

до сих пор, вспоминая этот момент, не может сдержать слёз.

Я помню, как однажды ночью, когда все крепко спали, я проснулся от того, что услышал скрип открывающегося окна и увидел что-то большое и тёмное, которое влезает в комнату. Я испугался и какое-то время молчал, потом закричал, папа всегда спал крепко и не проснулся, тем более, что это был выходной после тяжёлой трудовой недели, а мама проснулась и тоже стала кричать. Вор, а это был он, выскочил обратно на улицу, но успел снять со стены висевшее рядом с окном папино пальто.

Я помню детский садик, в который меня водили. Это было начало 1945 года. И жили мы тогда уже не в Зубчаниновке, а в Безымянке. Это тоже один из районов Куйбышева. Даже адрес помню - шестьсот девяносто первый квартал. Там построили двухэтажные дома и переселили туда многих рабочих завода №24. Так назывался тогда этот моторостроительный завод. И директора помню. Его фамилия была Жезлов. Твёрдая такая, железная фамилия, она у всех всегда была на устах, даже дети её знали. А дом, в котором он жил, тоже в Безымянке, называли «Дом Жезлова», хотя там жил не только он, но и многие управленцы завода. Это был большой четырёхэтажный дом, сложенный из кирпича тёмно-красного цвета, а поэтому имевший мрачный и немного зловещий вид. Я побаивался этого дома, но однажды перед этим домом мы с папой набрали с десятка сосновых веток, которые выбросили те, кто мог привезти себе в дом сосёнку к Новому Году. Елок в тех местах не было, поэтому срубали сосёнки.

Принесли мы эти ветки домой, папа прибил их гвоздями к полутораметровой палке и получилась новогодняя ёлка. Я мама и Белла целый вечер клеили цепи из цветной бумаги клеём, который сварила мама из крахмала. Потом мы вырезали разные украшения и вешали их на ёлку. В магазине мама к Новому году купила настоящую ёлочную игрушку- маленького картонного зайца серебристого цвета. Я её повесил на самое видное место. Мы сидели с сестрой на полу под ёлкой и ели пирог из манки, который испекла мама. До чего же вкусен был тот пирог. Ели пирог и запивали его киселём из концентрата. А рядом сидела моя любимая игрушка - маленький смешной тряпичный поросёнок с ушками и милым пятачком. Я его очень любил и никогда с ним не расставался.

В детском саду у нас тоже была ёлка (сосна), но там все игрушки были настоящими. И мне очень понравился маленький барабан. Очень красивый, почти настоящий. На его круглых боках были нарисованы цветные треугольники, а две золотистые полоски обрамляли круг. Я не мог оторвать глаз от этого чуда. Тогда я ещё не знал, что воровать нельзя, и поэтому, сняв барабан с ёлки, положил его в свой валенок, а когда вечером за мной пришёл папа, я всунул ногу в валенок и понял, что я не могу идти и начал хромать, боясь раздавить барабан. Папе сказал, что ударил ногу. Он посадил меня в санки и повёз домой. Он всегда меня так возил. Он бежал быстро по хорошо накатанной снежной дорожке и перед моими глазами мелькали подошвы его валенок. А я сидел и слушал, как хрустит снег под его ногами: «хр-хр-хр». Дома я потихоньку достал мою добычу и повесил её на елку. А всем

сказал, что мне это дали в детском саду. Папа не поверил и наказал меня. Нет, меня никогда не били, а ставили в угол на пару часов или не пускали гулять на улицу с мальчишками целый день. А назавтра мы отнесли барабан обратно в детский садик. Это была моя первая и последняя кража в жизни.

Я помню День Победы. В тот вечер папа вернулся с работы домой вместе со своим другом. Его звали Рувим Боровой. Он вместе с папой работал на заводе. Он тоже был высококлассным специалистом. Многие не выдерживали напряжённой, изматывающей работы на заводе особенно в первые годы войны. Они подавали заявления с просьбой отправить их на фронт, но их не отпускали. Специалистов не хватало и они, как правило, получали отказ. И вот, в тот день, они принесли бидончик с пивом, мама снова испекла манный торт и поставила на стол сковородку с жареной картошкой. Они поднимали тост «За победу», долго разговаривали, все были в хорошем настроении и я тоже. Мне снова достался торт и я, хотя ничего не понимал, но чувствовал, что произошло нечто важное. Недаром они долго сидели и пили пиво. Мама тоже была возбуждена, всё время обнимала и целовала меня и сестру.

В семь лет я впервые понял, что я еврей. Я тогда учился в первом классе школы, которая была в нашем районе. После школы я обычно выходил на улицу и играл с соседскими мальчишками во дворе. Это было зимой, намело огромные снежные сугробы, после небольшой оттепели подморозило и верх сугробов покрылся плотной почти ледяной коркой, настом. Я с пятилетним соседским мальчишкой стали рыть пещеры в этих сугробах, выбрасывая руками снег наружу. Иногда мы взбирались на наш «дом» сверху. Наст был плотным и выдерживал нас до поры до времени. Но в один прекрасный момент, когда я снова взобрался на наст, он не выдержал и я провалился прямо в наш дом-пещеру. Мой напарник был в ярости. Он набросился на меня с кулаками, крича: «Жид, жидюга, мало вас били немцы!» До сих пор не могу понять, откуда у пятилетнего малыша были такие «познания» в национальном вопросе. Дома я всё рассказал маме, она пыталась успокоить меня, что-то объясняла, но этот случай до сих пор стоит в моей памяти.

Следующий случай не заставил себя долго ждать. В нашей коммунальной квартире жила соседка по имени Дуся. Высокая, худая со всегда мрачным лицом. Она явно ненавидела нас. Между ней и мамой были натянутые отношения, она никогда с нами не здоровалась, сидела в своей комнате и только изредка выходила на общую кухню. Меня она не замечала, а я в свою очередь старался не попадаться ей на глаза и боялся её. Но однажды мама послала меня вынести мусорное ведро. Огромный помойный ящик находился за сараями недалеко от нашего дома. Его можно было найти по зловонному запаху, который исходил из этого места. Я подошёл к этому ящику и вдруг увидел Дусю, которая тоже что-то вынесла выбросить. От неожиданности я остановился и стал смотреть на неё. Она тоже не спускала с меня взгляд. И вдруг, ни с того, ни с сего она произнесла грубым, скрипучим голосом: «Ууу, жопа, жидёныш!» Больше всего меня поразило не слово «жидёныш», а слово «жопа». Почему жопа? И причём тут я?

В жизни мне неоднократно приходилось сталкиваться с похожими и более серьёзными ситуациями, но это тема для других рассказов.

Мамина сестра Ида, моя спасительница, с сыном Иосифом, бежав из Могилёва, попали в Махачкалу, там они провели всю войну. Однажды, уже после войны, мы получили от них посылку. В ней были грецкие орехи, курага и изюм. Я впервые понял, что в жизни есть еда, которая намного вкуснее той, которой нас кормила наша изобретательная мамочка. Хотя вкус маминого пирога из манной крупы я никогда не забуду. Тётя Ида с сыном после войны вернулись в Ленинград, где они с трудом получили на двоих крохотную десятиметровую комнатушку, больше похожую на трамвай. Я, вытянув руки, мог коснуться ими обеих стен. Вдоль комнаты размещались две узкие кровати, небольшой стол с двумя стульями и двухдверный платяной шкаф. Это я увидел уже в 1954 году, когда мы сумели приехать к ним в гости в Ленинград.

После войны напротив нашего дома на пустыре началось строительство большого, крытого рынка. Строили его пленные немцы. Им привозили доски и брёвна. Они споро работали топорами, стёсывая кору с брёвен. А мы, мальчишки, подбирали кору и уносили домой, чтобы топить печки. Все старались успеть схватить только что упавшие на землю щепки и кору. Я увидел, как немец начал остругивать бревно, подошёл близко и схватил рукой за конец длинной коряной ленты, которая ещё не была снята с бревна. При этом я слишком близко подошёл к немцу, он прекратил работать и стал мне говорить что-то на немецком. Из всех его слов я понял только одно: « Капут, капут!» Он осторожно дочистил бревно, а я, схватив свою добычу, помчался домой. Так я понял первое немецкое слово.

В 1950 году мы вернулись обратно в Могилёв. Город встретил нас булыжной мостовой главной улицы города Первомайской, разрушенными домами. В руинах этих домов мы с друзьями ещё несколько лет играли в прятки, пока их не снесли и на их месте построили новые кирпичные дома. В одном из них- доме Сталина (такое имя он носил в Могилёве) нам на четверых дали комнату в одной из квартир. Это было счастье!

Так началась наша новая послевоенная жизнь.

Людмила Беркович родилась 22 августа 1936 года в Ленинграде. Мать - Гусева Анна, отец - Гусев Сергей. Закончила школу, получила специальность радиомонтажница. Муж Беркович Борис, сын Игорь, дочь Ольга. Репатрировалась 26 декабря 1990 года.

БЛОКАДНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Я была пятилетней девчонкой, когда началась война. Мы с моей сестрой, трёхлетней Валеёй, тогда ещё не понимали, что такое война. Мама однажды пришла с работы, она была очень расстроена и сказала нам, что немцы напали на нашу страну. В первое время для нас ничего не изменилось, да и мы ещё ничего не понимали. Продолжал работать детский сад, в который каждое утро мама вела меня и Валею.

Мы жили на Восьмой Линии Васильевского острова Ленинграда, а садик находился на Седьмой Линии. Это было совсем недалеко от нашего дома, мама оставляла нас там и уходила на работу. Мама, Анна Михайловна, работала в ателье по пошиву одежды портнихой. В детском саду тоже пока ничего изменилось, приводили детей, нас кормили, а вечером после работы мама нас забирала и вела домой.

А однажды, когда мы возвращались из детского сада, завывала сирена и мы забежали в первую попавшуюся нам по пути подворотню дома в надежде найти там убежище. Бомба упала на дом, стоявший на противоположной стороне улицы. До сих пор я помню грохот взрыва, я тогда успела увидеть падающий дом, а стоящий рядом мужчина, случайно оказавшийся рядом, крикнул нам: «Ложись!» Мы все упали на землю и это, наверное, спасло нас. Очнувшись я уже в больнице. Первое время я ничего не слышала, но мне повезло, что это была лёгкая контузия, и через несколько дней слух восстановился. Помню, что на соседней кровати, лежала старенькая бабушка, она почти не могла говорить, но всё время просила, чтобы я ей пела. И я пела:

Хлеба пайку я то получаю,
А во сне мне снятся блины,
А вчера у тётки стырил две селёдки,
Это знаем я и ты!

Я ей пела ещё и другие песни, бабушке очень нравилось, как я пою и она просила меня петь ещё.

Но через некоторое время и мы почувствовали, что-то изменилось в нашей жизни. В доме стало меньше еды и настало время, когда Ленинград начали обстреливать и бомбить. Детский сад закрыли. Мы с Валею оставались дома одни до вечера и ждали маму. Вечером она приходила и приносила с работы трёхлитровый бидон с бульоном. Его выдавали маме на работе. Постоянно хотелось кушать.

Скоро настали очень тяжёлые времена. Еды почти не стало, мама приносила очень мало хлеба на нас троих. Я говорила маме: «Мамочка, ты больше нас, возьми себе больше!» Но мама всё делила точно, хотя теперь я понимаю, что нам она давала хоть и на немного, но больше, чем оставляла себе. У меня и у Вали на голове появились фурункулы, лечить их было почти невозможно. В тех местах, где появлялись фурункулы, выпадали волосы и я думала, что они уже никогда не вырастут больше. Только благодаря мамочке мы с Валею сумели дотянуть до той поры, когда нас эвакуировали через Ладожское озеро. Не смогла спасти своих детей мамина двоюродная сестра. Трое её детей не выжили в годы блокады, хотя она сама осталась жива.

Эвакуировали нас в октябре 1942 года. Мама собрала наши вещи, нам сшила крепкие холщовые мешки, которые можно было носить на спине, положила туда наши игрушки, которые потом нам оченьгодились, обувь и тёплые вещи. Они нас выручали в первую блокадную зиму и помогут в последующей жизни.

Нас погрузили на небольшие пароходики, мне кажется, что в мирное время мы на таких катались по Неве. Пароходы долго плыли через Ладогу. Маму сильно укачало, её рвало, но страшнее всего было то, что немцы пытались бомбить и нас. Нам повезло. Говорили, что перед нами затонул один такой пароход. Мы удачно приплыли к берегу, там нас уже ожидали грузовики с открытым кузовом. Их называли «полупторка». Мама замотала нас в платки, мы влезли в кузов и сели на пол. Грузовики понеслись по ямам и лужам. Брызги летели в разные стороны, иногда попадая и нам в лица, но мы терпели, ладонями вытирали мокрые лица, но старались крепко держаться друг за друга и за борта.

Привезли нас на сборный пункт, там было много людей и детей с мамами. Мама посадила нас на пригорке, где было сухо. Пошёл дождь, было холодно и сыро. Моросил дождик, а мы сидели с нашими вещами и ждали маму. Всем сказали, что нужно получить продукты на дальнейшую нашу дорогу. Мама вернулась с четырьмя буханками чёрного хлеба. Она их положила себе в свою сумку. Такого богатства мы уже давно не видели!

Неподалёку была какая-то станция, на ней стояли вагоны-теплушки, в которых нас должны были везти дальше. В них были сколоченные из досок нары с соломой. В пути все боялись налётов немецких самолётов. Они ещё имели возможность долетать до этих мест, но чем дальше мы отъезжали, тем более спокойными становились все. Ехали мы не один день. Туалета в вагоне не было и, когда мы

хотели пописать, мама нас держала за руки, а мы сидели на краю вагона, выставив попы наружу. Было страшно и весело одновременно.

Есть всё равно хотелось постоянно. Трудно сказать как, но мама добывала какие-то продукты на тех станциях, где останавливался эшелон. Знаю только, что она меняла на них и наши игрушки и какие-то вещи, предусмотрительно взятые с собой из Ленинграда. Ведь тех четырёх буханок хлеба нам на троих не хватило бы на такую длинную дорогу. Но и мы с Валькой тоже как-то сумели заработать. Было это так. На одной из станций, уже в глубине России, к нам в теплушку влезла женщина с большим мешком. Она сидела неподалёку от нас. Мы с Валею возились со своими игрушками и иногда пели песни, которые знали. Одну из таких песен мы запели:

А у сестры умирал на коленях
Красный балтийский моряк,
От пули и снаряда обрызганный кровью.
К нему медсестра подошла,
Сразу узнала родимого брата,
Громко рыдать начала.
Громкое рыданье встревожило больного:
«Зачем же, зачем же рыдать?
Много погибло из нашей команды,
Никто не хотел умирать!»

Женщина, послушав песню, вдруг развязала свой мешок и достала из него урюк. Такого лакомства мы ещё никогда не ели. Это было огромное счастье, после голодной блокадной зимы, лета и осени почувствовать новый, до селе незнакомый, изумительный и необычный вкус того, что она назвала урюком.

Моя хитрая сестра Валька толкнула меня в бок и шёпотом сказала: «Люська, давай петь ещё!» Мы запели снова, уже обращая следующую песню этой женщине и получили новую, хоть и небольшую порцию урюка.

Поезд переехал за Урал и нас высадили на одной из станций. Там нас уже ожидали подводы. На одну из них усадили нас, покидали наши мешки в подводу и долго везли по просёлочной дороге в какую-то деревню. Лошадь еле тащилась, её иногда постёгивала кнутом женщина, которая нас везла и, иногда, чтобы притормозить, издавала смешной звук «Прууу». Такое мы слышали впервые, да и лошадь, запряжённую в телегу, тоже видели в первый раз. И этот звук «пруу» нас смешил. Валька тоже сказала «пруууууу», звонко и протяжно, я тоже присоединилась к ней. Лошадь остановилась, а хозяйка сказала нам, что так делать больше нельзя, но мы, уже ожившие после перенесённой дороги и быстро забывшие обо всём, что происходило с нами за последний год, продолжали произносить своё «прууу».

Хозяйка больше не делала замечаний, а нам вскоре надоела эта игра с лошастью. Вскоре лошадь остановилась около бревенчатого дома с высоким крыльцом. Здесь нам предстояло жить какое-то время и для нас это был настоящий рай. Сухо, тепло и сытно, конечно, по сравнению с тем, что мы пережили. Вспоминаю интересный и смешной случай. У хозяйки была корова, которая недавно отелилась. Однажды этот телёнок взобрался на крыльцо дома и попытался проникнуть внутрь. Наша мама была очень боевой и весёлой женщиной, она схватила телёнка за хвост и, припевая вот такую песенку, потащи-ла телёнка с крыльца обратно на землю:

Как по нашей по деревне
Пробежал телёночек,
Я за хвостик ухватилась,
Думала милёночек!

Мы с Валею очень смеялись и потом тоже стали напевать эти частушки.

Однажды в деревню приехал наш отец. Он получил ранение на фронте и узнав, куда отправили ленинградцев, разыскал нас. Собрав наши вещи, папа отвёз нас в Кемерово к своей двоюродной сестре. Папа после ранения в руку был комиссован, стал работать на рыбообрабатывающем заводе. Там он покупал рыбу и приносил домой. Так мы жили до конца войны. В Кемерово было много пленных немцев, они жили там, свободно ходили по городу, заходили в дома, выпрашивая еду. Многие им давали, кто что мог.

А в 1946 году нам объявили, что те, кто хочет, может вернуться в Ленинград. Мама собрала пожитки, и мы вернулись в Ленинград. Поселили нас в полуподвальном помещении, окна выходили во двор почти на уровне земли. Лучшего помещения для нас уже не нашлось.

Берман Ида родилась 1 марта 1931 года. Мать - Любовь Иосифовна Изарова-Берман 1904-1935 (пианистка), отец - Юлий Леонидович Берман 1902-1971 (инженер), муж - Матвей Рувилович Дрейер 1920-2001, сестра - Татьяна Юльевна Страйзанд 1949 года рождения (урожденная Берман) живет в Цфате, старший сын - Леонид Матвеевич Дрейер 1962 года рождения имеет два высших образования, изучал архитектуру и древние восточные языки, преподает иврит и иудаику, младший сын - Евгений Матвеевич Дрейер 1965 года рождения, закончил Ростовский университет биологический факультет, живет в Иерусалиме, внучки Яэль (23 года) и Лидия (4 года). Репатрировалась 27 ноября 1990 года.

Война для меня началась в ночь на 22 июня 1941 года в Киеве. Мы проснулись от звуков взрывов. Я не испугалась, так как просто не поняла, что это. Запомнилось это утро ещё и потому, что по радио рассказывали о дебюте талантливой 16-летней балерины Майи Плисецкой в роли Раймонды (балет Глазунова).

Следующее воспоминание: я с бабушкой (папина мама) уезжаем из Киева в город Горький (сейчас Нижний Новгород). Это было в конце июля. Бомбёжки продолжались и мы прятались под скамейками купе. Несколько раз поезд останавливался. Мы залезали под вагоны. Наши попутчики рассказали, что их родственники, которые плыли по Днепру на барже, погибли при налёте немецких самолетов. Баржа была потоплена.

Мы добрались до Москвы, потом до Горького. Там мы вскоре получили известие, что наши родные, сестра папы с мужем, сестра мамы с новорожденной дочкой, мужем и матерью, брат мамы, благополучно выбрались из Киева. Младшего брата мамы (очень талантливый был математик), который ушел в ополчение, состоявшее из безоружной интеллигенции, погиб. Это был живой щит, погибли все.

Началась жизнь в Горьком. Папа работал на знаменитом заводе им. Молотова, который выпускал легковые машины, а также грузовики. Когда мы приехали, папа уже был на казарменном положении и бывал дома не каждый день.

Начались сложности с продуктами, карточки, очереди... Вскоре бабушки Цили не стало и я осталась практически одна. На заводе папе сделали маленькую печку, я возле неё грелась и там разогревала ту еду, которую папа приносил. Сама ходила в магазин, стояла в очередях и «отоваривала» наши карточки, покупала хлеб и продукты. Такой хлеб после войны уже не производили - овальные, серые большие 2-х килограммовые буханки. Я же его вкус и вид до сих пор помню, особенно «довески», которые я съедала тут же.

Папа приносил ещё картошку. Мама моей подруги (я ей эту картошку приносила)

пекла из неё пирожки и мы (её дети и я) их ели. Шелуху от картошки мы собирали. Поскольку я не умела картошку чистить, «моя шелуха» была «толстая». Её можно было продать на базаре и там же на эти деньги купить какую-то еду.

Голод, холод и одиночество! Я всегда была голодной. Мне казалось, что я могу очень много съесть, хотя была маленькой и тщедушной. Валенки прохудились, мизинцы на ногах отморозила. На них образовались мозоли. До сих пор их чувствую! Постепенно росла, научилась многое делать, следить за собой.

Автозавод сильно бомбили несколько раз. Мы, дети, помогали взрослым: они рыли «щели» (маленькие убежища), а мы относили в сторону камни и мусор.

Однажды бомба попала в соседний дом. В нашей квартире осыпались штукатурка и стёкла. После отбоя я стала складывать мусор в тазик и выбрасывать на улицу. Последний тазик уже не было сил поднять, он так и остался стоять, а я уснула рядом. Проснулась в темноте. Часы стояли. Я пошла узнать у соседки, который час. Она ответила: «10 часов». Я подумала, почему же так темно? И тут же догадалась, что это 10 часов вечера, значит я проспала более 12 часов.

Прошла первая военная зима. Весной заводу выделили участки земли, чтобы посадить картошку и другие овощи. Земля возле торфяников была белого цвета: там ничего не росло, даже сорняки. Папа никогда не занимался сельским хозяйством, поэтому обложился журналами и мы все сделали «по науке». Посадили «глазки», а не целую картофелину. В каждую лунку насыпали какой-то серый порошок (удобрение), положили навоз и налили из бутылки жидкость с какими-то бактериями. Все окружающие дружно издевались над нами, предрекая неудачу. Но постепенно смешки прекратились. Даже издалека, с железнодорожной насыпи, наша полоска на этой белой земле, выделялась сильными, ярко-зелёными побегами, а потом мощными растениями. Мы собрали рекордный урожай - 18 мешков с одной сотки и о нас написали в газетах.

Ковсему постепенно привыкаешь. Яросла, уже была достаточно самостоятельной: училась в школе, очень много читала, так как у папы была огромная библиотека. Часть её я привезла в Израиль. В начале лета в июне 1945 года вскоре после Победы я вернулась в Киев одна, так как папа был на казарменном положении и остался в Горьком. Там он прожил до конца жизни, умер в 1971 году. До Москвы я доехала обычным поездом. В Москве была пересадка с Курского на Киевский вокзал. Я там села на поезд, состоящий из товарных вагонов (теплушки). Это был поезд, который шёл вне расписания. Останавливался в «чистом поле», люди бежали «в кустики», начинал двигаться без предупреждения. Однажды я чуть не опоздала, меня втянули за руки уже на ходу. Так я ехала две недели. Запасов у меня было одна булка и девять рублей. Я совершенно не помню, каким образом я ехала и доехала, как спала, кто меня подкармливал. Помню семью с детьми на полу, в одном из углов и всё. Может быть, они?

Высадили нас в 18-ти километрах от Киева и дальше мы шли пешком. Поздно вечером я добралась до квартиры дяди (брат мамы), который отвёл меня в семью

маминой сестры, где я и осталась жить с бабушкой. Я благодарна всем моим родным, я всех помню и люблю. Это мамина сестра Ида Иосифовна Изарова и её муж Исаак Маркович Глоубер, папина сестра София Леонидовна Берман и её муж Марк Ильич Нахманович, мамин брат Лев Иосифович Изаров и, конечно, моя бабушка Полина Иосифовна Изарова, мой папа Юлий Леонидович Берман. Все любили меня и помогли выжить.

Вскоре произошла очень драматическая встреча. К нам в дом пришла женщина, которая чудом спаслась из Бабьего Яра, бывшая актриса кукольного театра. Она не успела эвакуироваться и прошла весь скорбный путь. Она рядом с другими стояла на краю рва и, когда раздались выстрелы, упала вниз вместе со всеми. Поняла, что не ранена и глубокой ночью выбралась незаметно и спаслась. С ней рядом оказался подросток, но он наступил на хрустнувшую веточку и, стоявший на холме, охранник-немец выстрелил на звук. Мальчик погиб.

Второе чудесное спасение касалось моей двоюродной тёти, которая была замужем за известным в Киеве врачом Троодием Ричардовичем Крыжановским. Он был поляк и называл свою жену Цецилию - Сесили. Соседи думали, что она тоже полячка. Они не успели уехать. Их приёмная дочь была в партизанском отряде и он передавал в отряд лекарства и документы, смог спасти многих раненых. Оба остались живы. В доме Крыжановских на Подоле была большая художественная коллекция - книги, картины, скульптура, мебель. Во время войны многое было спрятано, а после смерти супругов, по их завещанию, она была передана государству. Когда уже через много лет после войны я привела к ним моего старшего сына и сказала: «Лёня, посмотри в это зеркало, в него смотрели Пушкин и Чайковский». Это было трюмо из поместья Волконских в Раменках.

Несколько слов о послевоенной жизни. В Горьком я училась с 4 по 7 класс. В Киеве начала учиться с 8-го класса. Закончила школу с золотой медалью. Увлечение физикой сменилось увлечением музыкой, поэтому поступила не в университет на физический факультет, а в консерваторию, где пришлось сдавать все специальные экзамены. От общих экзаменов золотая медаль освободила. Окончила консерваторию с отличием факультет историко-теоретический. Работала в различных музыкальных учреждениях преподавателем. Трудовой стаж 37 лет. В своё время (одновременно с консерваторией окончила трех годичные курсы английского языка, что помогло в моей научной работе. Занималась изучением творчества английского композитора 17-го века Генри Перселла. Есть несколько публикаций.

Боброва Варда родилась 12 августа 1936 года в городе Харьков. Закончила строительный институт, работала главным инженером в строительном управлении. Муж Григорий Аронович умер в 2000 году. Сыновья Андрей и Никита живут в Израиле, 4 внука: Вадим, Григорий, Андрей, Розанна. Репатрировалась в 1998 году.

Моя семья это я, мама Мария, папа Михаил. В начале войны папу призвали в армию, а мы с мамой остались вдвоём.

8 августа 1943 года мы с мамой были насильно вывезены в Германию из Золочевского района Харьковской области. Мы попали в село Фрезенбург около города Ашендорф. Мама работала на разных работах, а я, по мере своих детских сил, помогала ей. Работы были каторжные. Маму часто избивали у меня на глазах. Она была очень красивая, а мне было больно за неё. Однажды, в сарай, где я была, вошёл сын хозяина и пытался меня изнасиловать. Я сопротивлялась и он выбросил меня из окна. Я попала в госпиталь с травмой головы и глаза. Здесь у меня неоднократно брали кровь для немецких солдат.

Так мы прожили в лагере до 9 апреля 1945 года, когда нас освободили американцы. Они предложили нам на выбор либо ехать домой, либо в любое другое государство. Мама, конечно, выбрала Родину. По возвращении домой нас ожидало много проблем.

Бородянская Елизавета родилась 17 июня 1935 года в местечке Комарин Гомельской области. Мать Песя, отец Натан, бабушка Рахиль, сестры Сара, Фаня, Буся, Геня, Лиза, Майя и брат Шура. Училась, закончила Минский государственный медицинский институт, работала в районном центре Житковичи врачом, затем в городе Мозырь Гомельской области. Муж Пинский Борис 1930 года рождения умер в Израиле в 2004 году. Сыновья Александр 1959 года рождения работает преподавателем вождения

в Израиле, Игорь 1963 года рождения живет в Израиле, 6 внуков: Питер, Дани, Рина, Елен, Керен, Рой.

Июнь 1941 года. Мне 6 лет, живем мы в еврейском местечке Комарин (Гомельская область, Белоруссия). Семья наша была большая - 6 сестер от 4-х до 14-ти лет и 2-х месячный братишка. Папа был по профессии столяр, поэтому у него было много хороших знакомых в окрестных деревнях. Он считал, что война будет очень короткой, что немцы ему ничего плохого не сделают. Он был уверен, что его многочисленные друзья защитят его. Поэтому, когда многие евреи уехали из Комарина, мы остались у себя дома. В августе 1941 года немцы подошли к Комарину. Тогда папа посадил всё наше семейство на повозку, с нами была еще наша старая бабушка, и мы поехали в деревню. Там нас папины «друзья» встретили агрессивно и даже не пустили во двор. И тогда папа, поняв и оценив сложившуюся ситуацию, решил возвратиться в Комарин. Тетя с тремя детьми не согласилась с ним возвращаться и поехала в другую деревню, где они и были зверски убиты.

Когда мы вернулись в Комарин, там уже грабили магазины, дома. Многие с радостью ждали прихода немцев. В наше местечко вступили отступающие войска. Красноармейцы увидели мою сестру Бусю, красивую еврейскую девушку, и предложили идти с ними на восток. С наступлением темноты мы перешли Днепр по мосту, а утром следующего дня немцы вошли в Комарин.

Некоторое время мы ехали с отступающей армией, затем солдаты двинулись к линии фронта, а мы - на восток. Уже наступила осень, мы без еды, без одежды. Постоянные бомбежки, во время которых мы, дети, разбежались в разные стороны. Затем родители с трудом нас находили. Бабушка не выдержала этих лишений и по дороге умерла. Так мы добрались до Старого Оскола, оттуда нас эвакуировали в Казахстан, Кызыл-Ординская область, село Байгакум. Старшие сестры, еще несовершеннолетние, работали на военном заводе и получали скудный паёк. Получали муку и мама пекла лепешки ночью, чтобы мы их не съели полусырыми. Папу в армию по состоянию здоровья в армию не взяли, он работал на заводе. У многих из нас, особенно у папы, развились «голодные отеки». У младшего брата из-

за истощения выпадала прямая кишка.

В 1944 году мы, одни из первых, вернулись в Комарин. Он был разрушен, на улицах видны следы бомбежек. С нами не приехала старшая сестра Сара, так как она заболела по дороге брюшным тифом, и мы ее оставили в больнице в городе Гомеле. На улицах Комарина оставалось много неразорванных гранат и мин. Не могу забыть, как такой снаряд разорвался в руках у мальчишки, и он потерял руку и глаз.

Наш дом был тоже разрушен, но остались стены. Папа отремонтировал часть дома. И снова голод, холод, одежда не по сезону и не по размеру, вши, чесотка. Карточная система, но для того, чтобы отоварить продуктовые карточки, надо было занимать очередь ночью. Чувство голода я не забыла до сегодняшнего дня.

Прошли годы, все мы выросли, получили образование, часто вспоминаем то время, когда брат (профессор радиотехнического института) говорил: «Есть хлеб - нет картошки, есть картошка - нет хлеба. Когда же будет хлеб с картошкой?». У меня дети, внуки. Все в Израиле. Все внуки побывали в лагере смерти в Польше, увидели своими глазами страшное лицо катастрофы. И мои молитвы о том, чтобы всё, что пережила я, не пережили бы мои внуки и правнуки. Чтобы они никогда не узнали голода, холода, потери ни в чем неповинных близких. Да будет так!

Геннадий Бродский родился 25 мая 1937 года в городе Харькове, после эвакуации вернулся в Харьков. Мать Красильщиков Татьяна, отец Бродский Исаак, дедушка Красильщиков Борис, бабушка Ревекка. Окончил Харьковский государственный университет физико-географический факультет, работал экономистом проектного института. Репатриировался в ноябре 1995 года. Дочь Ольга Горловецкая 1962 года рождения живет в Израиле, сын Дмитрий 1971 года рождения в США.

КАК ЭТО БЫЛО (1941-1945 ГОДЫ В МОЕЙ ЖИЗНИ)

Я родился 27 мая 1937 года в городе Харькове. Папа работал начальником участка в литейном цехе завода «Серп и молот», мама - бухгалтером в трамвайно-троллейбусном управлении. В Харькове жили и родители моей мамы и три её брата. Родители моего папы, его сестра и брат жили в городе Запорожье.

Самый первый день войны - 22 июня я не помню, но уже в первые дни войны все мамины братья были мобилизованы в армию. Старший из них Михаил Красильщиков, приехав к нам попрощаться перед отъездом, подарил мне заводную игрушку - танк. Я его пускал по длинному коридору, он долго ехал, гремел хлопущей и из ствола вылетали искорки. Дядя Михаил закончил перед войной физико-математический факультет, после призыва прошёл краткосрочный курс младшего офицера в артиллерийской академии и воевал командиром батареи на южных фронтах. После третьего тяжёлого ранения в 1943 году попал в госпиталь в городе Сочи, где скончался и похоронен в братской могиле.

Харьков всегда был самым крупным городом Украины по населению и промышленному потенциалу. Немцы начали воздушные налёты на Харьков с первых дней войны. В подвале нашего дома оборудовали бомбоубежище. Вход в него был со двора в торце дома. При объявлении воздушной тревоги нужно было выйти во двор и пройти метров 70-80 ко входу в убежище. Мне запомнился ночной налёт. Папа нёс меня на руках по двору. Соблюдались затемнение, во дворе было абсолютно темно. Гудели сирены, заводские гудки. Папа сказал мне: «Смотри, вон фашист летит.» Я поднял голову. По небу бегали лучи прожекторов. Несколько из них скрестились в одной точке и в ней оказалась маленькая движущаяся палочка. И в это время к самолёту потянулись пунктирные линии зенитных снарядов.

Когда правительством было принято решение об эвакуации промышленных предприятий в восточные районы страны, папу назначили ответственным за эвакуацию литейного цеха завода. Представить себе объём этой работы может только тот, кто бывал в крупных литейных цехах. В них работают по 1,5 - 2 тысячи

человек. Помещения их рассчитаны на въезд в цех железнодорожного локомотива с двумя-тремя вагонами металлического лома или формовочной земли. Под потолком металлические балки с подъёмными кранами для разгрузки и перемещения грузов по цеху. Огромные плавильные печи, литейные формы, другое оборудование. Всё это нужно было демонтировать, погрузить на железнодорожные платформы. Конца этой работе не было видно, а немцы стремительно приближались.

Младший мамин брат Иосиф, окончивший в 1940 году филологический факультет и хорошо знавший немецкий язык попал после призыва в подразделение разведки, вначале переводчиком, а вскоре оперативным работником. Их семьи подлежали первоочередной эвакуации. И мои родители приняли решение: мама со мной и моим старшим братом эвакуируется с бабушкой и дедушкой, а папа останется выполнять своё поручение.

Важной особенностью эвакуации 1941 года являлось то, что эвакуированные не знали, куда они едут. Им сообщался только номер состава и номер их вагона. Папа тоже не знал, куда отправляется оборудование его цеха. Но папина сестра Полина со своими двумя детьми и папиными родителями выехала в эвакуацию из Запорожья ещё 12 июля 1941 года, и мои родители успели до отъезда получить её письмо со станции Унароково Краснодарского края. Через неё впоследствии мы и разыскивали друг друга.

Я с мамой, старшим братом Гришей, дедушкой и бабушкой в конце августа 1941 года оказался на вокзале Харькова в товарном вагоне. Пол вагона был прикрыт небольшим слоем соломы, сверху постелили одеяла и мы тронулись в путь. Не знаю, сколько в вагоне было семей, но места свободного не было.

Если поезд останавливался на какой-то станции, дедушка с моим старшим десятилетним братом бежали на вокзал за кипятком, водой и пытались купить что-нибудь из еды. Если поезд останавливался не на станции, из вагона выносились запасённые кирпичи, дрова; разводился костёр и пытались сварить еду. Когда раздавался гудок паровоза всёбыстро возвращалось в вагон и ехали дальше. Эта поездка длилась больше месяца. Только в октябре 1941 года мы оказались в городе Кустанай Казахской ССР. По прибытию в Кустанай, мама сразу написала о нашем местонахождении папиной сестре Полине в Унароково. Письма шли долго. Только в декабре мы узнали, что папа оказался в Саратове.

Судьба моего Запорожского дедушки Хаима (Михаила) Бродского, бабушки Сары, тёти Полины и её детей Самуила и Натальи, оказалась трагической. Когда летом 1942 года немцы прорвали южный фронт и начали быстрое наступление на Сталинград и Северный Кавказ, они не успели выехать из Унароково. Весной 1943 года после разгрома немцев под Сталинградом и изгнания их из Краснодарского края мама послала запрос в Унароковский сельский Совет и мы получили такой ответ: «Семья Бродского, эвакуированная из города Запорожья и проживавшая в селе Унароково Ярославского района Краснодарского края во время оккупации немцами была арестована Унароковской полицией и направлена в гетто в станицу

Лабинскую, где и расстреляна, как Полина с детьми, так и старики. Похоронены на аэродроме в станице Лабинской. 4/V-43г. Пред.с.с. подпись.»

Рвавшие к Волге и Северному Кавказу, немцы не заходили в небольшие сёла в стороне от магистральных дорог. Но благодаря «доблестным» кубанским казакам, наша семья лишилась сразу пяти своих близких.

В Кустанае братский казахский народ в свои дома нас не пустил. Единственной помощью для нас от городских властей оказались землянки, выкопанные на берегу реки Тобол, в одной из которых мы и прожили несколько месяцев. По дороге на базар, источник пропитания, нами был обнаружен брошенный заколоченный глинобитный однокомнатный домик с потрескавшимися стенами. Маме, получившей работу бухгалтера в областном отделе здравоохранения, дали городские власти разрешение занять этот домик. Дедушка с моим братом накопили на берегу реки глины, заделали в домике трещины, и мы перескелились туда. А вскоре мама, я и брат уехали в Саратов к папе.

Уже после войны папа рассказывал мне, что, когда в Харькове он с рабочими грузил последние вагоны с оборудованием цеха, по заводскому радио объявили, что на Южном вокзале города (примерно в 15 км от завода) появились немцы; эшелон отправится с завода через 15-20 минут, кто в него не сядет выбраться из города не сможет. Папа сходил домой (в 5-ти минутах от завода), взял одеяло, подушку, альбомы с коллекцией почтовых марок и быстро вернулся обратно на посадку.

Эвакуированный цех оказался на окраине Саратова, недалеко от железнодорожного вокзала. Как только смонтировали оборудование, он начал отливать артиллерийские снаряды. Пока папа был в Саратове один, без семьи, своего жилья у него не было. В цеху стояла раскладушка, на которой он спал, когда была возможность. Цех работал в две смены по 12 часов, а инженеров было меньше, чем на одну смену. Почту он получал по адресу Саратов -26, почта вокзала, до востребования. Когда мы с мамой приехали в Саратов, папе дали комнату в заводском деревянном бараке недалеко от завода. Папа приходил домой только в воскресенье, в остальные дни он по-прежнему ночевал в цеху. От цеха всё время требовали увеличить производство снарядов. Литейное производство - это тяжёлый физический труд. О механизации и автоматизации производства заговорили только после войны - в 50-60-х годах. До войны в цеху работали только физически крепкие мужчины. Теперь же в цеху оказались полуголодные истощённые женщины и подростки, еле-еле справлявшиеся с необходимой работой. Папа несколько раз подавал рапорты об отправке его на фронт (он был младший лейтенант - командир отделения связи в запасе). Но каждый раз ему отвечали: фронту нужны снаряды.

Я до сентября 1944 года днём находился в заводском детском саду. 1 сентября мне показали дорогу в школу. Она была в центре города, довольно далеко от дома и идти приходилось больше часа. Тетрадей и учебников не было. У меня даже не было ручки. Учительница писала мелом на доске, а мы списывали буквы и цифры на поля газетных страниц химическим карандашом. Смоченный грифель этого

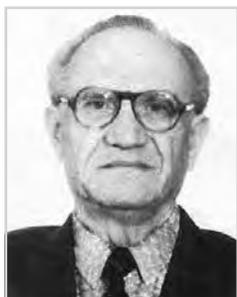
карандаша писал наподобие чернил. Только через пару месяцев мне купили на базаре чернильницу - невыливашку, чернильный порошок и ручку с пером.

Я учился в первой смене. Дома после уроков в мои обязанности входило наколоть топором дрова, растопить печку-буржуйку (круглый чугунный цилиндр высотой примерно один метр с отводной жестяной трубой в оконную форточку, которая служила для обогрева зимой и приготовления пищи), принести из уличной колонки воды, помыть мясо, если оно было, и поставить его в кастрюле с водой на печку вариться, чтобы к приходу поздно вечером с работы мамы, был готов бульон и она могла заправить его крупой или лапшой и был готов обед. Так прошёл мой первый учебный школьный год.

9 мая 1945 года утром в начале 7-го часа мы проснулись от страшного шума на улице. Кричали люди, гремели выстрелы. Первой мыслью, когда вскочили с кровати, было: немцы высадили десант. Осторожно открыли дверь и выглянули на улицу. На десант было не похоже. Люди ликовали, кричали «Ура!», пели. У кого было оружие (в наших бараках жили милиционеры и много инвалидов войны, пришедших с фронта с оружием) стреляли в воздух. Через минуту мы выяснили, что в 6 часов утра по радио объявили о подписании Германией акта о безоговорочной капитуляции.

Война, длившаяся почти четыре года, закончилась. Можно было возвращаться в Харьков. Но не тут-то было. По законам того времени уволиться с завода по собственному желанию не разрешалось. Решение о переводе мог принять только наркомат в Москве по ходатайству харьковского завода. Такое разрешение пришло в Саратов из Москвы только в октябре 1945, а в ноябре мы выехали в Харьков, так что второй класс я заканчивал уже в Харькове. Это была весна 1946 года, когда с начала мая по октябрь не было ни одного дождя, жаркие ветры высушили и уничтожили всё, что должно было вырасти на полях и огородах. Обессилившиеся, опухшие от голода люди валялись на улице, ученики во время уроков сваливались с парт в голодном обмороке.

1941-1945 - 5 лет из моих на сегодняшний день 77 с половиной лет жизни. Казалось бы 5 лет не очень продолжительный отрезок. Да и прошло с июня 1941 уже более 73 лет. Но забыть всё, что было в те годы невозможно.

Бронфман Герш родился 26 июня 1923 года в городе Кишинев, мать Свечникарь Этль, отец Бронфман Шломо, сестры Лиза, Сара. Вернулся после армии во Львов, забрал всю семью во Львов в 1949 году. Женится в 1946 году, жена Ульман Сойба. Сыновья Леон умер в Израиле, Борис живет в Израиле, 4 внука, 4 правнука. Репатриировался 19 апреля 1990 года.

Моя семья состояла из пяти человек: отец Шлёма, мама Этель, сестры Лиза и Сара и я. Жили в Кишинёве.

6 июля 1941 года мы бежали из города Кишинева, добрались до станции посёлка Затока Краснодарского края (Россия), где находились по сентябрь 1941 года. Потом нас эвакуировали в Казахстан в Бурли-Тюбигский район. Попали в колхоз «Балхаш Рыбак», где находился с 25 сентября 1941 года по 8 апреля 1942 года.

В апреле 1942 года меня мобилизовали в ряды Красной Армии. Я проходил подготовку техника восстановительных и заградительных работ на железнодорожном транспорте. На практике работал на стройучастке. Затем учился на курсах НКПС с 24 августа 1942 года по 5 марта 1943 год, которые окончил с отличием. Затем был направлен в действующую армию. В основном наша часть выполняла проектные работы пролётных строений мостов, восстановление переправ на Украине, Белоруссии, Польше, Германии.

После Победы по ноябрь 1945 года продолжал служить в составе Оккупационных войск в Германии. После демобилизации с 1947 года по 1949 год работал старшим инженером-конструктором в «Мостобаза-20» в городе Львове.

Бронфман Сойба (девичья фамилия Ульман). Муж
Бронфман Герш.

Моя мирная жизнь окончилась с началом Второй мировой войны, с наступлением войск Германии и Румынии. 6 июля 1941 года я бежала с моим братом Абрамом. Мы добрались до колхоза «Воровск» в Днепропетровской области, где я работала на сельхозработах и строительстве оборонительных сооружений. Оттуда мы эвакуировались вторично в Сталинградскую область, где с сентября 1941 года работала до 1 ноября 1944 года в Скрипаловском колхозе (село Скрипали) и где также участвовала в сооружении фронтовых оборонительных укреплений. В ноябре 1944 года уехала домой в город Кишинев (Молдавия), где работала на Кишиневском учебном комбинате глухонемых до сентября 1946 года, потом уехала в город Львов к будущему мужу Гершу.

***Бурина Ида** родилась 5 ноября 1924 года в городе Шувайнишкас в Литве, после войны вернулась в Вильнюс, работала портнихой. Мама Хая, отец Хоне-Лейба, сестры Гинда и Эстер были расстрелены. Муж Шерас Лейба умер в Израиле в 1996 году. Дочь Хая живет в Америке. 3 внука Гершен, Рина, Элла, 13 правнуков. Репатриировалась 30 октября 1994 года.*

Моя семья - это папа Хона-Лейба Бурин, мама Хая, сестры и братья: Эстер (3 года), Шида (18 лет), Абель (21 год), Зяма (14 лет), Мойша (5 лет), Герш (7 лет). Вся семья погибла во время войны.

До 1941 года я жила в Литве в городке Шувайнишкас. Я была комсомолкой и активисткой. Когда началась война, немцы вошли в Литву и начали убивать коммунистов, комсомольцев, мирных жителей. Нас вызвал секретарь комсомольской организации и приказал, чтобы все комсомольцы-активисты ушли из города на пять дней, и не надо брать с собой багаж. Нас в группе было, примерно, двенадцать человек комсомольцев. Мы пешком дошли до Нерете без еды и воды. Воду пили из лужи. По дороге мы видели много убитых солдат Красной Армии. Комсорг нашей группы сказал, что надо идти дальше. Мы остановили грузовую машину и добрались до Мазона. Там местные жители сказали, чтобы мы переночевали в сарае, где уже было много людей. Но комсорг нашей группы решил, что это опасно, и мы ночевали в лесу. Ночью раздался взрыв. Это немцы взорвали тот сарай и все, кто там был, погибли. Затем мы пешком дошли до товарной станции и оттуда доехали до Пскова, где на станции мы немного поели. Потом мы доехали до Галич. Мне было шестнадцать лет. Совсем молоденькая, не опытная девочка. Кроме того, я не знала русский язык, так как в нашем городке говорили только на литовском и идиш.

В Галиче нас зарегистрировали и отправили работать в колхоз. Наступали холода, теплой одежды у нас не было и мы решили добираться до Ташкента. На разных поездках в очень тяжелых условиях мы добрались до Ташкента, а оттуда нас направили работать в колхоз им. Жданова.

В 1943 году я получила приглашение приехать в Ташкент в Литовское консульство, меня должны были направить на учебу в Москву, как литовскую комсомолку-активистку. Но, к сожалению, было много желающих, и меня не взяли. Я вернулась в колхоз, где в тяжелых условиях работала до конца войны.

Еще хочу сказать, что, когда я работала в колхозе в Галиче, там простая русская женщина Галя готовила еду для работающих эвакуированных. И она тайком давала мне еще немножко хлеба и говорила: «Может и моего сыночка тоже кто-нибудь накормит».

После окончания войны я уехала из Ташкента в Вильнюс. Работала швейей, закройщицей. Вышла замуж в 1946 году.

***Бутовецкая Раиса** родилась 1 января 1938 года в городе Литин, Винницкой области. Образование высшее, специальность - педагог. Муж - Бутовецкий Леонид, сын Марк, дочь Александра, 3 внуки: Евгения, Алёна, Анита, правнучка Николь живут в Израиле. Репатрировалась вместе с семьей в Израиль в сентябре 1990 года.*

ВОСПОМИНАНИЯ ДЕТСТВА

Небольшой городок Литин расположен в Украине по обе стороны шоссе Винница-Хмельницкий. Здесь до войны жили украинцы, поляки, русские, евреи. Была и еврейская школа, где работала учителем истории моя мама Бойм Евгения. Здесь и я родилась 1 января 1938 года, выросла, пережила оккупацию.

В августе 1941 года фашисты вошли в наш город. Наша семья не успела эвакуироваться. У моего отца, Бойма Соломона, была бронь, и он до последней минуты был занят, выполняя ответственную работу. Он был директором конторы «Заготживсырьё». Выполнив установленное задание, отец раздобыл лошадь, и мы отправились в сторону Казатина, надеясь, что там нет еще немцев и мы сможем проехать на восток. Но к тому времени, когда мы добрались до города, он уже был захвачен немцами. Родители решили возвратиться в Литин. Мы вернулись в свою квартиру и прожили в ней до декабря 1941 года.

В моей памяти навсегда остались несколько эпизодов жизни в гетто, а также воспоминания родителей.

21 декабря 1941 года - это был черный, зловещий день для евреев Литина. Накануне вечером 20 декабря город был окружен немцами и украинскими полицаями. Того, кто не знал, что город окружен и выходил из своей квартиры, расстреливали на месте.

Наступило утро следующего дня, 21 декабря. Как сейчас вижу открытую настежь дверь, а в дверях двух фашистов, которые выгнали нас из дома. А потом - длинная вереница людей с котомками в руках: мужчины, старики, женщины и дети. Плач. Крик. Никто не знал, куда нас ведут. А вели всех нас на первый массовый расстрел. Мы шли четвером: отец нес на руках моего младшего брата Бориса, 1940 года рождения, а я шла, держась за мамину руку. Привели нас в военный городок, разместили в казармах. За 2-3 дня до погрома немцы составили списки евреев с рабочей специальностью и поделили всех на две группы. Папа был записан как кожевник, и поэтому наша семья попала в группу людей, которые остались в живых. Целый день мы оставались там, а вечером нас повели обратно, но не в свои квартиры и дома, а в созданное гетто. Это

была улица, где было разрешено жить евреям. Всех распределили по комнатам. Так мы стали жить в гетто.

Остальных, кто не попал в рабочую группу, увели в поле, где уже были выкопаны ямы. Долго до нас доносились выстрелы и крики. В этот день расстреляли 2000 евреев нашего города. Потом мы пережили еще несколько расстрелов.

В июле 1942 года рано утром фашисты выгнали на улицу женщин с детьми. Всех разделили: матерей с подростками оставили как рабочих, а матерей с маленькими детьми расстреляли. Этот погром назвали «детским». Но некоторым семьям удалось спрятаться от него и уберечь своих детей. Среди них были и я с братом, нас прятали, в так называемом, «секрете». В каждом доме в гетто, к тому времени, уже был свой «секрет». У нас для этого приспособили туалет в коридоре. Под ним вырыли глубокую яму. В туалете отодвигалась доска, и по ступенькам мы спускались вниз. Смерть шагала за нами по пятам. Однажды, когда мы прятались в «секрете», мой братик, ему было около 2-х лет, расплакался и попросил пить. Воды, к сожалению, не было. нельзя было допустить, чтобы слышен был детский плач. Если бы фашисты нас обнаружили, то убили бы всех. Один из взрослых схватил моего брата и крикнул: «Пустите, я его задушу!». В ответ на это наша мама сказала, что если его тронут, она выйдет наверх. Нужно было что-то делать. Папа встал и сказал, что попробует принести воду. На дворе, вокруг дома, ходили немцы, но он рискнул своей жизнью. Осторожно вышел, набрал воду, ведро с водой всегда стояло возле «секрета» и возвратился. Мама напоила Борика, он успокоился. Все мы были спасены. Разве можно это забыть?!

В один из дней мама не вышла на работу. Она осталась с соседкой печь хлеб. Дверь дома была закрыта на замок. Мама и соседка пекли в печи хлеб, а я, брат и сын соседки играли возле кровати в соседней комнате. Я была старшая, мне уже было 5 лет, и я ходила помогать папе на работе. Вдруг мы услышали стук, и я увидела полы немецкой шинели на кухне. Потянув ребят под кровать, я прикрыла нас всех чемоданом. Оказалось, что мимо дома проходил немец, он увидел, что из трубы идет дым, а на двери висит замок. Он сбил замок и вошел в дом, обошел всю квартиру, но нас не заметил. Так я спасла себя и мальчиков. А маму и соседку в тот день наказали - выпороли розгами.

Можно много вспоминать и рассказывать о том, что пришлось нам пережить за эти долгие и неимоверно тяжелые два с половиной года жизни в гетто. Это было мое детство. Это были годы лишений и борьбы за выживание. Эти события, пережитые мною в детстве, до сих пор отражаются на моем подорванном здоровье и часто вновь и вновь возникают в моем сознании и приводят к тяжелейшим воспоминаниям и потрясениям.

Мы верили в победу и ждали день освобождения. В марте 1944 года Литин, как и вся Винницкая область, был освобожден войсками Красной Армии. Проходит год за годом, но и сегодня живым не верится, что остались живы.

Из 3000 евреев, которые жили в Литине до войны, в живых остались приблизительно около 300.

Бутовецкий Леонид родился 14 ноября 1934 года в городе Одессе. Образование высшее, работал заместителем директора по снабжению и сбыту. Жена - Бутовицкая Раиса, сын - Марк, дочь - Александра, 3 внучки: Евгения, Алёна, Анита, правнучка Николь живут в Израиле. Репатрировались в сентябре 1990 года.

ЭТОГО ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ!

Я родился и вырос в Одессе, вся моя жизнь связана с этим южным городом. Мать моя была домохозяйкой, отец Мордко работал в Одесском морском порту.

22 июня 1941 года мать находилась на лечении в больнице, отец был на работе. Я и мой старший брат Борис были дома. Примерно в четыре часа утра раздался страшный грохот - город подвергся бомбардировке вражескими самолетами. Брат и я прятались то под столом, то под кроватью. Примерно через четверть часа все стихло.

Утром мы отправились проведать мать в больницу, которая находилась в пригороде Одессы - поселке Куяльник. Но доехать до больницы мы не смогли. На трамвайной остановке на улице Преображенская, впоследствии улица Советской Армии, стояла большая толпа в ожидании трамвая, но его не было. Зато по улице в сторону Пересыпи шли войска, и мы вынуждены были возвратиться домой.

В следующую ночь бомбардировка города опять повторилась. Вскоре Одесса со всех сторон была окружена немецко-румынскими войсками. началась героическая оборона города, которая продолжалась 79 дней. Путь из Одессы в Крым и порты Северного Кавказа был только по Черному морю. В город прибывали редкие пароходы с войсками и боеприпасами, которые возвращались в порты Северного Кавказа и Крыма с оборудованием одесских заводов, ранеными защитниками города и небольшим количеством эвакуированных.

Пропуска на эти корабли выдавались партийными органами по согласованию с НКВД.

Мой отец был работником Одесского порта, ему выдали пропуска на посадку на грузовой пароход «Кубань» для всей семьи. Готовился к отправке караван кораблей, в который входили теплоход «Ленин», грузовые пароходы «Ворошилов», «Днепро» и «Кубань». Во время перехода в Новороссийск они охранялись от нападения немецко-фашистских самолетов и подводных лодок боевыми кораблями Черноморского флота.

25 августа, поздней ночью, корабли вышли в море. Все они были до отказа

заполнены ранеными защитниками Одессы и эвакуированными, в основном это были женщины с детьми и пожилые люди. Утром разнеслась страшная весть - теплоход «Ленин» подорвался на вражеской мине, и все его пассажиры утонули. После четырех суток перехода остальные корабли пришвартовались к причалам Новороссийского порта. Все пассажиры сошли на берег и были отправлены пригородными поездами в колхозы и на стройки в Краснодарский край. Наша семья была отправлена на военную стройку возле города Армавир.

Через несколько месяцев немецкая армия приблизилась к Северному Кавказу и все эвакуированные были отправлены в Среднюю Азию.

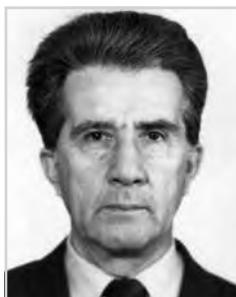
Холод, голод, недостаток одежды, инфекционные заболевания - все это мы пережили за время эвакуации. В феврале 1942 года на фронте погиб мой отец. 7 апреля 1944 года умерла в больнице мать, не дожив трех дней до радостной даты - освобождения Одессы. 10 апреля 1944 года войска 3-го Украинского флота под командованием маршала Советского Союза Малиновского и генерала Плиева освободили Одессу. Счастливые и радостные мы все дружно распевали песенку:

«Омск, Томск, Челябинск - скоро Одесский вокзал.

Прощай, кошачий город и солнечный Узбекистан!»

В августе 1944 года я и мой брат Борис с нашими родными возвратились в Одессу.

Наконец-то, окончились мытарства, связанные с эвакуацией. мы снова в родной Одессе!

Вайнберг Ефим родился 7 сентября 1929 года в Киеве. После эвакуации вернулся в Киев, затем в Закарпатье. Окончил Львовский политехнический институт, работал начальником КБ завода. Жена Вайнберг Майя, дочь Мария, 2 внуки, 5 правнуков живут в Израиле. Репатриировался в 1991 году.

Я родился и жил в городе Киев. Мои родители ежегодно, по окончании учебного года, отправляли меня на летние каникулы до начала нового учебного года в город Овруч Житомирской области к папиной сестре. Так было и в 1941 году. Через несколько дней после моего приезда, я проснулся в шесть часов утра от страшного грохота. А днем мы узнали, что это был налет немецких бомбардировщиков и началась война. Налеты вражеской авиации продолжались каждый день до моего отъезда из Овруча.

Я должен был срочно уехать в Киев, а весь транспорт был мобилизован. Благодаря настойчивости моих родных, удалось упросить водителя, направлявшегося в Киев, взять меня. Дорога была тяжелой из-за непрекращающихся налетов немецких самолетов. Пришлось замаскировать нашу полуторку сосновыми ветками и прятаться в лесу.

После моего возвращения в Киев нам приходилось по несколько раз за ночь спускаться в подвальное убежище. Наконец, отец получил направление в эвакуэшелон. Мама взяла самое необходимое из вещей и мы поехали на вокзал. Папа получил повестку из военкомата, и мы с ним попрощались.

Эшелон нас вез на Урал почти месяц.

Разместили нас в колхозе Челябинской области. Была пора уборки урожая и мы работали на уборке картофеля. Условия были такие: десять ведер выкопал, а одиннадцатое - твое. Вся наша семья работала и мы заработали себе на зиму картофель.

Через год мы переехали в Семипалатинскую область к родственникам в совхоз. Там жили и работали, я продолжил учебу в школе и одновременно работал в мастерских по восстановлению сельхозоборудования учеником токаря. Электричества не было и приходилось мне, 13-летнему мальчишке, крутить станок вручную. Чтобы достать до рукоятки станка, я стоял на ящике.

Утром - школа, которая находилась в трех километрах от поселка, а во второй половине дня - мастерские. Уроки готовил вечером. Кроме того, приходилось работать на других работах, так как рабочих рук не хватало.

В 1944 году после окончания 7-го класса поступил учиться в автодорожный

техникум. Окончил второй курс и вместе с семьей возвратился на Украину в 1946 году.

Вайнберг Майя родилась 25 июня 1932 года в городе Жашков Киевской области. Закончила торгово-экономический институт, работала старшим экономистом. Муж Вайнберг Ефим, дочь Мария, 2 внучки, 5 правнуков живут в Израиле. Репатриировалась в 1991 году.

До войны я вместе с семьей проживала в городе Киев. После начала войны папу сразу же призвали в армию. Мама работала на заводе, который выпускал комбикорм. Вместе с заводом нас, маму, меня и сестру, эвакуировали в город Семипалатинск. По пути на Урал наш эшелон неоднократно попадал под бомбежки немецких самолетов. Было очень тяжело и страшно. Отца мы больше не видели, он погиб в 1944 году при обороне Ленинграда. В 1945 году мы вместе с заводом вернулись в Киев.

Вайндинер Муся (девичья фамилия Вайнштейн) родилась 10 апреля 1926 года в городе Хмельник. Отец Вайнштейн Натан, мать Рухл, брат Давид. Закончила школу, работала в гостинице старшей по этажу. Муж Яков умер в Израиле. Сын Борис, дочь Полина. 2 внука Анатолий и Ирина, 2 правнука живут в Израиле. Репатриировалась 27 ноября 1991 года.

Я, Вайндинер Муся Натановна, родилась 10 апреля 1926 года в городе Хмельник Винницкой области на Украине. В 1941 году в июне месяце я окончила 8 классов местной школы. 18 июля 1941 года наш город был оккупирован немецкими войсками. Я, мой отец и брат остались в оккупации.

В середине августа 1941 года был учинен еврейский погром, во время которого согнали 400 граждан еврейской национальности, в том числе и моего отца, которых впоследствии расстреляли на Умановском шоссе. В этом же месяце оставшихся в городке евреев по приказу немецкой администрации перевели из нового в старый город, где было создано еврейское гетто.

Нам было строго приказано сделать нашивки «звезды Давида» и пришить их на левую сторону одежды спереди и сзади и ежедневно проходить отметку в комендатуре. В приказе немецкой администрации в категорической форме было сказано, что нам под страхом смерти нельзя выходить за пределы гетто.

В начале января 1942 года был учинен второй и третий погромы, во время которых мы вместе с родственниками (10-14 человек) прятались в тайнике, который был построен нашей семьей ещё в период революции 1917 года. Там мы провели целую неделю без пищи и воды.

По возвращении в свой дом, мы обнаружили, что за время нашего отсутствия, всё, принадлежавшее нам имущество, было разграблено. Мне известно, что было еще два погрома: летом 1942 года и в марте 1943 года.

В марте 1943 года я и мой брат Давид бежали из гетто, находившееся под румынской оккупацией в городе Жмеринка, чтобы спасти свою жизнь. Во время моего нахождения в этом гетто к нам наведовались партизаны, которые снабдили меня справкой, что я по национальности украинка на имя Павлюк Марии Семеновны. По дороге мы встретили двух наших друзей евреев, также бежавших из гетто, и мы стали обсуждать сложившиеся обстоятельства. В это время мы были замечены конными полицейскими, и мы побежали в разные стороны. Я была настигнута полицаем, который конвоировал меня в город Литин. Оттуда переведена в Бердичевский лагерь.

Вскоре всех узников этого лагеря погрузили в необорудованные товарные вагоны и отправили в концлагерь «Майданек», где я содержалась на протяжении

8-9 месяцев под фамилией Павлюк Мария Семеновна. В лагере каждый день нас принудительно гнали на тяжёлые работы.

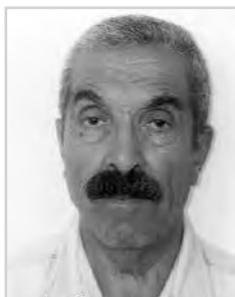
После того, как нас освободили советские войска, нас увезли в Германию, где мы разбирали предприятия и отправляли оборудование в Россию. После окончания всех работ я вернулась в город Хмельник к своей двоюродной сестре Саре.

Васкович Галина родилась 15 июня 1938 года в городе Могилев Мать Сарра Плутес - заслуженный учитель БССР. Образование средне-специальное, фельдшер. Муж Васкович Роман, сын Михаил, дочь Наталья живут в Израиле. В 1990 году репатрировались в Израиль.

До прихода фашистов моя семья жила в городе Могилев в Белоруссии. В 1941 году наш город был захвачен фашистами. Отец ушел на фронт, а я с матерью и братом были эвакуированы вглубь страны на Урал в город Медногорск.

Моя мама работала преподавателем в детской трудовой воспитательной колонии. 14 июля колония была эвакуирована и мы поехали вместе на поезде на восток. Но по дороге поезд разбомбили, мы чудом остались живы. Нас подобрал солдат и довезли до следующей станции, но там мы опять попали под бомбежку и убежали в лес. Затем сели на поезд и под бомбежками доехали до города Медногорска Чкаловской области. После окончания войны мы вернулись в Могилев. Отец с войны не вернулся, погиб.

Васкович Роман родился 2 ноября 1936 года в городе Смиловичи Белоруссия. Отец Васкович Наум, мать Васкович Роза Наумовна, брат Петр (1933 года рождения), сестра Зоя (1939 года рождения). Образование средне-специальное, инженер грузоподъемного оборудования. Жена Васкович Галина, сын Михаил, дочь Наталья. Репатриировался в 1990 году.

Моя семья состояла из пяти человек: я, родители, брат и сестра. Мы вышли пешком 24 июня 1941 года из местечка Смиловичи Руденского района Минской области. Через пять дней окольными путями дошли до города Березина Минской области. Но там уже был немецкий десант. Мы переплыли реку Березина на пароме. Паром тянули на плечах люди. Наконец, дошли до города Шклова Могилевской области. Все это время нас преследовали немцы, бомбежки, так как уже вся Белорусь была оккупирована. Моя мама была ранена в руку, но несмотря на это, мы продолжили свой путь дальше.

Так мы дошли пешком до города Белорусские Горки Могилевской области. Дальше - на Ростов. В Ростове сели на открытые платформы поезда и под бомбежками доехали до города Брянска. Оттуда под проливным дождем на открытой платформе добрались до города Орла. Там нас посадили на товарный поезд и поехали в город Борисоглебск. Оттуда добрались до города Уральска. А дальше нашу семью отправили в колхоз Западно-Казахстанской области (Уральская область) в деревне Щопова.

Мы бежали из Смилович, потому что мы знали, что немцы уничтожают евреев. Мы пытались спасти свою жизнь, и вынуждены были прятаться и скитаться.

Вехина Любовь *Исааковна* (девичья фамилия *Саравайская*) родилась 5 сентября 1936 года в Витебске Белоруссия. Работала на швейной фабрике. Муж Юра умер в 1991 году в Риге, дочь Рита, 2 внука живут в Израиле. Репатриировалась в 2002 году.

Когда началась война, мне было четыре года.

До войны моя мама, Саравайская Леся Давыдовна, работала на швейной фабрике, а мой папа, Саравайский Исаак Изральевич, работал в детской колонии.

В 1941 году нас эвакуировали вместе с папиной организацией в Челябинскую область. Сначала мы жили в деревне. Мама там работала на сушке зерна. Со слов мамы. нам дали дом, который потом сгорел в пожаре.

Я помню, что мы с папой ходили в лес собирать грибы и ягоды.

Потом нас перевели жить в город Карабаш Челябинской области. В этом городе я ходила в детский сад, а мама работала на торфяных разработках. Отсюда папу забрали в армию, он погиб 5 мая 1943 года под городом Орлом.

В 1946 году мы вернулись в Белоруссию. Мама снова стала работать на швейной фабрике, а я пошла в школу в первый класс почти в десять лет.

***Вольфсон Валентина** родилась 4 февраля 1936 года в городе Бобруйске. Образование среднее специальное - строитель. Муж Вольфсон Макс умер. Дочь Ирина живет в Израиле. Репатриировались в 1990 году.*

1941 ГОД. ЭВАКУАЦИЯ ИЗ БОБРУЙСКА (БЕЛОРУЛИЯ) 5-ГODOVAЛОЙ ВАЛЕНТИНЫ ВОЛЬФСОН (Д. БУХШТАБЕР)

Я с мамой и папой жила в Химках. Маму звали Сарой, а отца Ефимом. На лето мама привозила меня к бабушке Асе с дедушкой в Бобруйск, где и застала меня война. Эвакуироваться дедушка не хотел, а меня отправили с женой папиного брата, тетей Ривочкой.

Помню, как шли две телеги с чьим-то скарбом, и на них сидели старички.

Сзади второй телеги торчала длинная палка, на которой я сидела. Заболит попа и ножки, я спрыгивала с этой палки и шла пешком, а потом опять садилась. Так мы добрались до Рогачева. Это километров 40 от Бобруйска. Как и куда мы ехали дальше – не помню, но жили мы в Киргизии, село Ленинополь. Там жили немцы Поволжья за двухметровыми заборами. У них были коровы, куры, овцы. А однажды тетя Ривочка попросила для меня стакан молока. Хозяйка сказала, что у нее еще миц (кошка) не пила.

После снятия блокады Ленинграда к нам приехала дочь тети Ривочки, опухшая и голодная. Мы в этом время сами год и 8 месяцев не видели хлеба, питались корнями с подножья гор Тянь-Шаня. Помню, как я и мне подобные, с ведерками и лопаткой рыли эти корни, пока за нами не начинали бежать с гор чеченцы, которые скрывались там от фронта.

Тетя Ривочка эти корни вываривала по многу раз и выливала воду, чтобы не отравиться.

Мама работала на кожкомбинате и приносила иногда мешки из-под кожи.

Это была наша одежда. Тетя Ривочка эту мешковину вываривала и красила красным стрептоцидом и хиной.

Мама продала бабушкин подарок – колечко с бриллиантом и одела нас в шлеры, которые были на деревянном ходу. Их немцы шили. Много позже они назывались сабо.

Еще помню, что у меня была подружка немка. Ее звали Тереза. Мы прыгали в скакалки, и она учила меня немецкому языку:

- Стол – тиш
- Рыба – фиш
- Ножик – месер
- Лучше – бесер.

Однажды какая-то киргизка угостила меня белоснежным куском хлеба, отрезанным вокруг булки и намазанный сметаной. Я бежала домой с этим хлебом. Я знала, что мы его разделим на четверых.

Потом мы все заболели тифом. После тифа, лыдые, в шлепах и платьях из мешковины мы поехали на перекладных, в “пульмановских” вагонах в Бобруйск в 1944 году.

Помню, наш поезд стоял, когда остановился встречный, который вез раненых солдатиков в тыл. Один солдат вынул из кармана большой кусок чего-то обсыпанный табаком и дал его мне. Я у мамы спросила: “Что это?”. Мама сказала: “Ешь, дочечка, это вкусно. Это сахар.”

А потом был Бобруйск в сентябре 1944 года. Не было войны, но было трудно и голодно.

Галиевская Инесса родилась 11 июля 1934 года в Бобруйске (Белоруссия), вернулась в Минск, окончила педучилище и пединститут, работала педагогом в школе. Репатриировалась в 1999 году. Муж, Каганович Яков, умер в Белоруссии. Сын Игорь (1958 г.р.) живет в Белоруссии, внучка Светлана Галиевская, капитан израильской Армии, живет в Израиле.

Я ПОМНЮ

В июле этого года мне исполнилось 80 лет, но те события живые, болезненные, горькие живут во мне.

Я родилась в Бобруйске. Мы жили в авиагородке. Мама, Груня Хайкина, работала в библиотеке. Она закончила рабфак и училась в институте. Папа, Владимир Войичок, был офицером - инженером по авиатехнике.

Потом мы переехали в Могилёв. Я помню, как мне хорошо было дома, как красиво меня одевали. Папа иногда говорил маме: "Наша мейделе задирает носик". А мама отвечала, что наша мейделе папина дочка. Папа говорил: "Вос, вос, а гиц ин паровоз", и они оба смеялись. Папа получал Ворошиловский паёк (там часто был даже шоколад). Он часто водил нас с мамой в парк в «Кафе - мороженое».

В мае 1941 года все семьи военных выехали за город. Мы жили в палатках. Нам привозили с аэродрома «военную» еду. Мы много бегали по лесу, по лесным полянам. Но как-то всё быстро прошло.

Однажды ночью папу вызвали, а утром пришел военный и велел всем быстро собираться. Мы уезжали домой, уже были поданы машины. А в машине он нас успокаивал: "Не волнуйтесь. Это война. Нас бомбят, но это ненадолго".

Нужно было собрать вещи, необходимые в дорогу, и нас вывезли в безопасное место. Наши мамы метались из квартиры в квартиру, не знали, что брать, куда мы едем, плакали. Моя мама нашла большой чемодан, сложила наши вещи. Она взяла огромное верблюжье одеяло, и я его несла, потом привязала его к большой зелёной кастрюле за ручки. Я не хотела одеваться теплее, но мама сказала, что надо, она не знает, куда мы едем.

Потом военный прошел по всем этажам и велел выходить на улицу. На улице все сели в машины, нас повезли на вокзал. Когда машины остановились, вокзала я не увидела. Стоял длинный состав вагонов, в них на полу было сено. Военный дал команду каждой машине занять один вагон. Возле вагонов поставили лесенки, и все наши соседи погрузились в этот вагон. Военный велел всем сесть на пол и тех, кому не осталось места перевели в соседний вагон. Эти вагоны назывались теплушки. Вечером поезд тронулся. Все немного успокоились, заснули. Утром поезд остановился на какой-то станции. Все женщины побежали за кипятком. Мы позавтракали. Поезд ещё загрузили. Он пошёл опять вечером, а утром мы услышали грохот, горела станция, мимо которой мы ехали.

Впервые стало страшно. Военный, сопровождавший нас, сказал, что фашисты бомбят наши города.

Очень быстро мы съели наши запасы еды. На станциях поезд не останавливался. Он ехал день и ночь. Остановки были в лесных массивах или вблизи колхозных полей. Наши вагоны бомбили, и мы выбегали из вагонов и прятались в кустах, в посевах, в каких-то огородах. Многим из тех, кто выехал с нами, как мне казалось, приходилось оставаться в тех местах без еды и необходимых вещей. Потом я поняла, почему мы выскакивали из вагонов. Я услышала звук, который издавали немецкие самолёты. Это был сигнал, что будут обстреливать или бомбить. Часто мы бежали по насыпи, а там лежали мёртвые люди.

Мы возвращались в свой вагон и иногда уже в пути понимали, что кого-то нет, лежали вещи, а хозяев нет. Эти вещи никто не трогал, несмотря на голод, который нас мучил. В вагоне было душно, еды не было, старались спать.

Иногда поезд останавливался на станции, и к вагону бежали женщины и протягивали куски хлеба, картошку в мундирах, молоко. Мы хватали еду у них из рук и сразу съедали.

Однажды во время остановки, нашу дверь широко распахнули и мужчины стали втаскивать мебель. Все женщины стали кричать, стали у дверей, но их не слушали и велели убираться из вагона. Маму толкнули, и она упала прямо на мебель, стоящую возле вагона. Я кричала, и одна из женщин позвала военных. Они стреляли в воздух и вытащили мебель из вагона.

Поезд ещё долго стоял, к маме позвали врача. Она дала ей лекарства, сделала укол и сказала женщинам, помогавшим маме встать на ноги, что это зверство толкать женщину “в положении”. Я не поняла, что такое “в положении”, но поняла, почему маме было всегда плохо и её тошнило. Это от положения??!

В Орле мы пролежали в огородах, где росла картошка, очень долго. Весь день летали воюющие немецкие самолёты и бомбили станцию, поезда и город. Было страшно, очень хотелось есть, мы ели траву, а потом нас забрали в больницу с острым отравлением. Я не помню, что там со мной делали, как промывали желудок, что-то делали ещё. Пришла я к пониманию происходящего, когда меня и ещё трёх детей несли наши матери. Было темно, сил идти у детей не было. Матери узнали, что наш эшелон уходит, и со скандалом унесли детей из больницы.

Мама рассказывала, что мы ехали шесть недель. Страх и голод были постоянно, но в какое-то время нас перестали бомбить, а голод стал ещё сильнее. Очень пригодилась мамина большая кастрюля. Оказалось, что мама, когда что-то жарила, жир сливала в ту кастрюлю. Когда она была полная, жир забирал человек из деревни. В день, когда мы уезжали, мама взяла кастрюлю с собой. Она каждый день давала всем детям в вагоне по одной, две ложки из этой кастрюли на хлеб, на картошку. К концу пути кастрюлю выбросили. Мама говорила, что в ней было 5-6 кг жира.

Есть в моей памяти ещё один ужас, но я не уверена, что это было. На какой-то очередной станции наш состав остановился возле кустарника. Было много крапивы, каких-то цветов, мы сходили по “делам” и вернулись в вагон. Вечерело. Стало уже темно, и мы услышали самолёт. Приказывать прятаться нам было не надо. Мы выкатились из вагонов, помчались в кусты. Едва мы упали на землю, началась бомбёжка. Наш состав

стоял дальше от станции, чем другие. Бомбили близко от станции, и в нашу сторону к кустам бежали раненые: белые повязки и одежда были в крови, многие были на костылях. Говорили о том, что это раненые из состава возле нашего эшелона. Утром позвали женщин помочь работникам станции, детей велели оставить.

Я не отошла от мамы и пошла рядом, держась за руку. Эшелона, который вчера был рядом, близко от нас, почти не было. Вокруг были доски, руки, ноги, тела мёртвых людей. Их надо было собирать в большие простыни и выносить на станцию. Люди со станции рассказывали, что поздно вечером пришёл поезд, который шёл на запад с боеприпасами, оружием. Кто-то, как только он затормозил, выпустил ракету вверх. Очень быстро появился самолёт и начал бомбить этот поезд. Боеприпасы взрывались и попадали в состав с ранеными. Было ли это так, не утверждаю, но когда думаю об этом случае, всё сжимается внутри.

Мне не было ещё семи лет, что-то виделось от страха. Когда во время второй Ливанской войны, я разносила еду, которую привозили для жителей района Менахим Бегин, сирена сообщала, что летит снаряд. Снарядов я не видела, но этот вой сирены так сжимал всё внутри, так болело сердце, что казалось опять та проклятая бойня, опять будут бомбить, и куда бежать. Я отвлеклась....

Нас привезли в город Уфа, потом машиной на станцию Суляя, далее на лошади в село Дуван. В селе нас с мамой отвели в дом, у хозяйки уже жил приезжий. Это был человек из Ленинграда. С нами он не разговаривал, взял мел и на полу провел прямую линию, сказав маме, чтобы за эту черту не заходили.

Потом мы легли спать. Спали мы двое суток. Хозяйка нас не будила, а когда мы, наконец, встали, дала нам еду. Нам выделили паёк, мама что-то готовила, это было летом. А потом опять не было еды. Мама работала в библиотеке, её начальница приносила ей очистки. Мама делала лепёшки с травой и мукой от первого пайка, варила затирку. Я не знаю почему, но чувство голода всегда было во мне.

Осенью я пошла в школу. Писали мы карандашами на газетах. Учительница была очень красивая и добрая, она тоже из Ленинграда. Она была больна, иногда во время рассказа она падала на пол. Нас предупредили не трогать учительницу, сидеть на месте тихо, тихо. Потом она поднималась, смотрела на нас и продолжала урок. Одна старушка – уборщица говорила, что у учительницы падучая.

А зимой случилось что-то непонятное. Маме показалось, что её зовут. Она встала рано утром или ещё ночью и пошла на хозяйскую половину. Хозяйка что-то делала в погребе, и мама свалилась в погреб, больно ударилась и потеряла сознание. Хозяйка очень быстро нашла подводу и отвезла её в райцентр. 25 января 1942 года у меня появилась сестричка Люся. На правой ручке у неё было 4 пальца, ладонь была искалечена.

В ходе военных действий мой отец писал письма, разыскивая свою семью. Один раз, в ответ на его запрос, ему ответили из больницы г. Орла. Ему прислали справку о моей болезни и смерти. Отец перестал искать дочь и тогда уже послал аттестат на имя и фамилию жены, и нам его переслали. Мама плакала, а я ждала. Этот денежный аттестат нам очень помог.

Мама стала покупать у местных картошку, молоко, иногда мясо(конину),собирала лебеду и крапиву.

В доме было холодно и голодно. Люсю положили в чемодан, с которым мы приехали. Она всё время плакала, у мамы не было ни молока, ни сил. Хозяйка взяла наши верблюжье одеяло, деньги из аттестата и выменяла его на козу, научила маму доить, молоко доставалось и мне. Позже нам привезли дрова, большую русскую печь немного протапливали и чемодан ставили на печь. Мама работала, я была нянькой и мне это очень не нравилось.

Я понимала, что Люся у нас искалечена войной.

Зимой 1943 или 1944 года мы опять замерзали, дров не было, деньги уходили на продукты, которые стоили очень дорого. Приезжие в Дуване были ленинградцы, сосланные по делу Кирова. Люди городские тяжело приживались в глухой деревне, голодали, мёрзли, как эвакуированные. Местные власти не имели указаний о помощи этим людям, они их гнобили как врагов и, заодно, не заботились об эвакуированных.

Я ждала встречи с папой, когда закончится война. Со временем стала хорошо учиться, внимательнее относиться к сестре, понимая, что она очень переживает из-за уродливой ручки, а болела она постоянно. Я знала, что отец нас найдёт. Как-то вечером я очень испугалась, услышав голос отца. А когда пришла в себя, я увидела папу в военной форме. Он громко разговаривал с нашим соседом. Потом они ушли и вернулись с охапкой дров, затопили печь, стали ужинать папиным пайком. Утром отец ушёл в райисполком, его долго не было. Приехал он на подводе. Он с соседом привезли в дом мешок муки, мешок перловой крупы, сахар и даже мясо, а попозже нам привезли много дров. Говорили, что отец угрожал начальнику пистолетом.

Это было большой радостью и папа, и еда, тепло. Его часть с фронта перебросили на расформирование. Он выбрал два дня и добрался до села Дуван, увидел свою дочь, родившуюся в эвакуации и нас с мамой.

В 1944 году отца направили в лётное училище в город Энгельс. Он перевёз семью в Балашов. Там в эти годы была засуха, земля потрескалась, и мы опять жили впроголодь. Моя мама, офицерская жена, закончившая рабфак, ходила стирать бельё, чтобы прибавить к папиным деньгам и пайкам.

Папа очень хотел уйти из армии. Ему нравилось работа в училище. Он мечтал попасть в Белоруссию. Ему казалось, что там, дома, нам всем будет хорошо. Отец демобилизовался в 1946 году. Мы приехали в Минск. Город был разрушен, жить было негде. Нас с сестрой отвезли в деревню к папиной сестре. Родители ночевали на вокзале. Днём искали работу. Папа стал работать на очень сложной американской машине по укладке бетона на главном проспекте Минска. Мама устроилась комендантом в общежитие - барак строителей. Мы жили в общежитии в комнате 8 кв.м., а в остальных комнатах жили девушки, которых еле живых вернули из Германии, они работали на стройке. Никто никогда не написал об этих несчастных женщинах с пустыми глазами.

Я училась в школе с белорусским языком, в русскоязычную школу меня не взяли, так как отец уже не был военным. В этой школе училось много ребят из наших барачников. У нас организовалась группа по добыче мёрзлой картошки. Мы уезжали в пригород и привозили мёрзлую картошку, которая оставалась на полях. Когда она размораживалась, мама пекла оладьи. Мы очень хотели есть и в те годы. Как моя мама могла это пережить и быть доброй ко всем, сбросить нас, сохранить семью? Моя Груня Хайкин!

Мы промышляли на Комаровском рынке. Это был самый многолюдный рынок города. Там торговали, воровали, пьянствовали. Мальчишки продавали сигареты поштучно, а я продавала воду. У меня было ведёрко и стакан. Я громко кричала “Кому воды холодной?” стакан за 5 или 10 копеек. На Комаровский рынок люди шли купить-продать. Пройти надо было через ров, полный грязи, торфа, воды. Были сколочены доски. Мальчишки их убрали и просили заплатить за переход. Плата была копеечная. Кто-то ругался, кто-то смеялся, и к вечеру у мальчишек были деньги. Другая группа мальчишек торговала сигаретами в россыпь и подворовывала у торговков варёную картошку в мундирах, лепёшки, огурцы, лук и другие готовые мелкие продукты, иногда просили и им давали. Такую работу нам организовал дядя Василий. Он был без ног, ездил на доске на колесиках и не давал нас в обиду. На старом пиджаке у него была Золотая Звезда. На базаре было ещё два безногих инвалида, они собирали милостыню. Было много мужчин – инвалидов, но они ходили, что-то ремонтировали, продавали, играли на гармошке. Историю Отечественной войны мы выучили на Комаровском рынке. Потом дядя Василий собирал нас всех, бросал нашу выручку в кепку, делил всем понемногу, мы несли это своим мамам. А мужчины покупали денатурат и пили. Уж очень эти люди были страшные, какие-то синие, вялые. Однажды, мы не нашли наших безногих, дядя Василий передал через одного инвалида, чтобы мы больше не ходили на базар, что их увезли далеко. Много лет спустя я прочла у Веллера и узнала, куда их увезли. Читала и рыдала, я и сейчас помню, как смотрел на нас худых, голодных детей, этот высокий красивый человек. Так закончилась наша Комаровская школа жизни.

Мы учились теперь только в нашей белорусской школе, учились серьёзнее, Комаровка многому научила. Очень часто после уроков мы работали на расчистке развалин города. Город строился, уже многие ребята пошли работать, их семьям стало легче, сытнее. Иногда мы вновь объединялись, чтобы помочь тем, у кого пропали карточки, собирали продукты и деньги. Даже ходили к директору школы и просили, чтобы этих ребят кормили в школьном буфете, делились своими скудными “ссобойками”.

Я стала искать работу, когда получила паспорт. Однако на предприятиях, где я проходила собеседование, была работа для людей с хорошим зрением. А у меня в 16 лет, были очки с D +2. Я не видела деталей.

У меня в школе был подшефный класс, и я часто после поисков работы, шла к своим малышам отвести душу. В один из таких дней меня позвал директор школы и предложил работу старшей пионервожатой. В школе было 30 классов, и вожатой должно быть не меньше 18 лет да и образование. Однако всё решилось с помощью учителей этой школы. Школа до войны была еврейской, учителя вернулись и работали в белорусской школе. Они решили, что я “это наша девочка” и надо ей помочь. Моя классная руководительница Софья Яковлевна, учителя Натан Исакович Палей и Лазарь Мойсеевич Ляндрес, Сима Абрамовна Видзон, Мария Борисовна Барншевская, Рива-Злата Ихлейбовна Зайденкном, Коган, жена директора Юлия Григорьевна и другие помогли мне начать работать в школе. Это была другая жизнь, есть хотелось, одеть было нечего, но это было счастье. Всё хорошее, что есть во мне - это дар этих людей. Я училась у них всему : ходить, говорить, любить детей, уважать людей и училась, училась. Я храню в душе всю жизнь благодарность каждому из них. Помню и люблю.

Гандман Борис Соломонович родился 23 октября 1936 года в городе Витебск. Закончил политехнический институт, работал старшим технологом на заводе электроизмерительных приборов. Репатриировался в 1998 году.

Я, Гандман Борис Соломонович, родился в городе Витебске в 1936 году. Когда началась Великая Отечественная война, мама взяла меня и годовалого брата и повезла нас на попутке, которую, к счастью, ей удалось поймать, в город Оршу. Там мы на вокзале сели в товарный вагон, но этот поезд нас далеко не отвез. Когда мы отъехали от станции, нас обстреляли немецкие самолеты. К нашему счастью, вагон, в котором мы ехали, находился в центре поезда, а последние вагоны горели.

Наши мучения продолжались в течение двух месяцев, пока мы не попали в Орловскую область. От голода у меня отказали ноги, я самостоятельно не мог передвигаться.

Мама решила уехать в Чкаловскую область, где ей удалось устроиться на работу.

В 1944 году после освобождения города Витебска мы вернулись домой, но дома не было.

Весь город лежал в руинах, всё было разрушено.

То, что мне пришлось увидеть и пережить в детском возрасте, до сих пор не могу забыть, хотя мне уже 78 лет.

Гандман Фаина Семеновна родилась 20 ноября 1931 года в городе Витебск. Закончила пединститут, педагог. Репатрировалась в 1996 году

Я, Гандман Фаина Семеновна, родилась в 1931 году в Белоруссии в городе Витебске, где и жила с родителями до начала войны. Моя семья это мама - Швайнштейн Элька Шевелевна, отец - Швайнштейн Симон Эльевич, два брата и я. У нас был свой дом и большое хозяйство. Отец был участником ещё Первой мировой войны, где был контужен и потерял слух. Он работал в кооперативе на своей лошади, мама была домохозяйкой.

6 июля 1941 года фашистские войска подошли к городу и начали его обстреливать. Он начал гореть. Наша семья покинула город. Мы бежали в чем были, оставив всё имущество. Нам очень повезло, мы сели в товарный поезд. Вагон, куда мы попали, был набит беженцами до предела. Во время движения поезда пикирующие фашистские самолеты нас обстреливали. Во время бомбежки поезд останавливался, и мы выпрыгивали из вагона и прятались в траве или кустах. Вокруг нас было много жертв. При движении поезда мы слышали, как трассирующие пули бьют по вагону и колесам поезда.

Наконец мы пересекли линию фронта и оказались в тылу. Не помню точно сколько времени мы были в пути, может месяца два или больше.

Мы прибыли в город Аткарск Саратовской области (Россия), где нас расселили по частным квартирам. Некоторое время жили там, а потом нам выделили маленькую комнату, где мы жили всей семьей до 1947 года.

Отец и мать работали на разных работах. Периодически их посылали в прифронтовую зону на рытье окопов, и мы оставались одни. Было холодно и голодно. Я училась в школе, братья работали, хотя были еще несовершеннолетними. Затем старший брат был призван в армию, он участвовал в боях с фашистами и был ранен. Вскоре и второй брат был призван в армию, это было уже в конце войны.

Наконец наступила долгожданная победа. Радости не было предела!

Возвратились мы в Витебск в 1947 году на пепелище, наши дома и все хозяйство сгорели. Сам город пострадал на 90%. Мы поселились в подвальном помещении на съеме у хозяина. Постепенно пришли в себя, родители много работали, я училась, получила высшее образование. Старший брат работал и учился в Витебске. Средний брат жил в Москве, окончил Институт железнодорожного транспорта.

Генькина-Аристер Сара (София) родился 16 января 1938 года в городе Клетня Брянской области. Закончила Новозойковский пединститут, педагог. Муж Исаак, дочери, Зина и Лена, живут в Израиле, 3 внука. Репатрировалась в 1996 году.

До войны мы жили в посёлке Клетня Брянской области. Около дома росли три вековые липы, рядом колодец с ключевой водой. Дом был расположен на горке. Зимой мы могли кататься на санках, у нас была дружная семья, мы имели хозяйство. Всё рухнуло с началом жестокой кровавой войны. В августе 1941 года мой папа Аристер Иосиф, мама Аристер Рахиль, братья Израиль -1930 года рождения, Абрам -1938 года рождения, Маркс -1940 года рождения и я - 1932 года рождения двинулись в путь. На повозке, которую нам выделили, было пять семей. Среди них были больные старые люди. Мы не шли, в бежали за повозкой. Мама несла младшего брата, а папа - меня. Так мы двигались 300 километров до станции Моховое. По пути нас не раз обстреливали немецкие самолёты. Взрослые прятались в лесу, а мы, дети, прятались в стогу сена, думали, что так безопаснее. На станции Моховое нас погрузили на железнодорожные платформы.

Прибыли в Курганскую область на станцию Лебяжье. Нас, эвакуированных, распределили по деревням. Мы попали в деревню Могильня Курганской области Мокроусовского района. Брат должен был учиться в четвёртом классе, а в деревне была только трёхлетняя школа, поэтому наша семья переехала в деревню Сосновка, там была семилетняя школа. Папу забрали на фронт, где он служил в танковых частях. На мамины плечи легли заботы о четверых детях. Мама была удивительная, умная и трудолюбивая женщина. Она умела хорошо вязать и вскоре начала вязать носки и рукавицы с двумя пальцами для солдат Советской Армии. Она сама пряла пряжу, иногда вязала для женщин юбки и перчатки. Это был тяжелый труд.

Летом старший брат Израиль и я работали в колхозе, помогая выращивать табак для солдат Советской Армии. Мы должны были обрывать с кустов цветы, чтобы табак был крепче. Иногда собирали цветы растения, из которого изготавливали резину. Бригадир давал нам задание собрать по одному килограмму цветов, похожих на цветы одуванчика. Брат Израиль научился запрягать быков, и мы грузили табачные кусты на повозку и отвозили на склад. Нам нравилось работать на картофельных полях, приносить пользу себе и людям. На трудодни нам выдавали зёрна пшеницы, которые мы мололи на жерновах и пекли хлеб. Зимой мы учились, а летом работали.

Война сломала нашу жизнь. Я помню отца, который брал меня на руки и произносил молитвы. Его голос и сейчас звучит во мне. Ему не суждено было жить

в свободной стране Израиль, он не вернулся с войны, а мог бы свободно с детьми и внуками посещать синагогу. И сейчас Израиль окружают враги, которые в любой момент могут лишить детей родителей.

***Генькин Исаак** родился 19 июня 1932 года в городе Хотинск Могилёвской области. Образование среднетехническое, работал начальником цеха. Жена Софья, дочери, Зина и Лена, живут в Израиле. Репатрировался в январе 1996 года.*

Я, Генькин Исаак, 1932 года рождения. Наша семья отец Генькин Залман Лазаревич, мать Генькина Роза Залмавна, сестра Фаина 1926 года, брат 1936 года до войны жили в городе Хотымск Могилёвской области Белоруссия . 7 августа 1941 года наша семья эвакуировалась. Ехали на повозке, на платформах до города Мокроусов Курганской области. В январе 1942 года отец ушёл на фронт. Прошёл всю войну и вернулся инвалидом с осколком в лёгких, прожив с ним всю жизнью В эвакуации жили трудно, испытал и голод и холод из-за чего я часто пропускал занятия в школе. Летом работал в колхозе («Культура») деревня Малый Кизил на сезонных работах. В декабре 1947 года вернулись в Белоруссию в город Климович Могилёвской области.

Борис Гер родился 14 апреля 1932 года в Киеве. Отец Явель, мать Броня, сестра Нехам. Работал слесарем на заводе «Кристалл». Жена Алла, дочери Елена живет в Израиле, Наташа живет на Украине, 2 внука. Репатрицировался в январе 1994 года

До 22 июня 1941 года у меня было счастливое детство. На тот момент мне было 9 лет. Я закончил первый класс. С первого дня войны Киев начали бомбить. Во время бомбежки я был в больнице. Рядом с больницей находился авиационный завод. Его постоянно бомбили.

Наша семья состояла из отца, мамы, сестры, меня и нашего деда (по материнской линии) Янкеля Островского. Дед был раввином в Белоцерковском районе. Дед был уверен, что война не продлится больше трех месяцев.

Жива наша семья осталась только благодаря дяде Иосифу (папиному брату), который потом погиб в 1943 году на Курской дуге возле села Прохоровка. Он работал в Днепропетровском Пароходстве и принес билеты на пароход в Днепропетровск. Дед остался в Киеве и погиб в Бабьем Яру.

Недалеко от Днепропетровска началась бомбежка, и снаряд попал в пароход. Началась паника. Люди, как могли, добирались до берега, в основном вплавь.

Много людей погибло. Я не умел плавать и чуть не утонул. Спас меня один из матросов. Маму с сестрой я потерял из вида. Матрос вытащил меня на берег и сделал искусственное дыхание, потому что я наглотался воды и был без сознания.

Тут нашлись мама с сестрой, и нас погрузили в угольные вагоны. Мы все были черные как трубочисты. Эшелон шел в Сталинград.

По дороге нас все время бомбили, и мы прятались под вагонами. Иногда снаряды попадали в вагоны и гибли люди, было много раненых. Еды не было, по дороге попадались небольшие магазины и нам давали еду бесплатно.

Когда мы добрались до Сталинграда, нас поселили на стадионе Тракторного завода. Там было очень много беженцев со всей страны. Сталинград был крупным пунктом распределения рабочей силы. Наша мама получила направление в Пермь на завод, где производили сушеный картофель для фронта. Сестра тоже работала на этом заводе. Если работник выносил с завода хоть одну картошку, сразу получал 10 лет тюрьмы.

В 1943 году, после освобождения Киева, мы вернулись домой. Наша квартира была занята, но потом нас туда вселили. Самым большим счастьем было возвращение папы с фронта в 1945 году. Он был тяжело ранен, и последние полгода от него не было вестей.

Гершун Таисия родилась 11 мая 1929 года в городе Кировоград. Закончила пединститут в Кировограде факультет физикоматематический, специальность учитель математики. Репатриировалась из Николаева в 1995 году.

ИСПОВЕДЬ ГЕРШУН ТАИСИИ

Моя семья жила в Кировограде. Там родились мы: мой старший брат Лёня и я. В 1933 году папу, как члена партии, послали в деревню Аджамку поднимать колхоз, а в 1938 году его арестовали не известно за что, через две недели выпустили, но работать в колхозе не дали, теперь он управлял заготскотом.

Когда началась война папа взял лошадей с подводой, посадил нас, бабушку и ещё одну семью работника заготскота, которого мобилизовали. Когда мы уже выезжали со двора встретили папиного брата с семьей, они пришли к нам прятаться от бомбёжек в Кировограде. Их тоже посадили на подводу. Всего нас было двенадцать человек. Мы взяли с собой корм для лошадей, мешок муки и некоторые вещи. Лето было дождливое, наша подвода застряла посреди дороги. Там шли наши отступающие войска, солдаты подняли нашу подводу и перенесли её прочь от дороги. Оттуда мы выбраться не могли. Тут налетели немецкие самолёты и стали бомбить. Мы побежали прятаться кто-куда. За этот день мы проехали всего пять километров. Дальше мы ехали только по проселочным дорогам, по центральному уже шли немцы. Остановивались на ночь в поле около скирд, спали на соломе. Днём немецкие самолеты нас бомбили, а мы прятались в нескошенной пшенице. Когда проезжали какую-нибудь деревню, люди выносили нам еду, кто чем мог помогал нам. Говорили нам: «Мы слышали, что едут евреи, вы их видели? Какие они?» Моему брату было тогда 15 лет, он им отвечал: «Да, мы видели евреев, они все в фуражках, прикрывают свои рога.» Но были люди очень добрые к нам. Один мужчина вышел на дорогу и зазывал всех, кто ехал рядом с нами, в свой сад и говорил: «Рвите яблоки, груши, всё, что есть в саду, чтобы немцам не досталось».

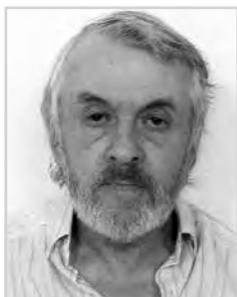
Таким образом мы добрались до Ворошиловграда. Там у нас забрали лошадей для армии, а нас посадили в товарные вагоны. Мы очень голодали. Поезд ехал без остановок, а если и останавливался, то выйти купить что-либо мы не могли, так как не знали сколько времени он будет стоять. Так мы добрались до Саратова. Решили выйти. Сгрузили вещи, папа пошел в город, а нас милиционеры посадили обратно в вагон и поезд ушел. На наше счастье, он остановился на каком-то полустанке и

стоял всю ночь. Папа пешком нас догнал и мы узнали, что нас везут в Поволжье. Мы вышли на маленькой станции, там нас ожидали лошади и мы приехали в село Мариенталь, где жили немцы, переселенные в Россию ещё Екатериной Второй. Немцев выселили в Сибирь, а нас вселили в их дома.

В декабре 1941 года папу мобилизовали, понадобились старики в армию. Я и мама работали в колхозе, Лёню забрали в военное училище, через год он получил звание младшего лейтенанта - и на фронт. В первом же бою он погиб, ему было 19 лет.

Возвращались домой в 1944 году, когда освободили нашу Аджамку. В дороге мама с бабушкой отстали от поезда, а я приехала одна. В нашем доме поселились соседи и сказали, что они купили наш дом у немцев. Я сделала вид, что не поняла и попросила их освободить мне комнату. Мне уже было 15 лет, но я уже всё понимала. Они не освобождали, в той комнате держали кролей. Я вынесла весь хлам во двор, законопатила камнями все дыры, что прорыли кроли, побелила комнату. На табуретку положила два чемодана, накрыла скатертью - получился стол. Наша кушетка, которая стояла в сарае, стала моей кроватью. Я ждала маму с бабушкой. Они добирались до дома месяц. А через год в 1945 году вернулся папа. Наши соседи потребовали у него те деньги, что они уплатили немцам. Папа на их требования ответил, что он вернулся с фронта с одним рюкзаком, денег там не заработал, а вы требуйте деньги у того, кому давали.

Сразу после войны жизнь была не легкой. Папа работал в Заготскоте, мама - в колхозе. Я летом работала в колхозе, зимой училась в школе. Окончила школу, поступила в институт, стала учителем математики.

Гликман Борис родился 18 февраля 1934 года в Ленинграде. окончил Политехнический институт в 1959 году по специальности инженер-электрик. Работал ведущим инженером в НИИ. Репатриировался в 1993 году.

Когда началась война, мне было 7 лет. Мы, мама, папа и я, жили в Ленинграде. В конце февраля 1942 года мы с мамой были эвакуированы на Урал. Вместе с нами ехал мамин родной брат, который по дороге умер. Папа был на фронте, но писем от него не было, и мы о нем ничего не знали.

Обо всём периоде жизни в эвакуации у меня в памяти сохранились только отрывочные воспоминания.

По приезде на Урал нас поселили в посёлке Курья Ижевской области. С нами вместе в одной комнате жили мамина сестра с мужем, которые тоже были эвакуированы из Ленинграда. Вскоре у них родился сын. Помню, что в качестве кровати для него использовалось корыто и мне поручали качать это корыто, чтобы братишка быстрее засыпал.

Мама по специальности была пианисткой. Концертмейстер работала в столовой на кухне. Иногда она приносила с работы картофельные очистки и варила из них суп. Один раз дядя где-то раздобыл и принёс консервы - шпроты. Прежде всего угостили меня и я... сильно отравился. Шпроты были просроченные. Помню, как меня спасали. Уколы, которые мне делали почему-то в ноги, были ужасно болезненные.

Через некоторое время мы переехали в Ижевск. Помню очень холодную квартиру, в которую нас поселили. Зимой в кухне вода в ведре за ночь замерзала. На меня одевали валенки, пальто и шапку и в таком виде укладывали в постель под одеяло.

Питались в основном кашами и картошкой. Однажды нас угостили американской консервированной ветчиной. Это было так вкусно! До сих пор помню этот вкус.

Из Ижевска мы перебрались в Свердловск (сейчас Екатеринбург), где я начал учиться в школе. Но вскоре, это был 1943 год, переехали к родственникам в Малаховку, посёлок под Москвой.

Летом 1944 года меня приняли в центральную музыкальную школу при Московской консерватории. Там я закончил 3-й класс.

Хорошо помню День Победы 9 мая 1945 года. В этот день я был в Москве и смотрел праздничный салют победы. Это зрелище не забывается.

Летом 1945 года мы с мамой вернулись в Ленинград. Папа пропал без вести на Ленинградском фронте.

Глозман Мария родилась 16 февраля 1938 года в городе Коростень Украина. Мать Хая. Высшее образование, педагог. Муж Глозман Михаил, дочери Алла живет в Израиле и Яна живет в С. Петербурге, внуки: Никита и Таль живут в Израиле, Филипп и Соня живут в С. Петербурге. Репатрировалась 19 октября 1997 года.

Я, Глозман Мария, родилась в городе Коростень Житомирской области, Украина. Когда началась Великая Отечественная война, мне было чуть больше трех лет и, конечно, воспоминания у меня неполные.

Город Коростень находится недалеко от Киева, и поэтому его бомбили с первых часов войны. Я помню, как мы прятались в погребе и ждали, когда улетят немецкие самолеты, бомбившие город, и можно будет вылезти из погреба.

Отец был мобилизован в Красную Армию и пропал без вести. В мае 1941 года я, мама, бабушка Сура и тетя Тема были эвакуированы в город Коканд, Узбекской ССР. Ехали мы в товарных вагонах, битком набитых людьми. Условия были ужасные. Несколько раз поезд обстреливали. Люди, прижавшись друг к другу, сидели на нарах, была ужасная теснота. Мне врезалось в память, как мы сидели на какой-то станции. Отправляется поезд весь набитый людьми, а за ним бегут маленькие дети, которые отстали от поезда. Они плачут, кричат, но поезд не останавливается.

Приехали в Коканд, там жили в тяжелых условиях, голодали, ели жмых. Это такие брикеты из шелухи, которая оставалась от молотых зерен.

Мама и тетя работали на хлопко-прядильной фабрике. Я пошла в детский садик. Однажды был утренник, меня нарядили лисичкой, а другие дети были зайчатами. Как я им завидовала, потому что по сценарию они ели морковь, а мне, лисичке, не положено было. Я там очень болела всякими заразными болезнями. Меня обрили наголо, и я очень плакала.

Когда закончилась война, мы вернулись в родной город. Обратный путь был не менее тяжелым. Ехали мы почему-то на открытой платформе, в страшной тесноте. Когда приехали в родной город, то увидели, что весь город в руинах. Наши дома были разгромлены. Нас приютили дальние родственники.

В 1945 году я пошла в первый класс. Не было учебников, не было тетрадей, мы писали на газетных полях. Чернила в чернильницах замерзали, потому что классы не отапливались. Нечего было одеть. Я помню, что ходила в чунях. Это такие глубокие калоши, которые делали из покрышек и надевались на шитые валенки. Зимой одевали телогрейки. За хлебом стояли огромные очереди, буханка хлеба стоила 100 рублей у спекулянтов. Но все были рады, что война закончилась, и впереди нас ждет счастливая жизнь!

***Гордон Изабелла** (девичья фамилия Беркович) родилась 2 сентября 1934 года в Могилёве. Закончила Ленинградский финансово-экономический институт, работала экономистом на комбинате. Дочь Розанна, сын Григорий живут в Израиле, внук Станислав. Репатриировалась в 1996 году.*

Мне уже восемьдесят. Как быстро бегут годы. Но в памяти моё безоблачное детство в нашем белорусском городе Могилёве, в нашей дружной, благополучной семье, рядом всегда любящие родители: мама Ася Гордон и мой отчим дядя Саня Беркович (для меня он навсегда был и оставался моим вторым папой). И я его всегда звала папой. Мой настоящий отец Григорий Гордон умер в 1937 году, а мама через два года вышла замуж за красавца Саньку, как она его называла. За неделю до войны родился мой братик Боренька. Живший с нами, мой любимец и умница кот Василий ревниво принял его появление, ведь с этого момента всё внимание было переключено на нового человечка. Всё было хорошо и, казалось, так будет вечно. Наше счастье закончилось 22 июня 1941 года.

Война... Какое страшное слово. Мне, семилетней девчонке, оно ещё не до конца было понятно. Помню первые налёты немецких самолётов, бомбивших город, помню, как нас уведили, что надо оставить город и где-то есть эшелон, уходящий неизвестно когда и неизвестно куда. Помню, как мамочка в спешке собирала какие-то вещи, продукты, которые были в доме. Она взволновано металась по комнате, не понимая, что нужно взять с собой в первую очередь, то ли мои вещи, то ли вещи для Бори, то ли продукты. Помню, как в угол забился кот Василий и смотрел на всё это печальными глазами, как будто спрашивая: «Куда это вы? А я?» Я в тот момент не могла понять, почему мы не можем взять Василия с собой и плакала от страха, от обиды и от того неизвестного, что ждёт меня впереди. Наверное, я поняла это тогда, когда мы, спасаясь от смерти, бежали через днепровский мост в деревню Луполово. Кто-то кричал: «Бегите, бегите быстрее, скоро взорвут мост!» А как могла бежать мамочка, ещё не окрепшая после родов? Она держала меня за руку, а во второй руке свёрток с маленьким братиком, который она прижимала к груди. Рядом с нами бежала мамина сестра Ида с её сыночком Юзиком. Мама выдохалась и в какой-то момент маленького Бореньку у неё забрала тётя Ида. Этим она спасла его жизнь. Я знаю, что потом они, сквозь слёзы, рассказывали, как мамочка, выбившаяся из сил, уже не бежавшая, а медленно идущая и тянувшая меня за руку, закричала тётю Иде: «Помоги мне и Беле, бросай его в воду, я рожу другого!»

Конечно, это была лишь минутная слабость от страха, от страшных звуков немецких самолётов и грохота взрывов бомб, которые к счастью не попали в мост. Братика не выбросили, мамочка очень любила его и часто, глядя на него своими

красивыми карими глазами, говорила: «А я тебя хотела выбросить в Днепр!» Я уверена, что никогда бы она этого не сделала!

Бог нас спас, мы успели перебежать через мост. Люди бежали одним потоком, которым, вероятно, кто-то всё же управлял... И вот мы уже в вагоне товарного поезда, в теплушке. Куда-то едем. Помню вой самолётов, где-то звук разрывов бомб, кто-то кричит: «Покинуть вагоны, бегите в сторону от насыпи!» Мы бежим, прячемся в кустах, лежим, наивно думая, что это нас может спасти. Нам везёт. Говорят, что предыдущий эшелон разбомбили. Непонятно, откуда это известно? Отбой, самолёты улетели, едем дальше, снова налёт и снова везёт. Люди в вагоне говорят, что нам везёт потому, что в вагоне новорожденный, мой братик. Он наш ангел-хранитель. В это очень хочется верить! Но плачу от того, что не взяли моего кота Василия: «Где он теперь? Жив ли? Кто его будет кормить?»

Через несколько дней пути эшелон прибыл в город Куйбышев. Нас поселили в посёлке Зубчаниновка, приютили нас очень хорошие люди, мордвины по национальности. Они напоили нас настоящим молоком, я давно уже не пила такого вкусного молока.

Началась наша новая жизнь, совсем не похожая на ту, предыдущую, счастливую в большом и светлом доме моей бабушки, который, как мы потом узнали, сожгли немцы. Новая трудная жизнь вдали от Родины. Ведь Родина там, где я родилась, где меня качала в колыбели моя любящая еврейская мама, где плескались волны Днепра и светило ласковое белорусское солнце, согревая тело и душу маленькой черноволосой и черноглазой девчонки Беллы.

Потом, с другим эшелонном приехал папа Саня. Его не взяли на фронт. Он был высококлассным специалистом, токарем, а такие нужны были стране, чтобы строить самолёты. Они в течение недели демонтировали оборудование могилёвского завода, станки погрузили в железнодорожные вагоны и перевезли в Куйбышев. Там в течение короткого времени организовали завод, выпускавший двигатели для самолётов. На этом заводе папа трудился всю войну, работая по двенадцать-четырнадцать часов в сутки, ночуя на заводе. Домой он приходил один раз в неделю, бывало и реже. Когда он появлялся, для нас был праздник. Он приносил паёк и мы наслаждались вкусным, душистым хлебом, который им давали на заводе. Для нас, вечно полуголодных, хлеб был лакомством. Мне часто снился хлеб, целые горы буханок хлеба, круглые буханки с поджаристой корочкой так вкусно пахли, что во сне я проглатывала слюну и просыпалась от боли в животе. Однажды мама спросила меня: «Что бы ты съела сразу, когда закончится война?» Я, не задумываясь, ответила: «Целую буханку хлеба!» Мечта о хлебе привела меня в дом к соседям, где я подружилась с их дочкой Олей, моей ровесницей. Они были хорошо обеспечены материально. Отец Оли работал на продуктовой базе и, когда я к ним приходила, они угощали меня хлебом и иногда даже с маслом. Любовь к хлебу и бережное к нему отношение я пронесла через всю свою жизнь. И даже теперь, в мои восемьдесят, я могу съесть за раз полбуханки хлеба. Однажды, я пришла в гости к Оле и увидела, что она кушает хлеб с селёдкой. Этот пьянящий запах селёдки сводил меня с ума, я очень любила

селёдку, вот я и осмелилась попросить у Оли кусочек селёдки. Она мне говорит: «Сошьёшь мне куклы, тогда дам!» Её отец мог приносить с базы продукты, а вот игрушек там не было. И я решила отрезать длинный лоскут от маминой простыни, взяла иголку с нитками и сшила две куклы, натолкала в них обрезки ткани, старую вату, которую вытащила из маленьких валенок, сшитых мамой братику Боре. Глаза, рот и нос у кукол я разрисовала химическим карандашом и отнесла свои изделия Оле. Взяла свою награду - маленький кусочек селёдки и пару штук селёдочных голов. Через какое-то время мама обнаружила испорченную простынь и наказала меня.

Папа в свой единственный выходной ходил на свалку, куда более обеспеченные семьи выбрасывали остатки продуктов и очистки от картошки. Он собирал всё, что было съедобно и приносил домой. Мама, тщательно промыв кожуру, делала из неё картофельные котлеты. Летом жизнь становилась веселее. Пригрело солнышко и выросла трава лебеда. Мама научилась варить из неё вкусные и полезные щи, заправленные смекалкой и любовью к нам. А ещё поспевали яблоки в саду у соседа. Однажды, ближе к ночи, я с мальчишками залезла в этот сад и мы стали рвать яблоки. В этот момент появился сосед с ружьём в руках. Мальчишки успели убежать, а я зацепилась платьем за забор и повисла на нём. В этой позе меня настиг сосед. Стрелять он не стал, но отхлестал толстой веткой по попе. Хлестал и приговаривал: «Ах, ты, жидовское отродье, яблочек захотела? Кушай, кушай!» Было очень больно и обидно. Мне тогда было девять лет и я уже знала, что мы евреи. За это воровство мама меня не стала наказывать, только печально на меня смотрела.

Через какое-то время маме удалось устроиться работать медсестрой в детскую больницу, их там кормили и ей удавалось часть своего обеда приносить домой и отдавать нам. Как-то я пришла к маме в больницу, чтобы забрать домой немного еды. На этот раз мама дала мне картофельное пюре с котлетой и кисель из концентрата. Дома меня ждал мой двухлетний брат Боря, которого я должна была накормить. Я возвращалась по тропинке через лес. Свежий зимний воздух, постоянное желание кушать и пьянящий запах котлеты толкнули меня на «преступление». Сначала я решила съесть половину котлеты, но не заметила, как вся котлеты была съедена. Я до сих пор помню об этом поступке, всю жизнь виню себя за это. До сих пор не могу себя простить. Теперь мы часто смеёмся над этим, когда я рассказываю про эту котлету.

Я хорошо помню великий День Победы, 9 мая 1945 года. Это было рано утром, когда вдруг, среди тишины раздался крик: «Победа, победа, победа!» Люди выбегали из домов, некоторые полуодетые, целовались, обнимались, плакали от радости. Мамочка испекла свой знаменитый пирог из манной крупы, папа купил разливное пиво, целый алюминиевый бидончик, пришёл его друг, Боровой Рувим, и они весь вечер сидели, пили пиво, много говорили и пели песни, а мы с братом ели мамин пирог и тоже радовались, чувствуя, что произошло что-то очень серьёзное и знаменательное в жизни всех людей.

Вскоре мы получили письмо от маминой сестры из Махачкалы, тёти Иды. Она

писала, что её муж, Гиля, не вернулся с войны. Он пропал без вести в самом начале войны. В письме были написанные ею стихи:

Не возвратились вы,
Нам до сих пор неведом
Клочок земли, который вас укрыл,
Вихрастый внук не видел деда,
Вы полегли, собою защищая тыл!

В 1950 году мы вернулись в Могилёв, который встретил нас разрушенными домами и запахом Родины. Мама устроилась работать участковым врачом в детской поликлинике, папу приняли на работу на тот же завод, где он работал до войны. Нам повезло, ему, как специалисту, выделили комнату на нас четверых в недавно построенном доме. Почему-то этот дом носил имя «Дом Сталина». На еврейском кладбище чудом сохранилась могила моего папы Гриши, даже не пострадал памятник. Мы с мамой и папой Саней привели её в порядок. Так началась наша новая, послевоенная жизнь со своими трудностями и своими проблемами, но это уже нужно описать в других воспоминаниях.

***Горелик Лев** родился 5 марта 1935 года в городе Гомель. Мать Фаина, отец Абрам, сестра Ася умерли в Гомеле. Закончил училище легкой промышленности, работал рабочим на Обувной фабрике. Жена Евгения умерла в Израиле в 2007 г. Репатриировался 25 декабря 1990 года.*

В июле 1941 года мои родители: папа Абрам Давидович, мама Фаина Давидовна, сестра Ася, 11-ти лет, и я, 6 лет, были вынуждены покинуть родной город Гомель. Наскоро собравшись, прихватив с собой самое необходимое, бежали вместе с такими же людьми - евреями на железнодорожный вокзал. Мы оказались в вагоне забитым зерном. По дороге наш поезд несколько раз останавливался, пропуская вперед эшелоны с солдатами, а тут ещё и немецкие самолеты сбрасывали бомбы, пытаясь разбомбить состав. Целый месяц мы добирались до станции Устье. Два дня помыкавшись на пристани, мы сели в трюмы парохода и наконец-то добрались до города Казань. Здесь нас поселили в частный дом, где жили ещё две семьи. Было холодно и голодно. Нам доставалось по 250 грамм хлеба на человека, приходилось кушать конину, но не мясо, а шкуру.

В 1947 году мы вернулись в город Гомель, нашли прибежище в подвале, где было холодно и неудобно. Прожили там некоторое время, затем нашей семье подыскали комнату, где мы прожили долгое время.

Горон Алла Григорьевна (девичья фамилия Кушнир) родилась 11 мая 1937 года в городе Кременчуг (Украина). Окончила Московский институт инженеров геодезии, аэрофотосъемки и картографии, кандидат технических наук, младший научный сотрудник. Муж Горон Геннадий, два сына Александр живет в Америке и Юрий живет в Канаде, внучка Елена. Репатриировалась из Москвы в 1998 году.

Когда началась война, мне было почти 4 года без 3-х месяцев, и первые детские воспоминания связаны с бомбежками. Жили мы в городе Краматорске на Донбассе.

Нас, детей, в семье было двое. Брату Эдуарду в начале войны было 7 лет. Он быстро научился улавливать гул немецких самолетов в небе, и даже до объявления воздушной тревоги, тащил меня за руку домой. Мы вместе с мамой спешили, как мне помнится, в сарай. Дом наш был двухэтажный, подвала не было, так что укрыться можно было только в сарае. Вначале бомбежки были редко и, в основном, днем. А потом все чаще и чаще днем, и ночью. У мамы была всегда наготове сумочка с едой и водой, так как неизвестно, как долго придется укрываться от бомбежки. Ночью было очень страшно. Мы с братом плакали, у него от страха стучали зубы, а я говорила, что «у меня в животе холодно». Однажды мы не успели выбежать из дома, только спустились со второго этажа. В это время попала бомба в соседний дом, стало темно, как ночью. Бабушка прижала нас своим телом к стене. Я помню, как болталась на петлях дверь нашего подъезда, и рыдала от ужаса моя тетя Хана - восемнадцатилетняя девушка.

Больше жить в своем доме мы не могли и после отбоя воздушной тревоги, взяв необходимые вещи, перешли жить к нашим друзьям. Они жили в многоэтажном доме, в котором был большой подвал. В этом подвале у каждой семьи была комната, вот в такой комнате мы и жили вместе с семьей наших друзей. Помню, как рыдала молодая женщина. Во время бомбежки завода погиб ее муж.

Бомбежки стали почти непрерывными. Сходить домой за вещами было невозможно. Уезжали налегке, я очень просила родителей принести мне мою куклу, но, увы... Ни взрослые, ни тем более дети, не могли тогда понять, что беззаботное детство с игрушками и конфетами кончилось. Помню проливной дождь и бомбежку, когда мы уезжали из города в полную неизвестность, оставляя чистую, только что отремонтированную квартиру и чудесный рояль, который, как потом рассказали маме очевидцы, немцы спустили на канатах со второго этажа через окно. Несколько дней он стоял на улице, и прохожие немцы тренькали по клавишам, а потом подъехал грузовик и увез наш рояль, очевидно в Германию.

Проводив нас, папа ушел добровольцем на фронт. На фронте уже были двое

его младших братьев Абрам и Израиль и мамин брат Аркадий. Со всеми была договоренность писать нам в «Ташкент, до востребования». Папины братья, два молодых красивых парня, погибли в первые же месяцы войны.

До Ташкента мы ехали очень долго, больше месяца. Ехали в товарном вагоне, спали вповалку на нарах, еды и питья было мало. Было очень страшно, когда бомбили поезд. По пути у одной женщины в нашем вагоне умер ребенок, и нас с братом прятали от нее, так как при виде нас с ней начиналась истерика.

В Ташкент приехали поздно вечером, было темно, все приготовились к выходу, а поезд... не остановился, только замедлил ход. Как кричали люди, какая была паника, многие на ходу выбрасывали вещи и выпрыгивали на ходу из вагонов. Поезд остановился в семнадцати километрах от Ташкента в глухом ауле, где еще многие женщины ходили в парандже. Жили в глиняных домах с глиняными полами, и когда зимой шли дожди, крыша протекала, а пол представлял собой скользкое глиняное месиво. Нам с братом не разрешали вставать с кроватей, и мы сидели целыми днями голодные и холодные. Привычного нам хлеба не было, были лепешки, но их было очень мало, и страх голода остался на всю жизнь. А летом страшная жара и постоянная жажда. Воду брали из арыков, в которых и осликов купали, и белье стирали. Не всегда удавалось кипятить воду, и новая беда не заставила себя ждать - я заболела брюшным тифом. Помню, как меня везли в тележке на ослике в Ташкент. Жара на улице, а у меня температура под сорок. В Ташкенте мы с мамой два дня сидели в сквере на скамейке, пока за нами не приехала машина и не увезла нас в госпиталь, где у меня двадцать один день держалась эта предельная температура. После тифа меня, шестилетнюю девочку, учили заново ходить. А потом началась жуткая малярия. Помню эти приступы, которые начинались со страшного озноба, от которого не спасала никакая куча одеял. Акрихин (хину) от малярии пришлось пить до десяти лет. Здоровье из-за войны и эвакуации было подорвано на всю последующую жизнь.

Как только освободили от фашистов наш родной город Кременчуг, мы вернулись туда, Там нам то же жилось не сладко - город был разрушен на 98%, и комната, которую мы получили на шесть человек, была не больше двенадцати квадратных метров. О каких-либо удобствах и речи не было.

Перед самым концом войны, в апреле 1945 года, вернулся с фронта папа и забрал нас в Казань на свое новое место службы в армии. Здесь наша семья после четырех лет скитаний из-за фашистов начала заново налаживать быт. Помню пустую снятую комнату, в которую нас привез папа. Это было за несколько дней до Дня Победы.

В Казани в 8 лет я пошла в школу, не было учебников, тетрадей, на партах сидело по три ученика, продукты по карточкам и так далее и тому подобное. Но главное, что мы выжили.

С каждым годом День Победы переживается сильнее и сильнее - войну из памяти не вычеркнешь, и болезни, которые корнями уходят в военное детство, дают знать о себе все больше и больше.

Гринберг Михаил Львович родился 27 декабря 1934 года в городе Полтава. Мать Анна, отец Лев, брат Борис. Закончил ПТУ, работал токарем. Жена Алла. Сын Владимир и 2 внука живут в Германии. Репатрировался в 1997 году.

Я, Гринберг Михаил Львович, родился в городе Полтава 27 декабря 1934 года. До войны мать, отец, я и младший брат, жили в Полтаве (Украина). Когда началась война, отца забрали сразу на фронт. А мы оставались в городе до июля. В июле мы эвакуировались в сторону Днепропетровска на подводах, потому что поезда уже не ходили. Некоторое время мы жили под Днепропетровском, а потом на открытой платформе поезда выехали в Таджикистан. По дороге, когда мама на какой-то станции пошла за кипятком, наш поезд уехал, и мы с братом поехали в неизвестность. Нас определили в детский дом, где мы были две недели. На наше счастье мама нашла нас, где это было, не помню. После этого мы добрались до Баку, а затем пароходом - до Махачкалы. Когда мы плыли по Каспию, нас бомбили немецкие самолеты, были раненые и убитые, но пароход выстоял. Но много людей умерло в этом плавании от голода. Я не представляю, как мы выжили. Наконец, мы приплыли в Махачкалу, нас там немцы опять бомбили, но ничего - обошлось. После этого мы попали в Таджикистан, а потом - в Узбекистан, где мама работала грузчиком в горторге, а я ходил в школу.

После окончания войны мы вернулись в Полтаву, где я жил там до 1997 года до репатриации.

Гройсман Соломон родился 20 октября 1940 года в Киеве. Мать - Фейга Генаховна, отец - Берл Бенционович, бабушка Сигал Рахиль Соломонович, дедушка Сигаль Генах Шмуль. Образование высшее, специальность педагог. Жена Гройсман Лилия, сын Борис живет в Канаде, внуки Николь-Мари и Ритчел-Стефани. Репатриировался в мае 1991 года.

МОЯ ЭВАКУАЦИЯ

Когда началась война, мне было всего лишь 8 месяцев. Поэтому всё, о чем я пишу – это, в основном, рассказы мамы и бабушки. Да будет благословенна память о них.

Мы жили в Киеве, на Подоле. Мои молодые родители только что отметили годовщину своей свадьбы и радовались рождению первенца. В ночь с 21 на 22 июня 1941 года все проснулись от грохота взрывов. В известной песне поётся: " Киев бомбили, нам объявили...". Бомбили военный аэродром в посёлке Васильков, а это рядом с Киевом. Война! Отца мобилизовали с самого её начала. И два долгих года мы ничего о нём не знали. Тем временем немцы всё ближе и ближе подступали к Киеву. К нам часто забегал папин друг, который работал вместе с отцом на одном заводе и обещал ему позаботиться о нашей семье. Он настойчиво требовал, чтобы мы были готовы срочно покинуть город.

Мама и бабушка Рахель быстро собрали всё самое необходимое, но без дедушки категорически отказывались уезжать. Мой дедушка Генах заведовал небольшим магазином. Уже больше месяца никто не забирал выручку, и в магазине скопилось много денег. Дедушка бегал по всем инстанциям и никак не мог сдать их по всем правилам закона. Чиновники с удовольствием забирали деньги и даже давали расписки. Но умудрённый жизненным опытом дедушка твердо знал, что на любом настоящем документе должна быть ещё и круглая печать. К нашему счастью, ему удалось сдать выручку в каком-то отделении банка на окраине Киева. Расписку с круглой печатью он хранил всю свою жизнь, хотя никто и никогда не потребовал её предъявить.

Мы покинули Киев в одном из последних эшелонов. Стояла сильная жара и духота. Теплушки были переполнены. Но самые страшные испытания ждали нас впереди. Полновластными хозяевами неба были фашисты. Они бомбили каждый железнодорожный состав и не просто бомбили, а на бреющем полете расстреливали из пулеметов беззащитных людей. Бесчисленное количество раз мама выбегала из вагона, держа меня на руках, падала на землю, накрывала меня собой. После каждой такой атаки хоронили погибших.

Состав подолгу стоял на запасных путях, пропуская воинские эшелоны. Запасы

продуктов подходили к концу. Не хватало чистой питьевой воды. Это всё привело к тому, что я тяжело заболел. Поднялась высокая температура, я весь покрылся красной сыпью. Диагноз врача был таков – корь. Тяжелое инфекционное заболевание в переполненном поезде! Моя мама понимала, что на ближайшей станции нас могут высадить. Но врач никому ничего не сказала. Она выделила нам угол в теплушке, перевела семьи с детьми в другой вагон. Так мы были спасены.

В пути мы были около двух месяцев и наконец-то добрались до Самарканда. Город был наводнен эвакуированными людьми. Нас поселили в глинобитном домике в маленькой комнатухе. Это место показалось нам раем в сравнении с тем, что мы пережили. Глава большой узбекской семьи был на фронте, в доме оставались его жена и орава голодных детей. Они все очень участливо отнеслись к нам. Заплели маме косички, надели на неё тубетейку и устроили на ткацкую фабрику. Дедушка тоже нашёл работу.

Жили мы впроголодь, мама и дедушка зарабатывали копейки. Если доставали картофель, то использовали даже очистки. Всю еду, мы делили на порции для каждого члена семьи. Мои родители ещё долго после войны не могли отучить меня от этой привычки. Рос я с узбекскими детьми, они меня часто подкармливали. Однажды соседская девочка спасла меня от укуса скорпиона. Говорить по-узбекски я начал раньше, чем на русском. Бабушка часто брала меня с собой на базар, иногда торговцы дешевле продавали нам свой товар. Им нравилось, что такой маленький мальчик говорит на их родном языке.

Потом произошли два радостных для нас события. В 1943 году нас нашёл отец. Он воевал под Сталинградом, был тяжело контужен, но, самое главное, был жив. Он перевёз нас в Саратов. Но и там тоже было голодно и холодно. Отец был прикомандирован к Горьковскому автозаводу. Отвечал за поставки техники на фронт и возврата её на ремонт. Меня и маму он забрал с собой в Горький. Я впервые полетел на самолёте. Это был американский Дуглас. В городе Горький мы жили в гостинице. Стало чуть легче.

И вот вторым радостным событием было освобождение нашего родного Киева. Я до этого не видел его, хотя мама мне всё время говорила, что вот закончится война, и мы вернёмся домой, и там будет всё хорошо. Когда я по радио услышал, что Киев освободили, от радости, я побежал сообщить это маме. По дороге я споткнулся на лестнице, и разбил переносицу. В больнице мне наложили несколько швов. Шрам остался до сих пор.

В 1944 году в июле месяце мы вернулись домой. Ехали мы поездом через Белоруссию. На одной из остановок папа купил у торговки жареную курицу. Она была худая и не очень велика, но я это пробовал впервые и её вкус ещё долго преследовал меня.

Наша комната была занята, и мы получили жильё на Куренёвке. Какая ирония судьбы! Это совсем близко от страшного Бабьего Яра, где был расстрелян мой второй дедушка.

Так началась моя новая жизнь с её новыми радостями и новыми огорчениями. Но это уже другие истории.

Гурок Лев родился 9 сентября 1936 году в городе Гомель. Мать Муся, отец Нисон. Закончил Горный институт в Ленинграде, затем Ленинградский электротехнический институт. Работал главным инженером СКБ при заводе измерительных приборов в Гомеле. Жена Гурок Юлия. Дочь Марина и внук Дима живут в Израиле. Репатриировался 27 ноября 1990 года.

Когда началась война мне ещё не было 5 лет, поэтому цельной картины произошедшего с нами, память не сохранила. Вспоминаю лишь отдельные, не связанные между собой картины. Жили мы в городе Гомель. Бомбежки города, как рассказывала мама, начались практически с первых дней войны. Помню, как во время сигнала воздушной тревоги, мы с сестрой Фаиной, которая на два года моложе меня, вместе с мамой перебежали улицу и прятались в подземном бомбоубежище.

Незадолго перед захватом города немцами маму с нами (я и моя сестра) эвакуировали. Отец с первых дней войны был в народном ополчении и остался в городе.

В памяти сохранились отдельные картинки эвакуации. Эшелон, в котором мы ехали, несколько раз подвергался бомбежкам. Я помню, как люди выпрыгивали из вагонов и пытались прятаться от бомб. После налёта в вагоны возвращались не все, некоторые оставались лежать там, где прятались. Помню, как на станциях во время остановки поезда мама выбегала, чтобы набрать кипятка и выменять что-либо съестное. Во время одной остановки мама встретила отца, который по состоянию здоровья (он заболел астмой во время финской компании и, кстати, страдал от этой болезни всю жизнь) был освобождён от службы в армии.

После долгих мытарств мы добрались до Киргизии. В деревне Кагановичи, недалеко от города Фрунзе, мы прожили до конца войны. Помню комнату в деревенской избе с глиняным полом, в которой мы жили. Местные власти выделили каждой семье беженцев участок земли. То, что выращивали на этих участках (а это была в основном кукуруза и сахарная свекла) было основной нашей пищей. Помню, как после сбора урожая, в котором участвовали и дети, наша комната почти полностью забивалась початками кукурузы и сахарной свеклой. Затем эту кукурузу мы с отцом возили на мельницу, а привозили кукурузную муку, из которой мама умудрялась готовить еду. Кроме того, родители перебивались разными случайными заработками, поэтому, как я помню, мы практически не голодали.

Я считаю, что евреи, которые в годы эвакуации прожили в республиках Средней Азии, должны навсегда сохранить благодарность местным жителям, которые очень много сделали, чтобы помочь беженцам из оккупированных районов страны.

В Киргизии я поступил и закончил первый класс школы.

Самое яркое воспоминание о Дне Победы. Это номер газеты, набранный синим шрифтом с огромным на полстраницы портретом Сталина в военной форме.

А через короткое время после Победы мы вернулись в практически полностью разрушенный Гомель и начался другой период жизни.

Гурок Юлия родилась 25 июля 1937 года в город Витебске. Образование высшее, специальность библиограф. Муж Гурок Лев, дочь Марина живет в Израиле. Репатриировалась 27 ноября 1990 года.

Мои воспоминания о годах войны и жизни в эвакуации обрывочны и нечётки. Но есть некоторые эпизоды, которые сопровождают меня всю жизнь.

В июне 1941 года моя мама, ей было 28 лет, и мы, двое: старшая сестра (9 лет) и я (4 года), бежали из города Витебска (Белоруссия). Отец с первых дней войны ушел на фронт.

Детская память сохранила некоторые картины эвакуации: товарные вагоны, набитые до отказа людьми, непрерывные бомбежки и сирены, толпы разбегающихся в надежде спастись...

Моя старшая сестра обладала уникальным слухом, до войны успешно занималась музыкой, заранее определяла по звуку приближающихся самолетов, чьи они - наши или фашистские. Но однажды это не сработало: в соседний вагон попала бомба. Я в это время играла в тамбуре. Меня зажало, но мама успела вытащить меня. Я уцелела!

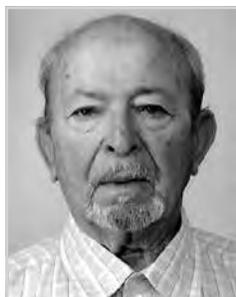
Наш конечный пункт был город Набережные Челны в Татарии. Там мама работала на военном авиационном заводе на тяжелых работах. Помню ее зимой на сплаве леса на реке Каме. Иногда маме удавалось провести меня с сестрой в заводскую столовую, она делилась с нами своим обедом...

Жили скудно и голодно... Помню, что у нас был зеленый эмалированный чайник, в котором иногда варили ржаную «затирку» из ржаной муки с молоком... Это был праздник.

Из тех далёких и трудных лет сохранилось и несколько светлых воспоминаний,,, Приехал с фронта на несколько дней отец и привёз нам какую-то солдатскую еду, среди которой был большой кусок сахара рафинада. Это было счастье!

И ещё!.. В детском саду был какой-то праздник и детский спектакль, в котором я участвовала и пела песенку: «Зовут меня розой - царицей цветов, за цвет и за запах моих лепестков...»

Все эти годы слова этой песни из детства звучат в моём сердце, как мечта и надежда, что жизнь должна быть прекрасной!

Даен Михаил родился 9 января 1929 года в городе Коростень Житомирской области на Украине. Мать Лерман Михля, отец Берк, сестры Хана и Рая. Работал слесарем. Дочь Елена.

Мой отец Берк был репрессирован в 1937 году и умер в тюрьме.

Когда началась Великая Отечественная война, мы с мамой и двумя сестрами в июле 1941 года бежали от немцев из города Коростеня. Ехали в товарных вагонах. Эвакуировались на Северный Кавказ. В эвакуации умерла одна моя сестра. Жили тяжело, голодали. Мать и сестра работали в колхозе. В конце 1942 года из города Куйбышева приехали вербовщики, завербовали маму и сестру на военный завод в город Куйбышев (ныне Саратов). В Куйбышеве мы жили до 1993 года.

Репатриировались в Израиль 24 марта 1993 года в город Бат-Ям. Жили в Нетании, Ариэле. Сейчас живу в городе Цфате.

Двоскин Юлий Хаймович родился 3 августа 1940 года в городе Донецке, после эвакуации вернулся в город Конотоп, образование среднее, специальность - слесарь. Жена Двоскина Лариса, сын Игорь живет в Израиле, 2 внуков Елена и Александр. Репатрировались в августе 2000 года.

Я, Двоскин Юлий Хаймович, родился 3 августа 1940 года в городе Донецк (Сталино). Мама, Ихейвид Абрамовна, работала в парткоме, а отец, Двоскин Хайм Гедалиевич, работал в типографии наборщиком.

Война застала нас в Донецке, из которого мы 9 октября 1941 года были эвакуированы в город Кызыл Орда в Казахстане. Так как мама не любила рассказывать об этом периоде жизни, мои воспоминания очень скудные. Мы ехали долго поездом, очень боялись и не зря, наш эшелон разбомбили, меня ранило осколком в ногу, а мама потеряла ребёнка, так как была беременная, И все таки, мы добрались до места назначения.

Вскоре папа узнал, куда эвакуировали его родителей и мы переехали к ним на станцию Майкоп Кировского района Фрунзенской области. Мама работала в детсаду воспитателем, дедушка пастухом, а бабушка телятницей. Так все вместе мы пережили тяготы эвакуации. В июле 1942 года пришло извещение о том, что отец пропал без вести.

Мы вернулись на родину отца в город Конотоп Сумской области. После освобождения города весной 1944 года. На Украине жили и работали до 2000 года. 22 августа в 2000 году приехали в Израиль в город Цфат.

Дегтярева Софья (девичья фамилия Брагина) родилась 15 марта 1936 года в городе Витебск Белоруссия. Отец - Самуил, мать - Рива, сестра - Циля, брат - Фима. Закончила Витебский пединститут, педагог математики. Репатриировалась 4 октября 1991 года.

ИСТОРИЯ МОЕГО ДЕТСТВА. ЭВАКУАЦИЯ

Я, Дегтярева Софья, 1936 года рождения 15 марта, в девичестве Брагина, до ВОВ постоянно проживала в городе Витебске, Белоруссия с момента своего рождения.

Когда началась война, моего отца забрали на фронт. Через 3 месяца он погиб. Мы с мамой, сестрой и братом (9 лет) бежали из Витебска в начале июля 1941 года. Мамина сестра, то есть моя тетя Эмма со своей дочкой Лизой, взяли нас в эвакуацию. Из Витебска мы выехали на лошадях, которых нам дал тетин муж. Ему их дали на работе, а самого взяли на фронт. По дороге нас бомбили немцы из самолетов. Мы прятались в лесочке. Остановились на 2 дня на отдых в деревне Колышки. Затем ехали поездом до Мордовии.

В эвакуации мы жили в Мордовии, в городе Краснослободске Там 16 марта 1942 года мама родила третью дочь Броню. В эвакуации мы испытали голод и холод. Жили там до 3 июля 1946 года, затем вернулись в свой родной г. Витебск. Все наше имущество пропало

Нас приютили родственники.

Во время пребывания в Колышке, у нас пропал мой брат Фима (1932 г.). Он с приятелями пошли смотреть самолет, а на обратном пути он заблудился и не мог найти дорогу домой. Мама 17 лет искала его, но не могла найти. В 1958 году он сам нашел нас. Всю войну он жил в детдоме. Со страху он забыл свое имя и фамилию. Ему дали новое имя и фамилию. Он стал Мишей Ивановым. Поэтому мама не могла его найти. К моменту, как он нашелся, он был уже несколько месяцев женат. Через несколько месяцев он умер от инсульта.

4 октября 1991 года мы репатриировались из Витебска в Израиль в г. Цфат, где и проживаем по сей день. У меня двое детей. Дочь Галя живет со своей семьей в Цфате, сын Павел живет в Нацерет Илите. Я дважды вдова.

Дусаева Надежда родилась 13 декабря 1927 года в городе Симферополь. Мать - Гербовская Фаина, отец - Маркович Абрам. Закончила химически й факультет Ростовского университета, работала младшим научным сотрудником в Уфимском НИИ нефть. Дочери Светлана и Марина, 3 внуков: Захария, Даниэль, Роман. Репатриировалась в марте 1996 года.

Я родилась в Симферополе. Здесь в возрасте 13 лет встретила войну и все отчетливо помню. Считалось, что фашисты не пройдут Перекоп, будут остановлены нашей армией. Общая эвакуация началась только в августе 1941 года из-за бомбежек. Во время воздушных тревог все жители нашего двора прятались в подвалах, где хранились уголь и дрова. Казалось, что дома над подвалами рушатся, но пострадало только одноэтажное строение. 24 августа я и мама, Фаня Ароновна Маркович, сели в эшелон для эвакуированных. Папа, Абрам Самойлович Маркович, был в ополчении и остался в Симферополе. Из-за большой близорукости на фронт его не брали. Нам разрешалось взять с собой минимальное количество вещей, так как считалось, что немцев прогонят, и мы вернемся домой.

Первый пункт эвакуации - станция Платнировская на Кубани. Мама пошла работать в полевую бригаду, я - учиться в школу. Но начались бомбежки и на Кубани. Наша эвакуация продолжилась: сперва в Краснодар, затем в Махачкалу. Мы ничего не знали о папе. Он уходил из Крыма пешком вместе со своим начальником, главным редактором газеты «Красный Крым», Кензиевым. Папа был главным бухгалтером в редакции. На переправе из Крыма на Кубань оба были ранены во время бомбежки. Папа разыскал нас в Махачкале, случайно встретив там общую знакомую. Помню, что вся Махачкала была обклеена объявлениями о розыске пропавшей родни. Из Махачкалы нас эвакуировали в Азербайджан в город Закаталы, который находился в 160 километрах от железной дороги. Здесь мам а и папа работали по специальности - бухгалтерами. Я окончила в 1945 году школу с золотой медалью и до 1946 года работала в санэпидемстанции.

В 1946 году я поступила в Ростовской госуниверситет на химический факультет. После смерти отца меня забрал к себе младший папин брат Яков Самойлович Маркович, который демобилизовался из армии.

Мама, оставшись одна, не смогла вовремя вернуться в Симферополь. Квартира наша была занята. Мама снимала угол, пока я училась. Её сестры, Этя и Люба, папин старший брат Владимир были убиты немцами в совхозе «Красный» в Крыму.

Самое страшное воспоминание - бомбёжка поезда во время эвакуации. Самолеты на бреющем полете расстреливали наш состав. Машинист не остановил поезд, гнал состав дальше. Когда самолеты немцев остались позади, поезд остановился у станции, люди вышли из вагонов. Мимо нас несли носилки с ранеными, убитыми из последнего вагона, который был разрушен полностью. Тела на носилках были в крови и копоти.

Ерш Илья родился 20 сентября 1933 года в местечке Растишки Литва. Мать Гинда Левич, отец Яков Ерш, брат Залман. После эвакуации вернулись в Латвию. Закончил Ленинградский механический техникум, работал на должности начальника цеха. Жена Ерш Ирма, сыновья Михаил и Владимир живут в России, 2 внука Дмитрий и Даниил, правнук Максимилян. Репатрицировался в ноябре 1991 года.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, немцы напали на СССР, а 27 июня мы бежали из Лудзь, я, мой брат, мама и папа. На станции разбомбили эшелон, поэтому пошли пешком. По дороге нас подобрала военная и довезли до границы с РСФСР. Погрузились на поезд и добирались до города Шарье. После этого поехали по вызову в Ашхабад, а затем переехали в город Байран Али.

Жизнь была тяжелой, жили в доме с земляными полами. Отца забрали в Красную армию. Там же родился братик, который вскоре скончался. Кормили плохо, мама вязала платки и работала в военном эвакогоспитале.

А мае 1945 года вернулись в город Лудзь.

Ерш Ирма родилась 11 августа 1931 года в городе Одесса. Мать Ольга Гордон, отец Исаак Духовный находились в блокадном Ленинграде. Закончила институт народного хозяйства, работала старшим экономистом.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Мы (я, бабушка и двоюродная сестра) находились на даче под городом Одесса и срочно вернулись в город. Мне было почти 10 лет, двоюродной сестре 8 лет, а бабушке 62 года. Когда начались бомбёжки, прятались в сараях. Решили эвакуироваться, но каким образом? Предложили морем на пароходе, бабушка отказалась. Её не подвело предчувствие, пароход разбомбили немцы, и он утонул. Вскоре появился другой вариант: соседи по квартире взяли нас с собой. 28 июня 1941 года нас погрузили в товарные вагоны (назывался «500 веселый»), других, пассажирских, не было. Дорога длилась более трех месяцев. Постоянно бомбили, мы выбегали и прятались или в лесу, или в степи.

На станции Ольховатка к нам присоединилась тетя (мама двоюродной сестры).

Наконец мы прибыли в город Свердловск. Поселили нас в частном доме в мансарде, грелись там от печного стояка. Еды не было, дали карточки, но брать по ним было нечего. Ходили собирать крапиву, чтобы сварить суп, ели гнилую картошку и капусту. Тяжело страдали от авитаминоза.

В конце 1942 года к нам приехали моя мама и отец из Ленинграда. Я их не узнала, так как они пережили блокаду. Мы (папа.мама и я) переехали в Нижний Тагил, где они работали. Вернулись в Москву в апреле 1945 года. Так закончились наши мытарства. Победу встретили в Москве.

Изаксон Вера родилась 31 июля 1929 года. Отец Золотовицкий Айзик, мачеха Довбуш Роза. Муж Изаксон Борис умер в 1983 году. Сын Александр работает заведующим отделением анестезиологии в больнице «Зив», 3 внучки: Лина, Неита, Гали, правнук Юав живут в Израиле. Репатриировалась в Израиль 28 ноября 1990 года.

ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941-45 гг

Когда началась война, я жила в городе Смоленск с папой и мачехой. Мама умерла, когда мне было три года, брату - 10 лет. В первую ночь (23 июня) Смоленск уже бомбили, в основном, зажигательными бомбами. Весь город был в огне. Эту ночь мы провели в бомбоубежище. Они уже были открыты и, как я помню, в приличном состоянии.

Утром 23 июня мачеху мобилизовали, она была по специальности глазным врачом. Папу взяли в народное ополчение. Я осталась с чужими людьми, с нашими соседями и их детьми, с которыми дружила.

Папу направили проектировать и возводить мосты через Днепр. Он был главным архитектором Смоленска. Когда он прибыл на место назначения, там уже были немцы. Папа попал в плен, был в гетто до 1942 года и погиб во время массового расстрела евреев. Мы узнали о его смерти в конце войны.

7 июля 1941 года я вместе с чужими людьми уехала из горящего и разрушенного города в теплушках в город Козельск, где прожили неделю. В это время мачеха меня разыскала и мы поехали тоже в теплушках в город Жердевку Тамбовской области.

Люди советовали ей отдать меня в детский дом, но она сказала: «Если будет жив Айзик, он мне этого никогда не простит».

В Жердевке мачеха работала врачом. Жили мы в её кабинете, а когда она вела прием, я часами сидела в коридоре. Спали мы вдвоем на маленьком деревянном диванчике, который стоял в кабинете. Через некоторое время стали бомбить. Рядом была железнодорожная узловая станция «Поворино». Один больной, которого лечила мачеха, ночью увез нас на станцию и отправил в теплушках в неизвестном направлении. Ехали мы больше месяца и приехали 7 ноября в город Уфу. Мачеха не решилась остаться там. Было все очень дорого, а мы были совершенно раздетые и голодные. Она попросила назначение в глухую деревню, которая находилась в 500 километрах от железной дороги.

Как мы туда доехали, даже сейчас не могу представить. В ноябре месяце в открытом кузове грузовика около железной цистерны с бензином. Мачеха начала

там работать. Я в школу не пошла, так как она была очень далеко, а одеть мне было нечего. Ни одежды, ни обуви, ведь мы бежали летом без вещей. Я пошла учиться через год в 5-й класс. После окончания школы я поступила учиться в Уфимское медучилище.

Мой старший брат Золотовицкий Иосиф учился до войны в Ленинградском политехническом институте. В начале войны его взяли в армию. Он закончил артиллерийское училище и всю войну был на фронте, дошел до Берлина. Был в окружении, за одни сутки поседел.

Брат мамы тоже был в армии на фронте. Как только дядя Цукерман Лев демобилизовался, мачеха в 1946 году отправила меня в Ленинград, где я продолжила учебу в медучилище.

Казакевич Лилия родилась 27 апреля 1937 года в Витебске. Отец Лейба Израилевич, мать Циля Хаймовна. Закончила Витебский ветеринарный техникум. Работала техником-фармацевтом в аптеке. Муж Казакевич Владлен. Умер в 2014 году в Цфате. Сын Григорий, дочь Светлана, внуки: Даниил, Мика, Илья, Денис, правнук Даниил. Репатриировалась 18 сентября 2003 года.

Когда началась Великая Отечественная война, мне было 4 года, поэтому я мало что помню. Часть моих воспоминаний это рассказы мамы, которая, к сожалению, рано умерла.

В первые же дни войны отец ушёл на фронт. Город Витебск бомбили и нам пришлось эвакуироваться. Помню полные вагоны людей, крики, плач детей, бомбежки. Во время бомбежек мама сажала меня на пол, а мою сестру, которая родилась накануне войны, ложила рядом и закрывала нас собой. Хотелось пить и кушать, но продуктами нас снабжали от случая к случаю. Мама не ела, оставляла мне. Сестра умерла и на неизвестной станции её у нас забрали, мы везли её мёртвой несколько суток. Затем наш эшелон разбомбили, и нас на грузовиках куда-то долго везли. Где мы были не знаю, но там я также ощущала и голод, и холод, и болезни в полной мере. Собирали мёрзлую картошку, пекли на плите крахмальные лепёшки, от которых тошнило и болел живот, но мы были рады и этому. Пробыли мы так несколько месяцев. Потом нас повезли дальше, так как то место, где мы были, тоже начали бомбить. По-моему, мы попали в Андижан, у меня на слуху этот город. Мама работала на кирпичном заводе, а я была с соседскими детьми. У меня был врождённый порок сердца. Мне там было очень плохо, врачи опасались за мою жизнь. Нужно было усиленное питание, лечение, а этого мне не могла дать мама. Дедушка Хаим с бабушкой Сарой эвакуировались позже и им удалось более благополучно добраться до города Богородск Нижегородской области. Не знаю, каким чудом через эвакуопункт им удалось нас разыскать и вызвать к себе. Так как врачи рекомендовали мне сменить климат, нам удалось хоть и с большим трудом добраться до них. Там мы и дождались конца войны. Не хочется вдаваться в подробности, как мы до них добирались, Все, кто был в эвакуации, знают все тяготы того времени.

После окончания войны мы вернулись домой в город Витебск. Я пошла в школу, но так как болела, много пропускала и учительница занималась со мной дома.

Мы жили в землянке. Было сыро и холодно. В 1948 году умер дедушка. Когда я лежала в больнице и бабушка была со мной, у нас украли карточки. В 1949 года умерла тётя, мамина сестра, и остался брат, он на пять лет был старше меня.

Отец пропал без вести, мы получили извещение. Мама работала на трамвайных путях и зарабатывала очень мало, а нас было четверо. Вышел указ, запрещающий жить в землянках, а жильё не давали, пришлось идти на съём. Мы практически голодали и меня забрали в детдом. Мне было 12 лет. Там я окончила школу 7 классов и поступила в ветеринарный техникум, там и с тройками платили стипендию.

Казнеева Людмила Самуиловна (девичья фамилия Архангородская) родилась 20 сентября 1938 года в городе Кировоград. Закончила музучилище в Симферополе. Работала контролёром ОТК завода Криворожсталь. Муж Казнеев Михаил, сыновья Игорь и Альберт, внуки Ариэль и Артём живут в Израиле. Репатриировалась 13 ноября 1994 года.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ НАШЕГО ТЯЖЕЛОГО ВОЕННОГО ДЕТСТВА...

В конце лета 1941 года моего папу Самуила Яковлевича забрали в действующую армию. Мы эвакуировались в город Омск. Нас было четверо, бабушка Вера Григорьевна, которой в то время было 70 лет; моя мама Анна Абрамовна и мы: брат Зиновий, 10 лет, и я, Мила 3 года. Сначала ехали в открытых вагонах, но с наступлением лютых морозов нас перевели в теплушки.

Наша мама была по специальности медсестра, поэтому её взяли на работу в военный госпиталь, однако, он в городе Омск пробыл недолго, его отправили ближе к фронту.

Нас, бабушку, брата и меня, должны были оставить в городе Омск, но мама нелегально забрала нас с собой, так как бабушка была старенькая, а мы, дети, - малолетки. Прибыли мы в городе Бокситогорск Ленинградской области.

Бабушка наша хорошо шила. Её взяли на работу в пошивочную мастерскую, где шили военное обмундирование для фронта. Когда освободили Ленинград, госпиталь двинулся вслед за фронтом. Мы на запад ехать не могли и вернулись на Украину в город Новоукраинку Кировоградской области сразу после освобождения.

Там мы узнали, что маминых родителей, бабушку и дедушку наших, расстреляли немцы. Их звали Аврум и Бейла Миропольские. Светлая память всем умершим. Они есть в списках музея «Яд Вашем» в Иерусалиме.

Казакевич Фира Моисеевна родилась 6 ноября 1934 года в городе Тотеле Белоруссия. Отец Моисей Афроимовна, мать Сопонина Елизавета Давыдовна. Закончила фельшерско-акушерскую школу. Работала медсестрой - воспитательницей. Муж Цодик умер, дочь Елизавета, 2 внука Даниэль и Мануэль живут в Израиле. Репатрировалась в 1997 году.

Мне было в те дни 6 лет. Наша семья состояла из четырех человек: родители, новорожденный Эмануил, полтора месяца от роду, и я. Рано утром 20 июня, вдруг все небо покрылось самолетами, стоял страшный гул. Мы вышли на балкон, думали учения. А в воскресенье Молотов объявил, что началась война. Через несколько дней пришла папе повестка о мобилизации, а ещё через две недели принесли маме повестку об эвакуации. Мама собрала вещи, где-то достала тележку. Мы пошли на вокзал, где стоял товарняк, битком набитый женщинами. Мы туда втиснулись.

Ой, как было тяжело. Постоянно обстреливали эшелон. Мы вынуждены были сойти с поезда в Воронеже. Нас направили в деревню Воронежской области. Там мы прожили один месяц, пока немцы не стали наступать на Воронеж. Нам дали повозку и отправили на станцию Анна. Сколько там было таких, как мы, тучи. Несколько дней мы там сидели без еды и воды, ожидая поезда. Постоянно нас обстреливали. Наконец, нас погрузили в товарняк и мы поехали. Ехали, ехали и приехали в Куйбышев.

Выгрузились, я взяла на руки маленького, сели на улице, а мама пошла узнавать, куда идти дальше. Вдруг пришел милиционер и забрал нас обратно в вагон, не дожидаясь мамы. Мы плакали. Состав отправился, а мамы нет. Она бежала за поездом изо всех сил и догнала поезд. Так мы приехали на станцию Похостниво, а оттуда в колхоз Дубровка, где прожили до 1943 года, пока не освободили Гомель.

Мы потеряли папу в 1943 году, пришло извещение. В Белоруссии погиб каждый четвертый. Светлая им память.

В деревне мама ходила на лесоповал и приносила с работы полбулки хлеба. Мы сразу её съедали, а потом сидели голодные весь день, ждали маму. Маленький умер. Когда он оставался один, он ел землю. Лекарств не было. Мама все равно ходила на работу, брат кричал ночью и не давал никому спать. Никто не хотел нас держать на квартире, мама выставляла его на улицу ночью, чтобы не будил хозяйку.

А весной, когда совсем нечего было кушать, мама ходила по селам менять вещи на ведро картошки. Однажды она упала в воду на половодье, заболела и лежала в кровати три месяца, а мы пухли от голода.

Как только освободили Гомель, мы поехали домой. Домой мы приехали босые и

голодные. Весь город был разрушен. Люди ютились, где попало. Нас направили в район, оттуда - в колхоз. Когда председатель пытался нас разместить к кому-нибудь в хату, хозяева выходили и кричали: «Не пуцу жидов!» Мы вернулись в район Буда-Кошенева, там прожили два года.

Потом вернулись в родной Гомель. Нашли квартиру, где в одной комнате спали 6 человек. Так и жили до лучших времен.

Мне очень тяжело вспоминать. Чтобы больше такое никогда не повторялось.

Капелян Давид родился 18 августа 1937 года в городе Гомель Белоруссия. Мать Рива, отец Рафаил. Закончил институт инженеров транспорта, работал начальником производственного объединения. Жена Эмилия, сын Марк живет в Израиле, 3 внуков. репатрировался 8 ноября 1990 года.

КАК ЭТО БЫЛО...

Когда началась война, мне было около четырех лет. Со слов мамы, мы на машине-полупортке с работниками и семьями авторемонтного завода, где работал мой отец, уехали из Гомеля в Сумы. По дороге попали под бомбежку. С тех пор помню себя. Из города Сумы мама, бабушка Рахиль (мамина мать) и я эвакуировались в Чувашскую АССР Первомайский район село Именеве. Мы прожили там до лета 1944 года, и переехали в город Тулу к семье папиного товарища. Мама работала в госпитале, а я с 1-го сентября 1944 года пошел в 1-й класс. Помню, что писать начал на тетради, сделанной из газеты. Ко дню Победы выучил Гимн Советского Союза. После Победы мы вернулись в родной город Гомель, где я закончил школу.

Каплан Зоя родилась 10 мая 1928 года в городе Славатычи Польша. Работала швейей в городе Пинске, вдова. Сыновья Валерий живет в Белоруссии, Александр и Сергей живут в Израиле, дочь Катерина живет в Израиле, 12 внуков, 4 правнуков. Репатрировалась в 1991 году.

Я, Зоя Каплан до замужества Альтер, родилась в Польше в городе Славатычи 10 мая 1928 года. В 1935 году пошла в школу и училась до 1939 года. Моя семья была большая: мама Сара, папа Иосиф, братья Идо и Абрам, сестры Хана, Бруха и я - Зисела (Зоя).

В сентябре 1939 года началась война. Германия напала на Польшу, и немцы вошли в наш город. Через неделю немцы ушли и вошли войска Красной Армии. Нас предупредили, чтобы мы уходили из города, так как опять вернутся немцы.

Наша семья собралась и бежала из города Славатыч через реку Буг. Мы перешли польско-советскую границу и оказались в Белоруссии. Это было в конце сентября 1939 года.

Поселили нас в городе Речица Гомельской области. Наша семья проживала в этом городе до 22 июня 1941 года. Через неделю после начала войны тех, кто решил убежать от немцев, посадили на баржу и по реке Днепр эвакуировали на Украину в город Днепропетровск. Там мы не задержались, а продолжили свой путь в Сталинградскую область в колхоз, где и работали до 1942 года. Папу забрали на фронт в конце 1942 года.

Когда немцы подходили к городу Сталинград, нас (я, мама и сестра) эвакуировали на Урал в Свердловскую область в город Новая Ляля. Там я работала на военном заводе с 20 октября 1942 года по декабрь 1945 года.

По окончании войны 1945 года мы с сестрой Брухой вернулись в Белоруссию в город Речица Гомельской области. В 1946 году я вышла замуж за Романа Каплан.

Каплун Анатолий Борисович родился 10 февраля 1925 года. Мать Фрида Срульевна, отец Борис Абрамович, брат Юрий. Закончил Строительный институт, работал начальником строительного управления. Жена Лиза и сын Михаил умерли в Израиле. 2 внука Анатолий и Николай. Репатрировался 26 декабря 1995 года.

В августе 1941 года я с семьёй выехали из Донецка товарным поездом. По дороге бомбили, еды не было, воровали с братом еду. Так доехали до станции Раевка Башкирской республики. Спросили: кто здесь кузнецы? Мой отец был кузнецом. Нас сняли с поезда и повезли на лошадях 45 км в село. Нам дали разбитый дом без окон и дверей. Дали 10 кг мяса - конины, которое сразу украли. Отец работал кузнецом без денег 3-4 месяца. Затем он ушёл в село Николаевку в кузницу, и мы все переехали за ним. Я работал с отцом в кузнице. Начали ремонтировать всё, что приносили. Семья ожила, ели картошку. Меня взяли на курсы штурвальщиком на комбайн. Из 30 человек только мне доверили комбайн «Коммунар». Целый сезон я работал на комбайне. В 1943 году я заработал 6 пудов хлеба и родители купили тёлку, которая выросла в корову.

С 1941-1943 год работал комбайнером МТС г. Мняки Башкирской АССР. В 1943 году был призван в армию в Одесское пехотное военное училище и закончил его в 1944 году младшим лейтенантом. В 1944 году был направлен в учебный полк командиром взвода, потом назначен командиром 179 стрелковой Витебской Краснознаменной дивизии 2-ой Белорусский фронт. Был награжден медалью за участие в Великой Отечественной войне. Прослужил до мая 1946 года.

Мой брат Юрий, 1927 года рождения, был призван в армию в конце 1944 года. С 1941-1944 года работал в колхозе. С 1944 по 1950 годы служил в рядах Советской Армии. Был ранен на Западной Украине.

Каспинова Эльза родилась 16 мая 1933 года в Москве. Закончила Московский институт иностранных языков, переводчик. Мать Сара, отец Лев. Муж Каспинов Леонид, военный летчик, сын Максим живет в Израиле, 3 внука. Репатрировалась 27 декабря 1990 года.

Когда началась война в 1941 году мне было 7 лет. я и мой братик Рудольф в возрасте трех лет остались с мамой, папа ушёл на фронт. Когда немцы подступали к Москве, был приказ: в течение двух дней женщины с маленькими детьми должны были эвакуироваться. Во Фрунзе жили наши дальние родственники. Папа, в письме к маме, просил её уехать к ним. Мама наспех собрала кое-какие вещи, и мы тронулись в путь.

Нам предоставили вагоны-теплушки, без всяких полок, мы располагались на полу. Ехали очень долго, кушать было нечего. Мама на стоянках обменивала вещи на продукты, в дороге заболел братик, потом я. Лекарств не было. На стоянках люди давали какие-то лекарства, мы поправились. Ехали больше месяца.

Во Фрунзе наших родственников не оказалось (не помню почему), и мы оказались на улице. Долго искали жильё, потом на окраине города нас пожалели и пустили в сарай (перед нами вывели оттуда корову). Мама где-то работала (уже не помню где), но мы жили впроголодь. Братишка у мамы всегда просил хлеба. Продуктовые карточки нам потом выдавали, но поскольку ходила в магазин я, у меня их много раз воровали.

Я во Фрунзе заболела брюшным тифом. Врачей и лекарств не было, но я не помню каким образом я, все-таки, выжила. В конце 1943 года, когда от Москвы отбросили немцев, москвичам стали давать прокуски для выезда домой.

Мы уехали в Москву. Квартиру нашу отдали другим людям. Мама долго судилась за нее. Когда в феврале 1944 года мы получили извещение о том, что папа погиб, нам присудили нашу комнату. В Москве мы тоже жили бедно. Но потом, когда наша семья, то есть наши родственники все съехались в Москву, они стали нам понемногу помогать. Мы с братиком были единственными сиротами в нашей семье и все нас жалели. Но постепенно жизнь налаживалась. «Дома и стены помогают», хотя было маме очень трудно, но мы с братом получили высшее образование, обзавелись семьями и все наладилось.

***Каткова Лиля** родилась 15 октября 1924 года в городе Великие Луки. Мать Бася, отец Мейер, братья Соломон и Михаил. Пережила блокаду. Была вывезена из блокадного Ленинграда, жила под Пермью в селе Добрянка. Вернулась в Ленинград с мамой и братом Михаилом. Папа пропал в блокаду. Брат Соломон погиб на фронте.*

Закончила Ленинградский университет, работала в газете корреспондентом, зав. отделом. Муж Константин умер в Ленинграде, сын Александр живет в России, дочь Ольга живет в Израиле, 3 внуков, 1 правнук. Репатриировалась в 1994 году.

ПОТЕРИ, ПОТЕРИ

Мы помним, друзья,
 Объяснять нам не надо,
 Что значат слова
 «Война» и «Блокада».
 А мне в ту пору исполнялось шестнадцать,
 И было бы время учиться, влюбляться.
 Мой жизненный путь был едва только начат,
 Но получилось, конечно, иначе.
 Мы встретились с ним
 Совершенно случайно
 В условиях грозных и чрезвычайных.
 Как все мы и мерзли, и голодали,
 Но всем, чем могли, другим помогали.
 В минуты затишья, когда были вместе,
 Он пел мне свои украинские песни.
 Делились заветным и тем, что мы знали,
 Вместе родные места вспоминали
 Я - Ленинград, город вечно любимый,
 Он - неизменно свою Украину.
 Когда же на фронт я его проводила,
 Оттуда всего лишь три весточки было.
 Потом все менялось: надежда, молчанье
 И очень долгое ожиданье.
 Но скорбная весть нас нашла...
 Стало горько и ясно, что ждала его

Я напрасно, напрасно!
Потери, потери...
Кто их пережил
Ищет родных среди братских могил...

ВОСПОМИНАНИЯ

Воспоминания - раны открытые.
Горе и радость, слезами омытые.
Помним потери не только свои,
Помним и раны земли.
Не затянулись они, не ушли.
Их ещё видно в заросших воронках,
Дно их затянута водною пленкой.
Здесь ты услышишь в окопах обрушенных
Пение птиц над солдатскими душами.
Здесь мы копали ручонками тонкими
Ночью глубокой широкие рвы так,
Чтобы танки врага не прошли.
Днем отдыхать уходили в лесок...
Как-то немецкий нас летчик засек.
Выбрав удобную точку полета,
Стал нас расстреливать из пулемета.
Пули со злобными свистами падали.
Головы мы прикрывали лопатами.
Лес и кустарник, наверно, спасли
Нас не задело - живыми ушли.
В тех шалашах, где обычно мы спали,
Тихо девчоночки наши рыдали,
Но не успели прилечь, отдохнуть
И не успели еще отдышаться
Слышим приказ: срочно в путь отправляться,
Чтоб в плену у врага не остаться.
Громче и громче звучит кононада.
Жарче и ближе становится бой.
Поняли мы под разрывы снарядов:
Нам защищать рубежи Ленинграда!
Стали мы взрослыми, стали стеной!

Кац Борис Израйлевич родился 29 января 1925 года в местечке Славута. Отец Израиль, мать Маня. Эвакуация, мобилизовался в 1943 году. Прошёл всю войну от Украины до Берлина. Награжден Орденом Отечественной войны 1-й степени, Орденом Красной звезды, медалями «За освобождение Киева», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За боевые заслуги». После демобилизации приехал во Львов. Закончил Львовский полиграфический институт, работал в НИИ старшим

научным сотрудником, руководителем конструкторского сектора. 15 патентов и 2 медали ВДНХ СССР.

До войны проживал в городе Славута Каменец-Подольской области (теперь Хмельницкий).

С приближением немцев завод, на котором работал отец, выделил две грузовые машины для отправки в тыл семей своих сотрудников. На одной из машин за неделю до прихода немцев отправили семьи сотрудников завода, в том числе мою маму и меня. Отец остался для завершения дел на заводе.

На станции Новоград-Волынский нас пересадили в товарный поезд, состоящий из вагонов теплушек, который отправлялся на Восток. Товарняк привез нас в город Харьков, где мы полтора месяца дожидались приезда отца, который ушел из Славуты пешком за три дня до прихода немцев. Из Харьковского эвакопункта нас посадили в товарняк и отправили в Краснодарский край. На станции Гулькевичи выгрузили и отправили в местный колхоз. В колхозе я работал на молотилке, загружая снопы с зерном в приемный барабан.

С приближением немцев переправились через Каспийское море (Махачкала - Красноводск). Поезд из Красноводска привез нас в Алма-Атинскую область город Талды-Курган.

Условия эвакуации были тяжелыми, иногда без воды и пищи. Три раза подвергались налетам немецкой авиации. Самый тяжелый был на станции Невинномиская (Кавказ). Три пикирующих бомбардировщика Ю-88 сбрасывали бомбы на поезда, стоящие на станции. Мы выскакивали из теплушек, прятались кто-куда. Бомбы рвались в десятках метров.

В Талды-Кургане работал слесарем на местном промкомбинате. В конце 1942 года мобилизован в Советскую Армию и отправлен в Гомельское военно-пехотное училище. Училище располагалось в городе Кирки, южный Туркменистан, почти на границе с Афганистаном. Жара до 45 градусов. После восьми месяцев учебы, не закончив курса обучения, отправлен на фронт. До окончания войны принимал участие в боях в составе 3-й гвардейской танковой армии. Командующий П. С.

Рыбалко. Начиная с восточной Украины, принимал участие: в форсировании реки Днепр, освобождении Киева. Далее армия вела бои за освобождение городов Проскуров и Львов. Армия захватила Сандомирский плацдарм на реке Висла, откуда началось наступление на Германию. Принимал непосредственное участие в боях за Берлин и Прагу. После Победы проходил воинскую службу в советских оккупационных войсках в Германии.

Михаил Петрович Кацевман родился 12 августа 1940 года в городе Херсон. Отец Кацевман Петр Исакович, мать Кацевман Циля Израилевна. После окончания войны остался в городе Фрунзе, работал помощником мастера наладки машин. Жена Кацевман Валентина 1940 года рождения, дочери Марина, 1961 года рождения умерла, и Людмила, 1966 года рождения, живет на Кубе, сыновья Михаил 1969 года рождения, Пётр 1972 года рождения, Александр 1977 года рождения живут в Израиле.

Я, Михаил Петрович Кацевман, родился в 1940 году в городе Херсон в Украине. Папа работал бухгалтером, а мама была домохозяйкой.

Когда началась война мне было 10 месяцев. Немцы быстро дошли до Херсона, и нам с мамой, бабушкой и маленькой сестрёнкой Софьей (ей было четыре с половиной года) пришлось бежать от немцев, куда глаза глядят. Папу к этому времени уже забрали на фронт. Мама привязала меня на спину, в руки взяла две тяжёлые авоськи. Бабушка взяла ещё одну авоську, а за другую руку держалась моя сестра. Нас никто не эвакуировал. Мы были беженцы, а это ещё страшней. Мы бежали через Воронеж, Брянск, Орёл. Сколько мы исколесили сёл: Весёлое, Прохоровка и другие. Всё разве можно перечислить?

Я запомнил, что рассказывала мама. Так мы добрались до Джамбула, потом по сёлам добрались до Фрунзе Киргизской ССР. Бежать больше было некуда. Там мы остались. А тут новая беда: маму свалил брюшной тиф, её забрали в больницу. Мы остались с бабушкой, но она умерла от голода (последний кусочек нам отдавала). Мы оказались одни. Добрые люди отдали нас в детский дом, но нас с сестрёнкой определили в разные группы, потому что у них не было больших кроватей. Я остался один. Правда, я не помню, как мне там жилось, но мама мне рассказала, что, когда она поправилась и забрала меня оттуда, я боялся подходить еде. Да особенно и есть было нечего, но даже то, что было, я боялся брать, потому что просить кушать не хорошо и меня за это били.

Похоронку на отца мы получили во Фрунзе в 1943 году. Погиб он в битве на Орловско-Курской дуге и похоронен был под Курсом в селе Шмола.

Дальше было тоже очень трудно жить. Мама одна из нас работала. Сестрёнка училась, а мне пришлось бросить школу после шестого класса и помогать маме. Ну, уже когда вырос, устроился на фабрику помощником мастера. Так и всю жизнь проработал там.

В 1993 году приехал с семьёй в Израиль. Мы с женой получаем пособие, нам немного помогает объединение «Ницолей Шоа». Спасибо всем добрым людям, что несмотря на все тяготы жизни, мы живы и помогаем растить внуков.

Кислый Александр родился 9 июля 1937 года в городе Ахтырка Сумской области. Работал столяром. Жена Людмила Кислая.

Я, Кислый Александр 1937 года рождения, эвакуировался с Украины из города Ахтырка Сумской области с матерью, бабушкой и братом Даниилом семи лет. Состав с эвакуированными людьми должен был идти в город Челябинск. Из Челябинска нас направили в деревню Гусянка, где мы прожили до 1944 года. Мама Хава Израильевна работала в колхозе. Отец Моисей был на фронте. Брат во время школьных каникул зарабатывал трудодни в колхозе - ловил сусликов. Суслики поедали на поле много зерна, поэтому их отлавливали.

Отец приехал к нам из госпиталя в декабре 1943 года. В 1944 году, когда была освобождена Ахтырка, мы вернулись в свой город.

Кислая Людмила (девичья фамилия Яшевич) родилась 7 июля 1937 года в городе Днепропетровске. Мать Шейна Ароновна, отец Евсей Лейбович, сестра матери Эстер Ароновна. Закончила медучилище, лаборант. Сын Геннадий, внучки Виктория и Татьяна, правнук Михаил живут в Днепропетровске. Репатриировались 27 января 1997 года.

В начале войны я была маленькая, мне было четыре годика. Моих воспоминаний очень, очень мало. Но мне запомнился рассказ моей мамы о простой русской женщине, которая в годы войны своим вниманием и добротой помогла семье.

Мы эвакуировались из Днепропетровска (Украина). Отец был на фронте. Ехали в вагоне для скота. Помню, все стояли, каждая семья в своем уголке. Это было в день моего и маминого дня рождения 7 августа 1941 года (так случилось). Кругом гремело.

Ехали с частыми остановками. Прибыли мы через Челябинск в Магнитогорск.

На вокзале в Магнитогорске мы ждали следующего транспорта. Тут подошла к нам русская женщина и пригласила нас к себе домой. Сказала, муж ей не разрешает брать на постой приезжих. Но когда он работает в ночь, она приглашает эвакуированных на ночь. Она забрала к себе нашу большую семью: троих взрослых (мама, её сестра и их мать - наша бабушка Ита) и троих маленьких детей 2,4,6 лет.

Привела к себе домой, накормила, выкупала всех, положила спать. А утром часов 5-6 утра разбудила, около нас лежало наше бельё - всё чистое, выстираное. Накормила нас и отвела на вокзал. Мы должны были уйти, пока не придёт её муж с работы. Этот рассказ моей мамы оставил очень глубокий след в моём сердце. Вот какие благородные, добрые люди жили в те тяжёлые военные годы.

В эвакуации мы жили во многих городах, сёлах. Последним городом был Актюбинск в Казахстане. Сюда вернулся из госпиталя отец после тяжелых ранений, контуженный.

В 1943 году был освобожден Днепропетровск. А в 1944 году мы вернулись домой в свой город.

Ковальчук Татьяна родилась 30 декабря 1937 года в городе Феодосия. Мать Янишевская Лидия, отец Маршев Зиновий, брат Борис. Закончила Ленинградский пединститут им. Герцена, директор школы. Муж Ломовский Юрий, сын Александр живет в Израиле, дочь Юлия живет в Германии, 2 внука, 2 правнучки. Репатрировалась в 1998 году.

Мои родители жили в Феодосии совсем рядом с большой семьёй родителей отца и ещё несколькими еврейскими семьями. Немцы заняли Феодосию с моря, эвакуация была поспешной. Моя мать не решилась уехать с семьёй отца, так как он был на военной переподготовке в Симферополе. В Феодосии остались брат отца Вениамин и сестра Геня. Первым погиб брат, его застрелил фашист прямо на улице за слишком еврейскую внешность; Геня ушла к партизанам и вскоре тоже погибла.

Мама очень испугалась и, надеясь найти отца, наняла подводу, положила на дно нас с братом, накрыв ковром и книгами, поехала в Симферополь. Отца не нашла, но эвакуироваться уже не смогла. Она сожгла все наши документы и фотографии и поселилась в кладовке между двумя квартирами, в одной из которых жили её родственники.

В этой кладовке размером 2х3 метра мы прожили почти всю оккупацию. Правда, там было окно, но оно выходило в какой-то каменный проём. Мама была по паспорту русская, ей удалось устроиться на работу в столовую для военнопленных, которая была в другом конце города. Два года мы с братом просидели в этом помещении, так как выпускать нас мама боялась. Во дворе квартировала немецкая часть, а мама помнила о гибели дядя Вениамина. Но один сосед, татарин, встретив её, вспомнил нас и кричал по утрам: «Что, этих жиденят ещё не пристрелили?» К счастью, он скоро куда-то уехал.

Мама в столовой мыла котлы после еды и часто не успевала вернуться домой до комендантского часа. Тогда она оставалась там ночевать, а мы, голодные, сидели и ждали её. Однажды брат открыл двери, мы вышли на улицу и пошли искать маму. Хорошо помню, что было утро, вдоль улицы на деревьях висели трупы с табличками на груди. Брат сказал, что на них было написано «Партизан». А когда мы, не найдя маму, возвращались обратно, эти трупы уже лежали на земле без одежды.

Хорошо помню, что происходило с мамой. Она шла домой и несла в котелке жидкий суп с вермишелью. Посмотрела на прохожего и, споткнувшись, упала. Суп пролился в лужу, и этот несчастный лёг на землю и стал ловить ртом вермишель. В другой раз мама несла хлеб, по дороге на неё долго смотрела какая-то женщина. Когда мама очнулась, хлеба в руках не было. В слезах она вернулась домой, и мы вторые сутки ничего не ели.

Помню, как-то ночью брат пошёл к мусорному баку за картофельными очистками и только нагнулся, как прозвучал выстрел. Это немецкий часовой услышал подозрительный шорох и выстрелил. К счастью, не попал.

Множество эпизодов я помню. Листовки на стене здания пожарной команды, выходящей в наш двор. Помню пожар в комендатуре в 1944 году. Перед приходом наших войск эту пожарную должны были взорвать, весь двор ушел в бомбоубежище, а мы с братом стояли у ворот и ждали маму. Было очень страшно.

А потом было не менее страшно и трудно, хотя уже не было войны. Помню, как мы радовались, увидев на площади советские танки в апреле 1944 года. Помню, как соседи закричали 9-го мая 1945 года: «Победа, победа!» А в середине мая казалось, что мы выжили зря. Так как моя беспомощная мама с двумя детьми не смогла уехать, она вместе с нами считалась врагом народа, как все, кто был в оккупации. Её нигде не брали на работу, в доме несколько дней не было еды, и мама в отчаянии сказала нам: «Дети, давайте закроем вьюшку печки и все вместе угорим. Вы ничего не почувствуете.» Мы были согласны. Но в тот вечер таким способом покончила с собой наша соседка тётя Даша. Думаю, что увидев её мертвой, мама отказалась от этого намерения.

Она стала искать отца, долго ходила по военкоматам и с трудом выяснила, что его расстреляли вместе с другими евреями. Только через много лет мы узнали, что он покоится в братской могиле в местечке Дубки под Симферополем.

В 1945 году мне нужно было идти в школу, но не было у меня ни обуви, ни одежды. Так и вижу чёрные мальчишковые ботинки, которые мне принесли из школы. В первом классе я училась двенадцать дней. Жили мы в 12-метровой комнате, сырой и очень холодной. Мама, наконец, нашла работу с очень мизерной зарплатой, мы были постоянно голодны. 13 сентября я несла по двору ведро с мусором, упала, потеряв сознание и очнулась в больнице с диагнозом «дистрофия» последней степени. Организм уже не принимал пищи. Через короткое время у мамы открылся туберкулёз, и она лежала в другой больнице на той же улице. Мой 11-летний брат ходил из больницы в больницу. Помню, что у него в трамвае вытащили из кармана хлебные карточки. В больнице я лежала год. Как выжила - не знаю. Но последствия голодного детства всю жизнь сказываются на здоровье.

То, что я здесь изложила, - лишь малая часть пережитого нами. Я помню очень хорошо всё, что было в войну и после неё. Но и изложенного достаточно, чтобы понять, каково было наше детство. Теперь мою маму называют праведницей мира. Имя отца внесено в список жертв Холокоста в музей «Яд-ва-шем».

А мы, как ни странно, ещё живы и благодарим наше государство за помощь.

Козачков Роберт родился в городе Одессе в 1936 года. Когда началась Великая Отечественная война семья вместе с заводом (отец был директором Одесского мельзавода) эвакуировалась в город Оренбург. Окончил Костромской сельскохозяйственный институт. Ученый зоотехник. Член Союза журналистов СССР. Скончался в январе 2003 года в Цфате.

Козачкова Фаина (девичья фамилия Шмерлиме) родилась 23 января 1936 года в городе Витебск Белоруссия. Отец Гецель Симонович 1893 г.р., слесарь, мать Бейля-Рося Залмановна 1892 г.р., домохозяйка, братья Семен 1923 г.р. и Зиновий 1927 г.р. Окончила в 1958 году Ленинградский технологический институт пищевой промышленности, инженер-технолог бродильного производства. 40 лет

трудового стажа, сменный технолог, зав.лабораторией Костромского спиртзавода, главный пивовар Оренбургского пивзавода. Муж Козачков Роберт скончался в 2003 году в Цфате, окончил Костромской сельскохозяйственный институт, ученый зоотехник. член Союза журналистов СССР. Репатриировалась в Израиль 1 января 1999 года.

МНЕ О ВОЙНЕ ТАКОЕ ПОМНИТСЯ...

5 июля 1941 года я вместе с детским садом находилась в пригородном лагере. И вдруг нас всех посадили на машины и привезли на железнодорожный вокзал. Там уже была моя семья. Сели в поезд. Все в летней одежде. Мой папа был убежден, что Красная армия через месяц разобьет врага и мы вернемся в родной Витебск. Поехали.

Сразу же наш состав стали обстреливать немецкие самолеты. Когда начинался обстрел, состав останавливался, все выпрыгивали из вагонов и бежали прятаться в кустах. Обстрелы были непрекращающиеся. Уже не было сил выбегать и прятаться. И папа нам сказал: «Будем прятаться под своим вагоном». И в этот раз мы так и сделали. В следующий обстрел папа объявил: «Из вагона не выходим». И надо же, в вагон, стоящий перед нашим, попала бомба. Люди прятались под ним. Погибли все... И опять при обстрелах мы стали выбегать из вагона и прятаться в кустах.

Однажды, после возвращения в свой вагон, папа обратил внимание на женщину, у которой до этого в руках была грудная девочка. Папа спросил: «Где ваша дочь?». Женщина ответила: «Я ее оставила в кустах. Все равно мы все погибнем». Поезд начал трогаться. Но папа с Семеном выпрыгнул из вагона. Очень скоро вернулись, запрыгнув на ходу в отходящий поезд. На руках у папы была девочка. Они ее нашли, привязанной вниз головой к кусту. Ее мама объяснила, что у нее нет больше сил выбегать из вагона под

обстрелами, прятаться, возвращаться. И она все время повторяла: «Мы все погибнем» (Когда мы возвратились в Витебск, мы жили в одном доме с этой девочкой). «Спас одного человека - спас весь мир».

Больше месяца мы ехали в город Суксун Молотовской области. Приехали. Местные жители о войне слышали только по сводкам на радио. Нас никто не хотел пускать на квартиру. «Сытый голодного не разумеет». Наконец-то одна семья согласилась поселить нас в своем коридоре.

Вскоре Семена призвали на фронт. Он участвовал в Сталинградской битве. Мы получили на него похоронку. А через полгода, о, счастье, пришло письмо из госпиталя. Его написала медсестра и сообщила, что Семен жив. Два осколка прошли через голову навывлет. Навсегда остался инвалидом 1-й группы. Но до пенсии работал, занимался спортом, играл в духовом оркестре на альте, много читал. А с поля боя брата вытащила 18-летняя девушка. Огромное спасибо ей! Это подвиг! «Спас одного человека - спас целый мир!»

А Зиновий уехал в город Молотов, поступил в ремесленное училище. Один раз в месяц приезжал к нам с мамой в Суксун. И каждый раз привозил нам гостинец - сухие хлебные крошки. Он сшил из носовых платков мешок. После обеда в училище, собирал со столов хлебные крошки, сушил. И это было для нас с мамой большим угощением. Еды никакой не было. 200 грамм хлеба по карточке. Четыре года ели картофельную шелуху, которую давали нам хозяйева. Я ходила в детский сад. Меня кормили. А мама распухла от голода...

Папу забрали на трудовой фронт в городе Молотов по состоянию здоровья - у него была открытая язва желудка.

Урал. Зима. Горы. За водой нужно идти к реке и набирать воду из проруби. Мама - инвалид. Мне - 6 лет. По несколько раз зачерпываем воду из проруби. Поднимаемся в гору. Скользко. Вода выливается. Не удастся донести до дома два полных ведра воды никогда. Дома холодно. Печка. Дрова сырые. Печку трудно растопить...

Однажды моя мама не пришла забирать меня из детского сада. Домой привела воспитательница. И, о, ужас! Мама лежит на кровати с обожженным лицом и обожженной головой. Сказала, что не могла растопить печку, налила керосин. И от отчаяния голову положила в печку. Это был период, когда мы получили похоронку. Но это было минутное отчаяние. Позже мне мама сказала, что она вспомнила обо мне. И это её остановило от последнего шага.

Вот так мы и жили в эвакуации с июля 1941 года по август 1944 года. И там я пошла в школу в 1-й класс. На всю жизнь врезалось в мою память одно событие. Однажды, после школы, зимой на улице две мои одноклассницы повалили меня на снег, били ногами и кричали: «Жидовка, жидовка, жидовка!» Тогда я не понимала, что это за слово и за что меня бьют... Больше этого слова в свой адрес я никогда не слышала. Но это детское воспоминание осталось со мной навсегда.

В августе 1944 года сразу после освобождения Витебска, мы возвратились в свой родной, полностью разрушенный город.

Огромное спасибо всем, кто воевал, кто был на трудовом фронте. Спасибо за Победу!

Есть такое мнение: «Самое великое достижение 2-й мировой войны - создание государства Израиль»

Константиновская Мина родилась 5 ноября 1931 года в Астрахани. Закончила Астраханский государственный педагогический институт. Работала учителем русского языка и литературы. Муж Константиновский Николай умер в 2010 году, сыновья Михаил и Александр, 4 внука живут в Израиле. Репатрировалась в 1992 году.

ВОСПОМИНАНИЯ 9-ЛЕТНЕЙ ДЕВОЧКИ О СВОЁМ «БЕГСТВЕ» ВО ВРЕМЯ 2-Й МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Мне было 9 лет и в моей памяти еще живут воспоминания тех лет. Моя бабушка – Мария из еврейского местечка Любавичи, дедушка – Длин Соломон, дамский портной (умер в 1940 году).

Моя семья - мама и папа – Любовь и Моисей, я и брат Ефим Малкины. До 22 июня 1941 года мы жили в Астрахане. Идет война. Страшная Сталинградская битва. Фашисты рвутся к Астрахани. Мы убегаем. Предместье города наводнено диверсантами из калмыков. Астрахань бомбят. Бомба попала в детский сад. Гибнут дети. Страшно. Женщины роют окопы. Астрахань окружена..

Все знают, что ждет евреев. Пришла повестка папе из военкомата, а он в это время лежал в больнице. Папа пришел домой и немедленно отправился в военкомат. Работник военкомата, увидев папу, стал оскорблять его, говоря, что все евреи – трусы. У папы горлом пошла кровь, и его отвезли в больницу. Он прожил несколько дней. Перед глазами картина: папа лежит на полу, накрытый черным покрывалом, на концах которого вышиты золотые Магендавиды. Возле него на полу сидят мама, бабушка и сестра. Это было 15.02.1942 года. Мой дядя (бабушкин сын) со своей частью на пароходе отправлялся в Сталинград. Позже мы узнали, что пароход был потоплен фашистами. Позже мы получили сообщение, что он пропал без вести. Сейчас его имя выбито на стене Мамаевого Кургана. Другой мой дядя должен был прибыть в часть, которую формировали на Урале. Туда он должен был добраться самостоятельно.. Он мог забрать с собой свою семью. Бабушка, стоя на коленях перед военкомом, выпросила разрешение взять всех нас.

Он направлялся в город Чкалов (Ориенбург).

На товарном пароходе по Каспийскому морю мы добрались до города Гурьев. Каспийское море все время бомбили. На пароходе масса людей. Все ждут чего-то страшного. Что будет? Я помню, мы плывем, а море голубое-голубое. Грязь, вши. У меня были красивые густые волосы. Мама все время хочет меня постричь, а бабушка не разрешает. Мне скоро 10 лет. Наконец, мама нашла парикмахера. Мы

пошли на корму, где отдыхали от вахты матросы. Они тоже просят маму оставить мне косы, но мама непреклонна. Мои косы поплыли по Каспийскому морю. Приплыли в Гурьев. Надо перебраться на железнодорожную дорогу. На железнодорожные пути подали «теплушки». Люди штурмом пытаются попасть внутрь, цепляются за окна даже с риском для жизни. Дядя нервничает, ему надо уже быть в части. Он заходит в военкомат и ему помогают нас определить в один из вагонов. Там нары в 2 этажа. Были еще пересадки с такими же проблемами.

Дядя с мамой хлопочут, а мы сидим на вещах. Начинается осень, дожди, холод. Наконец, мы в поезде, идущем в Чкалов. Приехав в Чкалов, дядя со своей семьей уезжает по месту службы в село Сакмары, где стоит его часть. Мы остаемся с мамой и бабушкой просто на улице. Все тяготы ложатся на плечи мамы – тридцатилетней вдовы. Она решает ехать к семье брата, чтобы быть вместе. Нас с бабушкой временно приютила какая-то женщина - землячка.

Мама в селе Сакмары столкнулась с новыми проблемами. В семье брата тиф, жители села не хотят принимать евреев. Это были потомки пугачевских казаков. Помогла председатель колхоза, впустив переночевать, и пообещав помочь устроить семью. Мама вернулась за нами. В это время мы узнали о том, что произошло в нашем родном Любавиче. Когда вошли фашисты, там еще жили наши родные. В центре села приказали вырыть огромную яму. Согнали вокруг нее всех жителей - евреев и начали бросать в яму детей, вырывая из рук матерей. Мой дядя – бабушкин брат Герш – инвалид на двух протезах. Он крикнул немцам: «Зачем убиваете детей? Убейте лучше нас».

Стоявший сзади русский полицай ударом ноги, толкнул его в яму. Так бросили всех и начали яму засыпать. Долго еще земля над этим местом колебалась. Потом ее утрамбовали танками.

Молодых евреев согнали в гетто.

В Сакмары мы поехали втроем, без бабушки. Приехали к дому председателя, а дом закрыт.

Долго ждали под дождем. Наконец, она вернулась, вынесла нам кусок хлеба и соленый арбуз, как нищим. Спасибо и за это. Потом нас отвели в дом к женщине татарке с дочерью. Мы были счастливы, оставшись в большой комнате. Мама привезла бабушку и вещи. Ночью начался дождь, а крыша как решето. Мы с вещами прямо плавали в воде. Хозяйка перевела нас в маленькую комнатку.. Это был единственный человек, пожалевший нас. Мы были спасены! Началась зима.

Мама работала бухгалтером в воинской части, в столовой которой могла иногда поесть и кое-что принести нам. Мы с бабушкой и братиком ездили на санках в лес, рубили ветки, складывали и везли домой. Я пошла в школу, где было страшно холодно, и грелась мы на переменах, играя в снежки. Прожили мы в Сакмаре 8 месяцев. И вдруг голос Левитана сообщает о полном разгроме фашистов в Сталинградской битве. Значит и Астрахань свободна. Мама принимает решение ехать домой. Нас отговаривают, но мама решения не меняет.. Мы собираемся в

дорогу. Возвращаемся той же дорогой. В окна вагона видим страшные картины. Разрушенные места – следы бомбежек, даже иногда трупы людей и лошадей, много инвалидов – солдат, просящих милостыню. Братишка в поезде читает стихи о войне не ради подачи, а от чистого детского сердца.

Мы возвращаемся домой! Но, перед самым отъездом узнаем, что наш родственник, которому мама отдала ключи от дома, все из квартиры распродал, в том числе и квартиру. Правда, его заставили вернуть нам деньги. Мама, взяв деньги в руки, долго плакала и сказала: «Я буду бороться за то, чтобы все вернуть». Приехали домой. В квартиру, конечно, нас не впустили, но сосед Роман Ильич тотчас начал заносить наши вещи к себе домой и пригласил к себе жить.

Маме пришлось пройти через суды (существовал приказ о возврате всего захваченного из оставленных квартир). Мама победила. Квартиру и вещи с трудом нам вернули. Как мамочка все это выдержала? Сила воли, характер и материнская любовь. Не зря имя моей мамы Любовь.

Мама работает бухгалтером, мы ходим по очередям с продуктовыми карточками. Я хожу в музыкальную и обычную школы, брат тоже пошел в 1-й класс. Ходим в госпитали, выступаем перед ранеными. Пережитое отражается на мамином здоровье. Несколько тяжелых операций, снова тяжелая, грубая работа для нашего благополучия. Она мечтала о высшем образовании для своих детей. Мы с братом помогали в меру своих сил.

Именно маме я посвящаю свои воспоминания. Я всегда удивляюсь и восхищаюсь ею. Она дождалась внуков, но и тогда не сидела без дела. Шила детям красивые вещи из старой одежды.

Очень любила слушать по радио пьесы с любимыми актерами, которых узнавала по голосу. Она вышивала красивые салфетки и еще была фанаткой хоккея.

Уходя в 62 года, слушала репортаж о матче СССР – Канада. Узнав о нашей победе, сказала: «Молодцы!», и умерла. Светлая память светлому человеку!

Короткая Лидия (девичья фамилия Авхимович) родилась 1 октября 1931 года в городе Минске. Мать Рольник Зольда, отец Авхимович Михаил, сестра Светлана погибли в гетто. После освобождения была в детском саду в Минске. Работала на хлебозаводе в Минске, в ателье конструктором-модельером. Сын Михаил погиб, дочь Зинаида живут в Минске. В Израиле живет внучка и двое правнуков. Репатриировалась в Израиль 31 декабря 1990 года.

2 мая 1942 года ночью к нам в дом ворвались гестаповцы, так как после погрома 7 ноября гетто урезали, огородили небольшой участок. Люди остались без жилья. Моя мама взяла в нашу комнату еще три семьи, всего 16 человек. Гестаповцы всех выстроили у стены дома. Я и мама с сестричкой на руках стояли последними. Мама отдала мне в руку золотые часики со словами: «Если угонят, ты маленькая, тебя не так будут обыскивать». На горке стояла Сонька, которую взяли в подполье, а она продалась немцам. Фашисты светили фонариком всем в лицо, очередь дошла до моей мамы, и Сонька сказала: «Эта!». Маме немец сказал: «Положи ребенка!» (говорил по-русски). Я стала рыдать: «Мамочка, я пойду с тобой». Немец сказал мне: «Мы привезем твою маму», Я поверила, и мы со Светой легли спать (ей было 5 лет, мне - 10). Когда рассвело, часов в 5 утра, выбежала искать маму. Бегала, как безумная, по улицам и плакала, сил не было. Совсем обессилев, я вернулась домой. Упала на кровать и рыдала! Светочка подлезла ко мне и говорит: «Лилечка, не плачь, мы с тобой пойдем к нашей мамочке на могилку!» Я не могла поверить, что маму убили. Потом люди говорили, что с Соловейчиком Яшей (маминым сводным братом) на Обувной улице расстреляли всех жильцов двухэтажного дома, среди них было много чужих мужчин и одна красивая женщина. Это была моя мама!

Так мы со Светой остались одни, без крошки еды. За три месяца нам сосед Изя поменял мамины золотые часы на 400 грамм маргарина и одну буханку хлеба. Я все время искала какую-нибудь еду.

И вот 28 июля я проснулась очень рано и стала собираться к тете Рае. Света мне говорит: «Куда ты, на кого ты меня оставляешь?». Я говорю: «Я быстро уберу у тети Раи, может она даст для тебя кусочек хлеба». «Ладно, - говорит, - иди, я так хочу кушать!» Я подлезла под проволоку, удачно вышла из гетто. Бегу обратно, несу Свете кусочек хлеба и две картошки в мисочке. Дошла до гетто. Вдоль проволоки стоит полевая жандармерия. Я подошла близко: «Что же они не стреляют в меня?» Медленно пошла обратно. Вернулась, тетя Рая сказала: «Пойдешь завтра!» Утром я вынесла все закопченные кастрюли в песок, сию, чищу, мимо забора идут три

мальчика, через щель забора машут: «Подойди.» Я подбежала, они и говорят: «В гетто не возвращайся, всех ваших забрали в душегубку». Я говорю: «И Свету!?» Они говорят: «Всех. Только бабушка подлезла под кровать, вечером ее убили».

Итак я осталась у Калейниковых, пока мне Зенкович не достал метрику и не устроил в русский детдом. Там оказались знакомые мне еврейские дети, мы боялись друг друга. Всех, спасавших нас, мы сделали Праведниками Мира!

***Котон Роман** родился в 1929 году в Харькове. Мать Котон Анна, отец Котон Иосиф, бабушка Золотухина Фейга. Закончил Харьковский строительный институт. Работал заместителем управляющего Моссантехстроя №5. Жена Вайнерман Эсфирь. Сыновья Михаил и Владимир живут в Москве, 2 внука: Александр живет в Москве и Константин живет в Канаде, 2 правнука, София и Александр. Репатриировался 26 июня 1991 года.*

ВОЙНА В МОЕЙ ПАМЯТИ

Июнь месяц. Я вместе с родителями нахожусь в поселке «Южный» под Харьковом. В этом поселке отец получил участок для дачи и даже начал строительство. 19 июня у меня день рождения, но в этом году решили отмечать 22 июня 1941 года, так как это выходной день, и мы ждали родственников в нашем поселке.

Рано утром мой отец красил веранду, но вдруг с участка напротив прибежала женщина с возгласом: «Война!» Об этом она узнала из сообщения по радио. У нас еще не было радио. В связи с этим, конечно, уже наши родные не приехали к нам, на дачу. Некоторые мужчины уже были мобилизованы.

Затем, до сентября 1941 года, мы жили лишь сообщениями о положении на войне. В сентябре, когда отец уже был мобилизован в Главное Управление оборонных работ, мы переехали жить к бабушке. Я начал учиться в 5-м классе, но посетил школу лишь два раза (Харьков часто бомбили). 18 сентября вместе с мамой и бабушкой был эвакуирован. Первое место эвакуации - город Энгельс.

Ехали мы в товарном поезде. Под Харьковом к нам в вагон затолкали несколько семей военных. Я спал несколько ночей на мешках с вещами в самом углу теплушки. Прибыв в Энгельс, мы в первую же ночь были огорошены тем, что уже и здесь осуществлялась светомаскировка. Пробыв несколько дней мама и ряд других эвакуированных решили уезжать подальше - в Алма-Ату. Добирались мы туда также сложно. Примерно на полпути нас высадили из пригородного поезда (его вернули для организации госпиталя). Далее добирались на грузовых поездах с несколькими пересадками.

Прибыв в Алма-Ату, мама предъявила документы о мобилизации отца, и нас направили в город Чу, а оттуда в колхоз им. Ленина. В колхоз добирались на бричке, извозчик был казах. Что нас ожидало впереди, оставалось неизвестностью. Ехали, практически, ночью. По пути переправлялись на пароме (с ручной тягой) через реку Чу.

Поселили нас (2 семьи - 6 человек) в отдельный домик (около 18 кв.м.). Кроватей

не было, мы нашли старую железную кровать. Спать приходилось вместе на одной кровати - мне, маме и бабушке.

Пробыв в этом колхозе некоторое время, узнав о падении города Харькова, моя мама уехала в город Джамбул, чтобы снять там какое-либо жилье. В Джамбуле она сняла для нас так называемый угол в доме у корейцев. Где-то до начала 1942 года мы переехали в Джамбул. Мне нужно было продолжать учебу в школе. Но в 5-й класс директор школы не рекомендовал мне идти, так как довольно много времени я пропустил. И для того, чтобы не слоняться без дела, я пошел в 4-й класс (единственный) в казахской школе.

В 1942-44 годах я учился уже в русской школе, а в марте 1944 года возвратились в Харьков.

Краузе Авраам родился 29 июля 1933 года в городе Харькове. Мать Фаня, отец Исаак, сестра Малка. Закончил Харьковский политехнический институт. Работал главным конструктором завода «Коксохим». Жена Евгения умерла в 2007 году в Израиле, дочь Людмила живет в Израиле. Репатриировался в 2006 году.

Я в 1941 году эвакуировался из Харькова в город Петропавловск в Казахстане. Мы эвакуировались большой семьей - я, мама, старшая сестра и родной брат мамы с женой и двумя детьми. Мой папа работал в штабе округа и ехать с нами не мог. Мы добрались туда на пассажирском поезде. По дороге нас несколько раз бомбили.

В поезде было очень холодно. Мама закутала меня в несколько одеял, и я лежал на верхней полке среди других вещей. Ночью я проснулся от страшного холода и стал кричать, звать маму, чтобы она меня укрыла. Оказалось, что ночью на вагон, в котором мы ехали, напали грабители и вместе с вещами утащили меня из купе. Если бы я не стал кричать, то они бы утащили меня из поезда вместе с украденными вещами. Поднялся шум, меня стали искать, остановили поезд и нашли меня брошенным в тамбуре в другом вагоне.

Когда мы добрались до Петропавловска, я вместе с двоюродной сестрой пошел в первый класс. Вскоре нас нашел папа и приехал к нам. В Петропавловске было очень холодно и голодно. Моя старшая сестра сильно простудилась и у неё открылся туберкулез. Мы с двоюродным братом и сестрой ходили на другой конец города за несколько километров за хлебом (отоваривать карточки) и приносили ей немного хлеба. Но не было лекарств и ей ничего не помогало.

Нам пришлось переехать в город Алма-Ата. Там было теплее и сытнее. Но, к сожалению, ей уже ничего не помогало, и она там умерла в 16 лет. Она была очень красивая - блондинка с голубыми глазами. Она до сих пор мне снится ночами.

Там, в Алма-Ате, мы узнали, что всю семью моего папы (моих дедушку Маркв и бабушку Басу, папину сестру и её мужа и детей) расстреляли немцы в городе Ставрополе, куда они бежали от немцев из города Павлограда Сумской области.

В 1944 году освободили Харьков и мы вернулись домой. Я пошел в школу в 4-й класс.

Куцовская Эмилия родилась 20 сентября 1936 года в городе Киев. Отец Иосиф, мать Фена. Закончила строительный институт, работала в проектно-институте на должности старшего инженера. Вдова. Репатриировалась 18 июня 1997 года.

ЗАМЕТКИ ОБ ЭВАКУАЦИИ

С началом войны отец ушел на фронт. Мы, я и мама, остались в городе. В небе появились немецкие самолеты, начались обстрелы. Одна организация смогла взять меня и маму в свой эвакуационный эшелон. Сначала ехали по железной дороге, потом пересели на пароход и плыли по Волге. Всюду нас сопровождали обстрелы. По дороге нас миновала злая доля, и мы попали с реки Волги в её приток реку Каму. Мы доплыли до места нашей эвакуации - Татарская АССР районный центр Красный Бор.

Еще на пароходе я заболела инфекционной детской болезнью - скарлатина, поэтому прямо с парохода меня отправили в больницу. Долго лечили, так как я получила осложнения. В это время маму поселили у местных жителей, и она начала работать в леспромхозе.

В этом районном центре было много эвакуированных: стариков, женщин и детей. Вся наша жизнь была естественно голодной и холодной. Мама тяжело работала на лесоповале. Эта работа, естественно, подорвала её здоровье. Особенно сильно это сказалось на её сердце. Лечили её в больнице. Я ходила ее проведовать. Она была в тяжелом состоянии на грани жизни и смерти. Её спасли.

Добрые люди беспокоились обо мне, но главное мое спасение произошло благодаря детскому саду, организованному для эвакуированных детей. Я его посещала до поступления в 1-й класс 1 сентября 1944 года.

Мама несколько раз попадала в больницу. Я заболела дифтеритом - болезнь, связанная с простудой легких. Мама спасла меня. Вот так нам обоим суждено было остаться в живых.

Самое прекрасное это то, что мой папа, будучи несколько раз раненным, пройдя всю войну, вернулся живой. Мы с мамой вернулись из Татарстана 8 мая 1945 года в Киев. Первого сентября я пошла во 2-й класс. Папа забрал нас к себе в армию в ноябре 1945 года, где он продолжал служить.

Лапида-Рубинская Сарра родилась 4 июня 1935 года в городе Киев. Закончила Московский статистический институт по специальности инженер-экономист. Мать - Маргулис Этя Лазаревна 1909 года рождения, до войны работала директором фабрики лекарств, умерла в 1981 году. Отец - Рубинский Цаль Львович 1910 года рождения, до войны работал инженер-механиком экскаваторного завода, умер в 1987 году. Муж Михаил Лапида инженер-строитель по теплогазоснабжению и вентиляции, сын

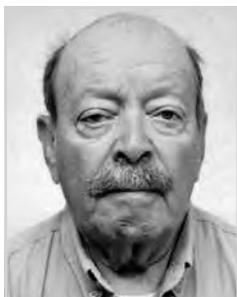
Александр инженер-строитель железных дорог, 5 внуков. Репатриировалась в Израиль в октябре 1990 года.

В начале войны отец был мобилизован на земляные работы. Я с мамой и бабушкой вместе с семьями сотрудников аптекоуправления Украины на грузовиках выехали из Киева в июле 1941 года. Нас бомбили. Одна из женщин в состоянии шока покончила с собой, оставив ребенка. Добралась до Харьковского аптекоуправления. Отец эвакуировался с демонтированным заводом. По счастливой случайности он позвонил в Харьковское аптекоуправление и поговорил с мамой. Он приехал за нами и забрал в свой эшелон.

Так мы доехали до города Ижевск Удмуртской ССР. Отец работал на своем заводе. Мама стала работать директором фармацевтической фабрики. Только она и нарком медицинской промышленности Удмуртии имели высшее образование (провизор). Мама с большим уважением отзывалась об этой женщине-наркOME, она была удмурткой.

Вскоре отец был мобилизован в Советскую Армию (хотя у него была бронь, ведь он работал на военном заводе). Он был направлен на Ленинградский фронт, где воевал всю блокаду в артиллерийском полку. Был дважды ранен и воевал до конца войны, дошёл до Берлина.

В августе 1944 года мы вернулись в разрушенный Киев. Мама снова стала директором фармацевтической фабрики. Отец вернулся в конце 1945 года и стал работать главным механиком треста Крещатикстрой. Он занимался монтажом первых башенных кранов в городе Киеве.

Лапида Михаэль родился 24 ноября 1935 года в городе Киев Украина. Закончил Пензенский инженерно-строительный институт. Отец Лапида Шлема родился в 1920 году в городе Коростышев Украина, мать Коростышевская Зисель родилась 1913 году в городе Коростышев Украина. Репатриировался 9 октября 1990 года.

Отец был мобилизован на войну с Финляндией. На войне он был тяжело ранен. В 1941 году в июне месяце отец был мобилизован на фронт. В 1944 году пропал безвести.

В июне месяце 1941 года я, мама и моя родная сестра Фаина, 1939 года рождения, эвакуировались из города Киева под непрерывными бомбёжками. Поезда бомбили, в дороге были очень трудные пересадки. Наконец, добрались до города Ташкент Узбекистан.

Жить было негде, голодали. Наша мама заболела, нас с сестрой отправили в разные детдома. Мы с сестрой тяжело заболели. У нас не было теплой обуви и одежды, и мы все сильно замерзали. Наша мама очень тяжело работала на заводе.

В 1944 году мы вернулись в разрушенный Киев. Жили в разрушенном доме. Снова голодали и мерзли зимой. Мне было 8 лет и я старался помочь маме, работая грузчиком на базаре и в порту.

***Левин Борис** родился 24 января 1930 года в городе Речица Гомельской области Белоруссия. Отец Нахман Аронович Левин, мать Геня, брат Лёва, сестры Дора и Фаина. Жена Левина Цина, дочь Наташа, 3 внуков: Максим, Михаль, Матан, правнук Алик живут в Израиле. Репатрировался в 1990 году.*

Я, Борис Левин, родился 24 января 1930 года в Белоруссии в Гомельской области городе Речица и был третьим ребенком у родителей. В 1941 году я окончил 4-й класс средней школы города Речица. Тут внезапно началась Великая Отечественная война.

Мой отец Левин Нахман Аронович был призван в июле месяце в Красную Армию. В этом же году погиб на фронте.

Я, мать, брат и две сестры были в августе месяце эвакуированы. Нас погрузили в товарные вагоны. Проезжая через город Гомель, мы видели, как он горел со всех сторон. Через 15-20 минут после Гомеля на бреющем полете нас догнал немецкий самолет и стал из пулемета обстреливать вагоны. Машинист остановил поезд и мы побежали в лес. На моих глазах был убит мальчишка моего возраста.

Затем мы прибыли в город Пенза (Россия). Из Пензы нас на автобусе перевезли в деревню Исаевка, которая находилась в 25-30 километрах от города. Нас поселили в свободном доме.

В Исаевке летом я работал разнорабочим, в основном на лошадях по заготовке сена в стогах на зиму. Зимой я брал санки, топор и ходил в лес за дровами, чтобы отапливать дом. На дрова разрешали брать только сухостой. За каждое срубленное растущее дерево наказывали. В Исаевке не было соли и мне приходилось за солью ходить зимой с соседями в Пензу 25-30 километров.

После освобождения Белоруссии мы вернулись домой в Речицу. Наш дом, к счастью, уцелел.

В 1945 году после окончания войны я пошел учиться в школу, а в 1948 окончил с отличием 7-й класс, уехал в Ленинград и поступил в техникум Авиаприборостроения. В 1950 году с третьего курса меня призвали в армию, где и прослужил четыре года. В 1954 году я демобилизовался и приехал в Ленинград, чтобы продолжить учёбу. После окончания техникума меня направили работать на завод в Ленинграде инженером. Там отработал 34 года, закончив при этом вечерний институт.

В ноябре 1990 года я, жена, дочка с сыном приехали в Израиль и поселились в Цфате.

Лезник Виктор родился 16 августа 1937 года в городе Винница. Мать Гродецкая Нина, отец Лезник Семен, братья Александр и Леонид (умер). Закончил Киевский политехнический институт, работал главным технологом завода в Виннице. Жена Погребницкая Евгения, дочь Анна живет в Израиле, дочь Ирина живет в Германии, внучки Ольга (Израиль) и Мария (Германия), 3 правнука. Репатрировался в 1998 году.

БАБУШКА И Я (ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ЭВАКУАЦИИ)

Я, Лезник Виктор, родился в 1937 году в городе Винница (Украина) в семье студентов. К моменту начала войны я вместе с матерью и двумя братьями - близнецами проживал в доме бабушки Лезник Иохевед Моисеевны и деда Лезник Абрама Давидовича.

Я очень обрадовался начавшейся войне, так как был хорошо вооружен. У меня было ружье, стрелявшее пробками, и целлофановая кукла-солдат в буденовке. Бабушка работала заведующей детского сада НКВД и она вместе со мной (я был в этом садике) подлежала эвакуации. Отец в первый день войны был мобилизован, а мать с братьями (братья-близнецы родились в марте 1941 года) надеялась спрятаться в селе у родственников.

Бабушка со мной влезла в кузов грузовика. Деда столкнул с машины начальник АХО детсада, так как грузовик был забит его вещами (в том числе пианино). На станции Тюшки, что вблизи города, грузился эшелон с подбитыми танками. К нему прицепили десяток теплушек, и мы с бабушкой с большим трудом влезли в теплушку. Благодаря танкам, наш эшелон старались вывезти в тыл через Днепропетровск. Я помню, что все время старался выглядывать из открытой двери теплушки, в надежде увидеть настоящие танки. Бабушка привязывала меня к себе веревкой, чтобы я не вылетел из вагона.

Около села Христиновка началась сильная бомбёжка. Поезд остановился. Люди выскакивали из теплушек и бежали в село. Самолеты расстреливали бегущих. Погибло много женщин и детей. Бабушка бросила узлы и со мной на спине добралась до деревенского двора. Мы спрятались в погребе. Свое ружье я потерял, но куклу-солдата держал крепко. Я помню, что погреб был битком набит людьми. Меня очень интересовали солдаты-зенитчики, стрелявшие по самолетам со двора. Улизнув от бабушки, я добрался до двери погреба, но в этот момент во дворе разорвалась бомба. Я кубарем покатился вниз. А вот кукле-солдату осколком снесло голову - так я полностью лишился своего богатства.

За ночь все брошенные вещи были растащены жителями села, даже мертвые были раздеты. Теплушки, как целые, так и сгоревшие, отцепили. Мы полезли на уцелевшие платформы с танками. Сначала солдаты охраны нас прогоняли, потом разрешили остаться. Нас бомбили до Днепропетровска. Танки стреляли по самолетам с платформ. О дальнейшей дороге я ничего не помню - заболел корью.

По рассказам бабушки, со мной на руках, без еды, без документов мы добрались до города Куйбышев, где жили родственники, но они нас не приняли, боялись за своих детей. Спасибо, что помогли отправить нас в город Алма-Ата, где тоже жили наши родственники.

Из жизни в эвакуации я помню чувство непроходящего голода и постоянные болезни от истощения. Мы с мальчишками ловили мальков в арыке и, когда удавалось, ловили воробьев. Чуть обжарив их на костре - глотали. Толкли желуди. А когда удавалось добыть картофельные очистки - был праздник. Стало немного легче, когда бабушка устроилась на работу ездовым в обсерватории, а я пошел в школу - там раз в день давали баланду. Для арифметики мы использовали поля от газет. Русский писали между строк на старых конспектах студентов.

После освобождения города Винница бабушка «добыла» вызов и мы поехали домой. Добирались два месяца в теплушках до Киева, а оттуда на поезде в Винницу. На этом закончилась моя с бабушкой «одиссея». В Виннице мы узнали о массовом расстреле евреев, о гибели деда и всех родственников.

Леонова Полина родилась 14 апреля 1927 года в селе Цурнопинск, Херсонской области. Мать Любарская Фейга Исаковна, отец Леонов Наум. Из эвакуации вернулась в 1944 году в Харьков. Закончила медицинский институт по специальности врач-педиатор. Муж Звегильский Иосиф умер в Харькове, дочь Анна живет в Израиле, сыновья Виктор живет в Германии и Дмитрий живет в Канаде, 3 внуки: Инна, Наталья, Катерина, правнук Адам. Репатриировалась в 1990 году.

В сентябре 1941 года я с мамой эвакуировалась в Казахстан Джамбульская область станция Чу и жили там до апреля 1944 года.

Фашисты уже были на подступах к городу Харькову. Мы бежали под грохот орудий. Товарным эшеленом №20 прибыли на конечную станцию Бурное в Казахстане. Папа должен был остаться на работе, затем он нас нашёл в Казахстане. Дальше мы уже были вместе.

Помню, что отъехав на небольшое расстояние от Харькова, на сортировочной станции нас бомбили с самолётов. Поезд остановился, многие выбежали из вагонов (часть погибла, часть была ранена). Мы с мамой оставались в вагоне. Когда самолёты «отстрелялись», мы собрали наволочки, простыни, рвали на ходу, оказывая помощь раненым. Вот тогда и дала себе слово обучиться на врача, чтобы помогать людям в любой ситуации, в мирное и военное время.

Более месяца мы добирались до «конечного пункта». Станция Бурная встретила нас снежной бурей, морозом и ветром. Я замерзла и чудом выжила. Помогли люди, отогрели. Всё это было ночью. Утром прибыли подводы и нас отвезли к убогим домам, в которых нас поселили. В этих домах жили поселенцы. Нас поселили в коровнике (другого места не было). Но спасибо и за это.

Вскоре я заболела тифом и хозяева забрали меня в комнату, где ютились их семья из 5 человек, из них двое детей. Помогали они нам во всем, что сами имели. Нашей благодарности не было границ. Я выздоровела, пошла в школу.

Когда нас нашел отец, родители начали работать. Наладили быт. Но вскоре мама тяжело заболела. Я взяла на себя основной груз, так как была молода и большая жажда помочь семье выжить.

Наступило лето; мы с отцом взяли три участка земли в разных концах поселения. Вырастили прекрасный урожай: картофеля, кукурузы, бахчи. Земля была целинная. Она помогла нам выжить и еще соседям помочь. Я закончила 7-й класс с похвальной грамотой.

4 апреля 1944 года мы возвратились в Харьков. Наш дом был разрушен. Чужие люди вновь нас приютили. А дальше учеба, устройство быта, радость и счастье от Победы над ненавистным врагом. Я стала врачом-педиатором, имею трудовой стаж 35 лет.

***Лернер Хася** Иосифовна (девичья фамилия Фурман) родилась 27 апреля 1937 года в городе Лугины Житомирской области Украина. Мать Ривка, отец Иосиф, сестра Соня. Образование среднетехническое, закончила политехникум, работала лаборантом на комбикормовом заводе. Муж Ремус Лернер, дочь Маргарита, сын Дмитрий, 5 внуков: Инна, Денис, Лиор, Снир, Юлия. Все живут в Израиле. Репатриировалась 27 июля 1995 года.*

До начала войны наша семья: я, моя сестра, мама и папа, жила в городе Лугины (Украина), где я и родилась. Когда к нашему городу подошли немцы, мама, сестра и я ушли из него. Отца забрали на фронт. Нас эвакуировали в город Бобров Воронежской области России. По дороге наш эшелон бомбили. Наконец, мы добрались до города Бобров. Там мама работала в артели инвалидов. Потом мама заболела и 9 июня 1945 года она умерла. Мне было 8 лет, а сестре 11 лет. Меня и сестру воспитывали и растили бабушка Розенберг Эстер 1861 года рождения и две мамы сестры Розенберг Михля Шаевна 1909 года рождения и Розенберг Бруха Шаевна 1911 года рождения.

Когда кончилась война мы вернулись на Украину, где в то время тоже был голод.

Всё, что я написала об эвакуации, я слышала от бабушки и маминих сестер. Они уже давно умерли.

Лехцер Леонид родился 22 мая 1933 года в городе Ильинцы Винницкой области. Отец Илья, мать Зина, братья Лузи и Семен. Закончил торговый техникум в городе Винница, работал 27 лет в Илинцах в райпотребсоюзе. Жена Маньковецкая Геня умерла, два сына, 4 внучки. Репатриировался в Израиль 29 марта 1996 года.

У нас в семье было три брата, я был самый младший. Мне было 8 лет, когда началась война. Отца забрали на фронт, а мы с братьями остались с мамой в гетто на оккупированной территории. В сентябре 1941 года начались первые облавы на евреев в нашем местечке. Старшего брата немцы забрали на работу, ему было 18 лет, работа была очень тяжелая.

В 1942 году облавы ожесточились. Я с мамой стали прятаться по оврагам. Старший брат познакомился с украинской семьей, которая согласилась нас прятать за определённые услуги. Прятались я и средний брат у них шесть месяцев.

Старший брат продолжал работать. Во время очередной облавы староста поймал старшего брата и сдал полиции. В начале 1943 года старшего брата убили.

А мы в это время глубокой осенью собрались, и ушли в лес искать партизан. Так мы (я, брат и мама) попали к партизанам. Вырыли землянку и стали жить в партизанском еврейском отряде. Мама пекла через день хлеб, средний брат помогал партизанам - стоял на посту. А я помогал носить воду, поил лошадей, колот дрова. Из леса мы вышли зимой 1944 года после освобождения Красной Армией нашего района. Папа вернулся с войны в 1945 году.

Лившиц Бела родилась 17 декабря 1924 года. Отец Израиль, мать Фрада. Закончила педагогический техникум, работала учителем. Муж Ицык умер в Белоруссии, дети сестры: дочь Рая, сын Миша, 4 внуков живут в Канаде. Репатриировалась 2 апреля 1990 года.

22 июня 1941 года в 6 часов утра Витебск уже бомбили, были раненые и убитые. В этот же день отцу принесли повестку о мобилизации. Ему было 41 год. Две недели жили под бомбежками. Паника, плач. Нас было трое детей, самой маленькой Дорочке был 4-й год, брату Мени 12 лет и мне 16 лет.

4 июля прибежал отец уже в военной форме и сказал маме: «Забирай детей и немедленно бегите на станцию. Немцы совсем близко, а я ухожу на фронт. Одевайте больше одежды на себя, с вещами не пустят.» Мы с ним простились. Встретились только после войны.

На станции стояли подводы, нас посадили на них. Витебск продолжали бомбить. Тут подогнали товарный эшелон и нас пересадили. В вагоне было очень много народу, сидели на полу. Ночами на эшелон бросали осветительные ракеты, потом начиналась бомбежка.

Дважды была команда машиниста бежать в рожь, а потом снова по вагонам. Бомбили под Невелем, Смоленском, Курском. Последний вагон был разбит. Наше состояние на бумаге невозможно описать. Ехали долго, на остановках набирали воду. Еду купить было невозможно. Голод.

Привезли нас в город Рыльск, где-то на границе с Украиной. Только одну неделю пробыли, немцы стали бомбить и этот город. Снова на станцию и снова товарный вагон. Мы долго продолжали ехать, но бомбежек уже не было. Эшелон часто загоняли в тупик, где не было даже воды. Заболела наша маленькая сестренка дизентерией (кروавый понос). Я просила у красноармейцев хотя бы кусочек хлеба, ребята не отказывали. Спасли её, на одной станции врач дал таблетки. Наконец, в августе месяце нас привезли на станцию Барыш Ульяновской области, потом в поселок Гурьевку. Там была Гладышевская суконная фабрика. Уже в начале сентября она была переоборудована на пошив шинелей для фронта. Всех мобилизовали на работу. Были одни женщины и дети - подростки. Брату было всего 12 лет и он был механиком. Мы работали все четыре года по 12 часов. Разутые, раздетые, голодные и это в суровые зимы! Давали один раз в день затируху и кровяную котлету. Хлеб по спискам 300 грамм, но не каждый раз - не было муки. Страшно голодали.

Начались вши, они нас заели. Бани не было четыре года, мордва евреев в баню не пускали. Мыло не видели четыре года. Спали на скамейках, что было на нас,

то под нами. Нас привезли в голодный нищий край. Люди начали болеть. Работа была тяжелая. Шинели тоже тяжелые, а в них тоже масса вшей. Фронту нужны были шинели, поэтому нормы были сумашедшие.

В конце войны ждали отца. Но 3-й Белорусский фронт перебросили из Кенисберга в Японию в сентябре 1945 года. Где-то в ноябре 1945 года отца демобилизовали из армии. Вернулся раненый, контуженный. Он приехал за нами. Мы поехали в Челябинск, куда была эвакуирована его родная сестра - тетя Хая с дочкой Лилей. Старшая дочь Фрида добровольно ушла на фронт. Ей было 18 лет. После войны она вернулась домой.

Вернулись в Витебск, который был разгромлен.

Все, что я написала, надо было пережить и разве это всё? Мой брат Меня ушел из жизни, когда ему было всего 32 года. Он служил в советской армии на Дальнем Востоке в Порт-Артуре, там заболел неизлечимой болезнью Куцепко. Моя сестра Дора ушла из жизни, когда ей было всего 53 года. Она заболела в Челябинске (там очень высокая радиация) онкологией. Ей в Израиле не смогли помочь, было уже поздно. Она была врачом высшей категории. А я живу долго за всех моих, мою семью. Это спасибо Израилю!

Лизгольд Флоренция родилась 28 апреля 1939 года в городе Киев. Мать - Красницкая Софья, отец - Красницкий Пётр, военный. Окончила Киевский индустриальный техникум, оператор - программист. Муж - Лизгольд Валерий, сын - Игорь живет в Германии, дочь Ирина в Израиле. 4 внука. Репатриировались 21 января 1992 года.

АВТОБИОГРАФИЯ

Я, Лизгольд Флоренция Петровна, в девичестве Красницкая, родилась 28 апреля 1939 года в городе Киеве на Украине. До июля 1941 года я жила в городе Киев с родителями, потом семья эвакуировалась через город Ростов на Дону в город Махачкалу, по месту переезда Корчеватских кирпичных заводов, где работал мой отец. В 1942 году я с мамой эвакуировалась в город Фергану Узбекской ССР, где моя мать работала в эвакогоспитале. В поездках, в вагонах-теплушках, я говорила маме, что хочу спать в своей кроватке, а не ручках у мамы. Когда медики выезжали встречать эшелоны с ранеными, то я оставалась в госпитале с ранеными и рассказывала им стишки, пела песенки. Бывало, что раненые укладывали меня спать, потому что мама долго не возвращалась - ведь у многих были и свои дети. Так проходило мое детство. Я посещала детский сад и всегда с радостью встречала и ждала маму.

В 1943 году мы с мамой выехали в освобожденный город Кировоград, где стояла в/часть отца. Мы ехали через Москву. Я видела военный парад 1943 года, товарища Сталина и всё это рассказала отцу с большим восторгом.

Папина в/часть имела там свое подсобное хозяйство. Я с детьми генерала лазила через заборы, как мальчишка, мне папа заказал военный костюм и сапожки. Вот однажды мы - дети сорвали вишню в саду и были строго наказаны. Обещали не безобразничать никогда.

В 1944 году с мамой я выехала в освобожденный город Киев, где услышали радостную весть о победе Советской армии над фашисткой Германией. В городе все ликовали, целовались, радовались. В сентябре месяце приехал с фронта отец, привез мне много подарков. Я очень радовалась.

В 1946 году я поступила в 1-й класс школы. Была отличницей и общественницей. Всегда была впереди. Помню, будучи старостой класса, всегда следила за порядком и часто на уроках старалась восстановить дисциплину. Учительница мне говорила, что на уроке главная - учитель, а ты - все остальное время. Была я комсомолкой и пионервожатой. Вот в Израиле мне показали фотографию, где я пионервожатая в классе одного из детей - сотрудника моего мужа. Мне было очень приятно.

В 1956 году я закончила среднюю школу с золотой медалью. Закончила техникум по специальности программиста-кибернетика. Работала в управлении бытового обслуживания на вычислительном центре.

В 1962 году вышла замуж и родила сына и дочь. В январе 1992 года моя семья выехала в Израиль на ПМЖ. Сейчас живем в городе Цфате, пенсионеры.

Липкина Элла родилась 26 ноября 1929 года в Москве. Отец Аркадий Липкин, мать Рахиль Коросташевская. Закончила Московский государственный университет, работала директором библиотеки. Муж Анатолий, умер в Израиле в 1999 году. Дочь Екатерина, 2 внуков Даниэль и Аннабель-Рашель живут в Израиле. Репатриировалась в 1989 году.

В 1937 году были арестованы родители. Отца вскорости расстреляли, а маму посадили на 10 лет. Я осталась сиротой.

Я жила в Москве у тётки. Дядя работал в Наркомате авиационной промышленности. В 1941 году эвакуировалась вместе с тетей в Саратов. Нас поселили в общежитие, но там прожили недолго. Началась Сталинградская битва и Саратов стали бомбить. Поэтому в 1942 году вернулись в Москву, и я продолжила учиться в своей школе. Время было очень тяжелое, дети добывали дрова для отопления школы, но учеба продолжалась.

26.11.29 - 06.02.15

Светлая память!

Лобко Эмма родилась 7 августа 1936 года. Отец Рашкован Моисей Абрамович, мама Рашкован Фрейда Абрамов, сестра Алина. Закончила радиотехнический техникум, работала конструктором. Муж Станислав, сын Игорь в Израиле, дочь Светлана на Украине, 2 внуков. Репатрировалась в 2011 году.

Наша семья жила до войны в городе Артемовск теперь Донецкой области, а тогда Сталинской. Город Донецк тогда назывался Сталино. На второй день войны отца, который был врачом, призвали в Красную армию. Во дворе начали собирать всё металлическое из квартир для фронта. Наш дом был многоквартирный. Семья состояла из четырех человек: родители, я и моя сестра, которая была старше меня почти на четыре года.

Вскоре начались воздушные тревоги по ночам. Во дворе срочно построили бомбоубежище, где мы прятались с июля 1941 года почти каждую ночь. Окна все заклеили какой-то бумагой, чтобы не видно было света ночью. А потом уже стали вообще выключать свет. Спать ложились одетыми, чтобы быстрее убежать в бомбоубежище. Осенью в сентябре мы эвакуировались втроем: я, мама и сестра. Нас погрузили в товарные вагоны, в которых перевозили лошадей. Там была насыпана солома и запах был лошадиного помета. Мама сумела взять с собой швейную ручную машинку, перину и даже драповое пальто отца, которое сохранила в оккупации и привезла его обратно. Сестре пошили из него пальто и берет уже после войны.

Ехали очень долго до Казахстана станции Джурун Актюбинской области. Это районный центр. Когда мы уехали, было тепло, а приехали туда шел сильный снег и была морозная зима. Мама в пути тяжело заболела, у неё был сильный абсцесс горла. Она даже думала сойти с поезда с нами, но, видимо, нашлось лекарство или папа ей дал его с собой в дорогу. Когда мы приехали в Джурсун, она уже была здорова. Маме тогда было 41 год. Нас выгрузили глубокой ночью на платформу. Мама положила нас спать прямо на снегу на наших вещах и укрыла периной. Всю ночь она ходила по кругу вокруг нас, чтобы не замерзнуть. Видимо, было опасно зайти в здание вокзала, тогда было много воровства. Утром нас поселили в одной комнате вместе с семьей из Ленинграда. Помню, что девочку, мою ровесницу, звали Берта. Мама опять в 1942 году сильно заболела. У неё была огромная миома и страшные кровотечения. Кроме того, она очень исхудала, её мучил колит, который обострился. Мы проели швейную машинку. Мама её обменяла на мешок пшена и 6 килограммов сливочного масла, которое она перетопила. Это нас спасло, но мама слабела. Какими-то путями, видимо через военкомат, она нашла своих братьев.

Я не могу вспомнить это без слез. Братья мамы Литвак Моисей Абрамович (дядя Миша) и Марк Абрамович (дядя Муся) эвакуировались из Подмосковья (по-моему, Красногорск) с заводами, которые стали военными, в город Новосибирск. Дядя Марк был начальником участка механического цеха, а дядя Миша - инженер-электрик на Прожекторном заводе.

Зимой 1943 года за нами приехал дядя Миша. Он буквально за пару часов помог нам собраться, и вот мы уже опять в поезде, но теперь уже в пассажирском, едем без пересадок в Новосибирск. Там нам сняли на окраине города комнату. Маме стало легче, видимо подлечили. Дядя Муся устроил маму в свой цех плановщиком. Но при первом медосмотре маму срочно отвезли в больницу на операцию. Она была так истощена, что швы разошлись. Её привезли домой и она лежала долгое время, не вставая. Шов постепенно затянулся.

В 1943 году я должна была идти в школу, но мама меня не пустила, так как нечего было одеть, обуви не было. Сестре дали ботинки, а мне «ичичи» (летние холодные сапожки), а зимой там сильные морозы. Я пошла в школу в следующем 1944 году. Папа нам присылал с фронта письма, сестра писала ему и обрисовывала мою руку в письме.

8 мая 1945 года кончилась война. Папа в сентябре 1945 года прислал за нами старшину Крымского. Он нам помог собраться и в октябре 1945 года мы приехали в город Кенигсберг (Калининград). Я там часто болела ангинами, так как тоже было тяжело с обувью и одеждой. Я очень плохо переносила сырой климат.

Так закончилась эвакуация.

Арон Лоевский родился 18 сентября 1931 года в городе Кременчуг Полтавской области. Отец - Лоевский Рафаил, мать - Лоевская Дебора, братья: Володя, Феликс, Дима. Вернулись в Крым в город Евпатория в 1944 году. Закончил ДОСАФ по специальности - радист. Сын Артур живёт в Крыму в городе Евпатория, дочь Анна в Германии, 2 внука Евгения и Ян, правнучка Юлия. Репатриировался в конце ноября 1993 года.

До Великой Отечественной войны проживал в Тамани Краснодарского края. Когда началась война, отец ушёл на фронт. Был ранен и попал в госпиталь. Мы с мамой и тремя братьями эвакуировались из Тамани в конце октября 1941 года.

Ехали машиной до Краснодара, потом поездом до Сталинграда. Там нас посадили на пароход до Сызрани, потом поездом до Бузулука.

В эвакуации жили до конца 1943 года. Оттуда переехали в Грузию в город Самтредия. В эвакуации мы испытали и голод, и холод, и страх перед бомбёжками.

После госпиталя отец был направлен в тыл в город Евпатория. Весной 1944 года отец забрал нас и перевёз в освобождённый Крым в город Евпатория.

Ломовский Юрий родился 20 июня 1937 года в город Симферополь. Мать Воле Полина, отец Ломовский Павел, брат Аркадий. Закончил строительный техникум, работал механиком. Жена Ковальчук Татьяна, дочь Юлия Герман, сын Александр, 2 внука, 2 правнука. Репатриировался в 1998 году.

Наша память подобна каплям внезапного дождя на асфальте - пятна крупные и мелкие. Они так красивы и выразительны и выделяются на фоне сухих мест. Такова наша память о детстве: вдруг вспомнится эпизод, лицо, место; ощутишь лёгкое волнение, но ещё нет общей картины. А потом с высоты своего теперешнего возраста представишь то, что было, и удивишься тому, как всё это перенесли, выдержали. Но память у людей разная, один помнит всё до мелочей, другой - только отрывки, но чувствуем мы одинаково всю трагедию нашего существования во время войны и очень благодарны Богу и нашим родителям за то, что остались живы.

Я родился в Крыму в городе Симферополь. Отец работал директором шахты по добыче каменного угля вблизи горы Ай-Петри. Мать была служащей в горисполкоме. Эвакуация в Симферополе началась в августе 1941 года. Отца, который по возрасту не подлежал призыву в армию, отправили вместе с работниками шахты в Новосибирскую область, а мать с двумя детьми (я и брат) эвакуировали сначала в город Баку, а потом через Каспий в городок Беговат под Ташкентом. Мать работала там сцепщицей вагонов. Жили в бараке, где было и мрачно, и голодно. В 1942 году я заболел воспалением лёгких и долго был на волоске от смерти. Ещё не выздоровев до конца, заболел малярией и мучился от неё до 1947 года.

Помню, как страдал от приступов малярии и от голода, бродил около барака, ожидая кого-нибудь, кто даст кусок хлеба и согреет чаем. Мать тоже часто болела, но даже больная, ходила на работу.

В 1944 году был освобождён Крым. Всех крымчан в Беговате посадили в теплушки и повезли в город Краснодар. Ехали мы через Сталинград. До сих пор вижу разбитые паровозы, дома, ужасные картины общего разрушения и мрачных голодных людей на остановках.

В Краснодаре встретились с отцом и вернулись в Симферополь. Жить было негде, семью приютила моя довоенная няня.

Началась голодная послевоенная жизнь. Помню вкус оладьев из картофельных очисток, кашу из отрубей ячменя. В 1945 году - школа и постоянные приступы малярии. А в 1948 году умерла мать. Война оставила и в душе и в состоянии здоровья шрамы, которые никогда не зарубцуются.

Лопатин Виктор Аркадьевич родился 8 июня 1933 года в Ленинграде. Образование высшее, врач, доктор медицинских наук. Дочь Ирина живет в Израиле. Репатриировался в марте 1991 года.

У меня было поистине золотое детство... Оно закончилось, когда мне исполнилось 8 лет и началась война. Первое впечатление от войны: бомбоубежище, куда мы перетаскивали раскладушку. Отец с первых дней войны ушел добровольцем на Ленинградский фронт. Братья папы тоже сражались на фронте.

В течение двух месяцев нас пытались вывезти из Ленинграда по железной дороге, но тщетно... Железнодорожные пути и эшелоны с женщинами и детьми беспощадно бомбили. Помню, детям надевали на ручки клеёчатые «браслеты», на которых химическим карандашом писали имя, фамилию, дату рождения - для опознания в случае гибели родителей или самих детей.

30 августа 1941 года фашисты захватили станцию Мга и тем самым перерезали сообщение Ленинграда со страной - началась блокада. Замкнулось кольцо вокруг моего города. Бомбёжки были ужасные, а в сентябре начались регулярные артобстрелы города.

Однажды около продуктового магазина выстроилась очередь, 15-20 человек. Вдруг раздался какой-то дробный частый стук. Это немецкий самолет на бреющем полёте, так что было видно лицо пилота в кабине, расстреливал из пулемёта мирную очередь. Мама стремительно подхватила меня и мы успели нырнуть в ближайшую подворотню.

Отец периодически навещал нас и отмечал, что обстановка в городе гораздо страшнее, чем на фронте. Папа строго предупредил меня, что я не должен говорить о том, что мы евреи, что папа - коммунист, и, кроме того, потребовал, чтобы мы сожгли все книги классиков марксизма-ленинизма. Он привёз нам бутылки с зажигательной смесью и проинструктировал нас, как ими пользоваться, если немецкие танки окажутся на нашей улице.

В ноябре начался настоящий голод, люди теряли сознание от голода дома, на улице, на работе, умирали от истощения и холода.

В конце февраля 1942 года нам удалось эвакуироваться по льду Ладожского озера, которое назвали впоследствии «Дорогой жизни». Затем нас погрузили в эшелоны, потом на каждом полустанке в вагоны стучали и спрашивали: «Трупы есть?» Я выжил, конечно, благодаря маме. Она отдавала мне большую часть своего пищевого рациона. У мамы была элементарная дистрофия с отёками.

Когда мы прибыли в Челябинск, там же на станции нас пригласили в столовую эвакуопункта. Переступив порог, я остановился, остолбенев от изумления... На каждом столе в центре стояла тарелка, полная черного хлеба! И без всякой охраны! Это представлялось мне совершенно невероятным.

Страшные картины блокады: бомбёжки, артобстрелы, руины домов, трупы на улицах на снегу и на саночках, дым и зарево пожарищ, свист бомб, звуки сирен и стук метронома из черных тарелок радио - я запомнил на всю жизнь!

Лубан Лея родилась 4 августа 1934 года в Ленинграде. Мать - Шкляр Любовь, отец - Шкляр Хаим. Окончила Ленинградский техникум железнодорожного транспорта. Работала бухгалтером, потом парикмахером. Вдова. Репатрировалась 29 декабря 1993 года.

Когда началась война, мне не было 7 лет. Я ходила в детский сад. Перед самой блокадой Ленинграда в сентябре 1941 года наш детский сад эвакуировали на Урал, станция Чернушки. Во время пути нас бомбили. Нам пришлось ночью пересаживаться с одного парходика на другой, и я потеряла один валенок. Это я помнила.

Все четыре года войны мы прожили в одном месте с нашими воспитателями. С ними мы вернулись в 1945 году в Ленинград. В эвакуации было очень голодно, всё время хотелось есть. Летом мы ходили собирать колоски, разные травки, клевер, чтобы хоть что-то поесть. Однажды я видимо отстала от ребят, за мной помчался какой-то пьяный мужик. Он орал на меня: «Стой, жидовка!». Меня от него спасла какая-то женщина, которая выскочила из дома и спрятала у себя. Она дала мне кружку молока и кусочек чёрного хлеба. Никогда в жизни я не ела ничего вкусней.

Ещё я вспоминаю, что, когда мы еще спали, рано утром прибежали наши воспитатели и со слезами начали кричать, что кончилась война. Мы все смеялись и плакали, а потом начали собираться домой. Перед отъездом мы получили посылки с очень красивыми вещами, импортными, для всех детей. Просто удивительно, что такие вещи дошли к нам в глухомань.

А в Ленинграде нас встречали мамы, с которыми мы не виделись четыре года.

Любарский Анатолий 8 сентября 1934 года рождения в Москве. Мать - Росинская Хина Мироновна, отец - Любарский Григорий Давидович, брат Вадим умер. Закончил Московский институт тонкой и химической технологии им. Ломоносова, работал заведующим отдела Нии Министерства химической промышленности. Жена Ицхакина Ирина, два сына Михаил живет в Москве и Алексей живет в Израиле, 1 внук. Репатрировался в 1997 году.

Войну я встретил в городе Харьков. Я родился в Москве в 1934 году в семье научных работников. Родители работали в НИИ министерства химической промышленности. Летом 1941 года по приглашению родного брата мамы, который работал главным агрономом в совхозе под Харьковом, я, мальчишка семи лет, мой брат четырех лет и бабушка семидесяти лет поехали в Харьков провести лето на Украине.

Поезд прибыл в Харьков рано утром 22 июня 1941 года. На вокзале было очень много народу, суматоха, беготня, крики - паника. Нас встречал дядя очень взволнованный и сообщил, что началась война, немцы бомбят Киев, Харьков и другие города Украины.

Стало ясно, что надо срочно возвращаться в Москву. Хорошо сказать «возвращаться». Все поезда в Москву были уже переполнены. Только благодаря титаническим усилиям моего высокопоставленного дяди, нас удалось к вечеру втиснуть в один из дополнительных вагонов «матери и ребёнка». Таким образом, в ночь 22-23 июня нам удалось вырваться из охваченного страхом, хаосом и паникой Харькова. Начались наши «военные» мытарства. В Москве нас встретила мама в ужасе от безысходности, неизвестности и беспомощности, что мать и дети оказались в охваченной бомбёжками Украине. Нервное напряжение мамы, которая ослепла, объяснялось еще и тем, отец был мобилизован в армию и ушёл на фронт.

Москва в эти дни лета 1941 года жила с ощущением всеобщей нарастающей беды. Фашисты с немецкой пунктуальностью утром, днём и вечером бомбили город. По вечерам тёмное небо Москвы расчерчивалось лучами прожекторов и освещалось сполохами взрывов зенитных орудий. Все окна московских домов были заклеены накрест полосками бумаги. К ночи окна завешивались плотными одеялами. По улицам ходили группы дружинников, которые следили, чтобы ни одна полосочка света не была видна на улице и не стала ориентиром для немецкой авиации. Большинство улиц города были перекрыты противотанковыми ежами. По ночам на крышах домов дежурили жильцы дома, которые сбрасывали зажигательные бомбы с крыш домов. Утром осколки бомб собирали вездесущие мальчишки. Теперь это были «главные» игры ребятни.

В июле в Москве началась массовая эвакуация заводов, учреждений, фабрик, институтов и жителей города на восток страны и в Среднюю Азию. Москва быстро обезлюдела.

В конце августа - начале сентября 1941 года немецкие войска подошли вплотную к Москве и стояли уже в 20 километрах от города в районе станции Лобня - северный пригород Москвы. Эвакуация населения и предприятий проводилась уже принудительно и всеобъемлюще.

Мама решила, что ей легче будет уехать с семьёй к родственникам в город Саратов. В сентябре 1941 года мы (мама, бабушка Хана Борисовна, я и брат) эвакуировались в Саратов. Это оказалось большой ошибкой. В Саратове находились авиационные заводы и его массированно и круглосуточно бомбили немцы. Ситуация была столь опасна, что для защиты города, и его заводов и населения ставились мощные дымовые завесы над всем городом.

Наступила суровая зима 1941-42 годов. Нас поселили в общежитие, в небольшую комнату, в которой уже к этому времени проживало две семьи - две женщины и пятеро детей.

Зима эта была холодная, суровая, снежная: а главное - очень голодная. Мама стала работать в госпитале, и мы все пытались выжить на мамину рабочую карточку и карточку трех иждивенцев. Я до сих пор помню это постоянное и непреходящее чувство голода. По карточкам на нашу семью выдавали около полукилограмма хлеба в день. Каждое утро мама делила эти полбуханки хлеба на три равные части. Одна часть съедалась утром, а две оставшиеся части мама прятала от нас, чтобы было, чем кормить днём и вечером. Днём мама прибегала из госпиталя с кастрюлькой жиденьких щей. Это был наш обед. Вечером при тусклом свете коптилки (фитилёк в масле) мы с жадностью доедали остатки хлеба и запивали кипятком. И это считалось «нормальное» существование.

Бывали дни, когда вместо хлеба по карточкам, выдавали кусок сырого теста, которое ещё надо было превратить в съедобный хлеб. Проблема была в приготовлении из этого теста какой-нибудь еды. Дело в том, что в общежитии была только одна кухня на 20 комнат с большими семьями беженцев; в «час пик» утром и вечером для пользования кухней и туа-

летом нужно было занимать заранее очередь. Зимы 1941-1942 годов были очень холодные, суровые; общежитие плохо отапливалось, поэтому жильцы общежития одевали на себя всё, что можно, чтобы не замёрзнуть, спали тоже в одежде.

В таких суровых условиях мы прожили в Саратове полтора года. Летом 1943 года мы смогли вернуться в Москву. Здесь стало немного полегче. Немцев отогнали далеко от Москвы; бомбёжки практически прекратились, но голодная жизнь продолжалась.

Мама вернулась на работу в институт, получила «рабочую» карточку на себя и три «иждивенческие» карточки на бабушку и детей, и психологически дома жизнь стала полегче; появилось ощущение, что война скоро кончится. В Москве стали «салютовать» при освобождении крупных городов.

Невозможно забыть картину прохода тысяч немецких пленных солдат по Садовому кольцу в Москве. Немцы шли молча с опущенными головами, а вокруг на улицах Москвы так же молча стояли москвичи, глядя с сожалением на колонны этих людей и не было в них ни злобы, ни ненависти, а только человеческая жалость к этим несчастным людям, попавшим в большую беду. Стояла напряжённая тишина, и было слышно только звуки шаркающих по асфальту ботинок и звон металлических кружек.

Начиная с 1943 года настроение людей изменилось к лучшему, появилась надежда на скорый конец войны и уверенность в победе.

Наступил май 1945 года. Левитан своим уникальным голосом торжественно объявил о Победе и безоговорочной капитуляции Германии.

Ликования, восторг - беспредельны! Всё население Москвы высыпало на улицы. Красная площадь заполнена радостными людьми. Под грохот салюта все поют, обнимаются, целуются. А в небе над Красной Площадью реет огромный портрет Сталина в лучах прожекторов. Ура! Победа!

Ляпина-Зновенко (девичья фамилия Гитман) **Лия** родилась 10 октября 1937 года в городе Тула. Мама Боренбаум Клара, папа Гитман Исай. Закончила Черновицкий строительный техникум по специальности инженер-строитель. Муж Ляпин-Зновенко Рэмир, сын Игорь живет в Израиле, 3 внуков: Илья, Давид, Лия. Репатрировалась в 1996 году.

Я родилась в городе Тула в октябре 1937 года. Когда началась война, мне было три с половиной года. В этом возрасте очень многое воспринималось по-детски. Много рассказывала мама и бабушка.

Вечерами мы бежали в бомбоубежище. Город, особенно вечерами, обстреливали и бомбили немецкие самолеты. Я очень боялась и мама вспоминала, что я много плакала. К нам приехали родственники с Украины около тридцати человек, все голые и босые. Вскоре мы все вместе покинули Тулу.

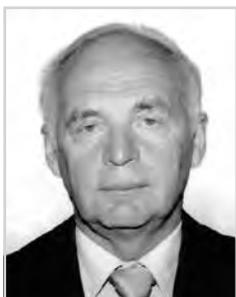
В 1941 году папу призвали в армию, а я с мамой, бабушкой и братом эвакуировались в товарных вагонах в Башкирию. Там мама работала в колхозе, а я с бабушкой ходили в госпиталь, который был от нас далеко. Шли мы туда очень долго. Бабушка вязала носки и рукавицы для фронта, а я пела и плясала для раненых. Они мне давали за это кусочек сахара, который я несла домой, чтобы поделиться с братом, которому было 10 лет.

В Туле немецкие войска дошли до пригорода. В Ясной Поляне, родине Льва Толстого, музей-усадьба писателя был разрушен. Немцев скоро выгнали, так как взятие Тулы - это ключ к Москве.

В Тулу мы вернулись, когда еще шла война. Мама пошла работать на оружейный завод. Но ей от меня помощи не было.

Я помню День Победы, когда Левитан объявил об окончании войны. Люди в ночных рубашках выбегали из домов и кричали от радости.

Много моих родственников не вернулись с войны, вечная память им и всем погибшим в этой страшной войне.

Маневич Евгений, родился 26 апреля 1931 года в городе Ленинград. Отец Лейба, мама Малка, сестра Изабелла умерли в блокадном Ленинграде. Закончил Ленинградское военное училище. Офицер Советской армии, вышедший в отставку. Жена Анна, умерла в 1995 году. Сын Борис и дочь Марина живут в Израиле, 2 внучки Ольга и Наталья, 2 правнука. Репатриировался в октябре 1990 года.

ВОСПОМИНАНИЯ О МОЁМ ВОЕННОМ ДЕТСТВЕ

Я из такого поколения людей, которые прошли всю войну, будучи в детском возрасте. Мне было десять лет, когда я жил в блокадном Ленинграде и испытал на себе голод, холод, бомбежки, артиллерийские обстрелы, смерть родных и близких людей.

А теперь по порядку. Моя мама - Мария Янкелевна Маневич работала в детском саду. С начала войны все детские учреждения были вывезены из Ленинграда, не далеко, в ближайšie города. В начале августа 1941 года мы приехали в город Тихвин. С нами была моя сестренка Бэллочка 2-х лет. Отец – Маневич Лейба Элиевич 44-х лет был призван в местную противовоздушную оборону города. Никто не думал, что немцы будут продвигаться так быстро. Однако, уже в середине августа они подошли к пригородам Ленинграда. За детьми стали приезжать родители. Вскоре поступило указание всем вернуться в город Ленинград, вместо того, чтобы ехать дальше на восток. В конце августа мы вернулись в свой город. В каждом доме в подвальных помещениях оборудовали бомбоубежища. Город стал готовиться к обороне. 8 сентября 1941 года немецкая армия перекрыла все дороги и блокировала город. Началась Блокада. На крышах угловых домов поставили пулеметы и зенитные установки. Центральные улицы были перекрыты различными видами заграждений. Все окна в домах были замаскированы.

Стало страшно, когда фашисты захватили Пулковские высоты (это на расстоянии от города в 20 км.) и стали обстреливать город из тяжелых орудий. Ночью, в основном, самолеты бомбили зажигательными бомбами, а днем город обстреливался артиллерией. Занятия в школах прекратились. Я, как и мои сверстники, во время тревоги дежурили на лестницах, помогая старикам спуститься в бомбоубежище. Ребята постарше дежурили на чердаках и крышах и тушили зажигательные бомбы. Для этого надо было щипцами захватить бомбу и бросить ее в бочку с водой, ящик с песком или в окно на улицу. Очень много появилось диверсантов, которые во время бомбежки подавали из ракетниц сигналы, указывая места нахождения заводов, фабрик и других военных объектов. Самолеты бомбили по этим целям, благодаря сигналам. Таким образом, уже в сентябре этого года были сожжены все продовольственные склады, уничтожены все запасы продовольствия. Начался голод. В октябре – ноябре что-то еще можно было купить по карточкам. Жители ездили за город, где были огороды. Как только выпал снег и начались морозы, поездки стали невозможными. На рабочую карточку давали 250 гр. хлеба, на карточку иждивенца -125 гр., на детскую – 100 гр. печенья. Это была порция на день. Не было воды, света и тепла. Из-за сильного мороза полопались трубы. Городской транспорт перестал ходить. Люди стали умирать от голода и холода. Я в доме был ответственным за всех. Мама обессилила и лежала. Маленькая сестра также лежала без сил. Отец, находясь на службе гражданской

обороны, приходил домой редко и приносил иногда что-то съестное. Я ходил с карточками по магазинам, собирал дрова, топил печку-буржуйку, приносил воду, ухаживал за мамой и сестрой. Очевидно, эти обязанности меня спасали.

Самое тяжелое время – зима 1941-1942 годов. Кто не мог один раз встать с кровати, тот уже не встал никогда. На улицах было много трупов. Квартиры были открыты и туда заходили специальные бригады для проверки, кто еще жив или уже мертв. В каждом районе был склад для мертвых тел. Их туда свозили на санках и вешали на ногу бирку. Весной 1942 году стали делать Пискаревскую братскую могилу, которая теперь называется Пискаревское Мемориальное Кладбище. На этом кладбище захоронено около 1 миллиона человек. Вечная им память!

В марте 1942 года в увольнение пришел домой отец. Он был болен и очень опухший. Лег на диван и умер. Это случилось при мне. В этот же день умерла и мама. Их вместе отвезли на склад 18.03.42 года. Сестра была больна, ее забрали в детскую больницу. Там она умерла. Меня взяла к себе папина сестра тетя Сара, жившая в этом же доме. Людей не эвакуировали, так как все дороги были отрезаны. Ждали, когда замерзнет Ладожское озеро. Когда образовался прочный лед, людей начали вывозить на грузовых машинах по Дороге жизни. Обрато на этих грузовиках везли продукты и боеприпасы. Это действительно была Дорога жизни. Немецкие самолеты бомбили эту переправу, и машины вместе с людьми уходили под лед.

Летом 1942 года стало немного легче: рвали листья с деревьев, траву. Используя землю в парках и садах, сажали какую-то зелень. Открылись школы. Там давали суп и шли занятия. Я тоже пошел в 3-й класс. Как только начались теплые дни, милиция ходила по квартирам и приказывала выйти на уборку улиц, дворов. Так было предупреждено возникновения эпидемий. Я так же, как и все, участвовал в этом.

Когда растаял лед на Ладожском озере, вновь началась эвакуация. Нам с тетей предложили уехать. Нас на машинах отвезли в лес недалеко от озера, там мы ждали темноты. Ночью всех построили в колонну. Впереди шел человек с фонариком. Без малейшего шума мы подошли к берегу озера и начали грузиться на баржу. На барже мы сидели до наступления полной темноты. Затем подошли катера и тихо, на малом ходу, перевезли баржи на другую сторону озера. Там стояли товарные вагоны, и было много походных кухонь, где давали суп и кашу. Люди не могли оторваться от изобилия еды. Наконец, прозвучала команда. Мы сели в поезд и поехали. Ехали долго на поезде, затем на барже по реке Волга. Прибыли в город Уржум Кировской области. Тетя отдала меня в детский дом, где я жил 2 года. Здесь я продолжал учиться, работали в сельском хозяйстве. Мы все время были под контролем.

27 января 1944 года была прорвана блокада. Мой дядя Моисей Борисович Маневич прислал вызов и я с его женой и сыном Марком, вернулись в Ленинград. Для нас, мальчишек, все было интересно. Нам было не до занятий в школе. Мы ездили за город, собирали валяющееся оружие. Патроны, гранаты. Некоторые ребята подрывались и погибали. Это продолжалось до тех пор, пока меня не поймала милиция. За это меня исключили из школы, где я учился в 5-м классе. Учился я плохо. Через некоторое время меня вызвали в милицию, предупредили и приказали мне принести весь свой боевой арсенал. Я собрал в мешок патроны, гранаты и отнес в милицию. Там был шок от увиденной коллекции. Начальник милиции позвонил в школу и попросил, чтобы мне позволили продолжить учебу. В школе мне помогли подтянуться в учебе, отнеслись ко мне участливо, зная, что я сирота. Я начал учиться и 7-й класс окончил хорошо. Я задумался, как жить дальше. Решил стать военным. Окончил Ленинградское Артиллерийское училище, и стал офицером Советской Армии.

Но это уже другая история.

Для меня война началась в 1940 году. Примерно, в августе. Моего старшего брата призвали в армию после окончания 10-го класса. В своем первом письме он написал, что его часть формируется под Киевом. Во втором письме, что его часть переводят за Урал, и это новые слёзы. Ещё через месяц мы узнали, что его часть отправляют во Львов. Командир разрешает свидание с родителями и увольнительную на четыре часа, но чтобы брат (то есть я) не приезжал. Когда родители приехали во Львов, им сказали, что все свидания отменены. Помогло письмо брата, что приезд родителей согласован с командиром. Свидание сократили на два часа. За эти два часа родители успели только накормить «ребенка», но не наговориться. А ещё через месяц пришло настоящее горе - началась война...

Киев в это время сильно бомбили, особенно железнодорожный узел. Уехать из города было невозможно, поэтому мы эвакуировались на плотках по Днепру. Когда люди собрались на плоту, а их было человек сто. Все пришли в ужас: что кушать, где питьевая вода, где спать, когда под ногами вода, где туалет и как спастись от волн, которые перекатываются по плоту, особенно при ветре. Но никто не ушел, так как в Киеве оставаться было страшно. В это время пришли трое рабочих-сплавщиков, которые должны были сопровождать плоты до места назначения - город Днепропетровск. Один рабочий засвистел так, что стонущая масса замолчала. Он сказал на украинско-русском диалекте: «Плыть на плоту не опасно. Никто не утонет, если не подходить к краю плота. Купаться нельзя, а также запрещено пить днепровскую воду.» И продолжил: «Сейчас давайте соберем 20 человек мужиков и баб, чтобы принести воду и дрова для чая. Я пойду искать капитана буксирного парохода и узнаю время отправления. И ещё подумайте, что вы можете принести, чтобы сидеть и спать.» Больше плача я не слышал, так как все были загружены работой, а мокрые ноги никого не смущали. Сделали два туалета: три стенки из толя высотой 1,2 метра. В заключение должен сказать, что погода была отличная и происшествий не было.

В Днепропетровске нас встретили два грузовика и перевезли всех на железнодорожную станцию. На станции оказался один маленький домик для диспетчера, огромное количество товарных вагонов и один очень длинный состав из платформ с людьми. Диспетчер отправил нас в конец состава, где были две пустые платформы для киевлян.

С этой погрузки на платформы начались новые трудности. Если сравнить транспортировку по воде и по железной дороге - это все равно, что сравнить рай с адом. Постоянный ветер, жара, пыль, нет пищи, купить нечего нельзя. На некоторых станциях приносят продукты в обмен на мануфактуру. И если добавить, что на платформах людей было, как селедки в бочках, то будет понятен этот переезд. И это длилось, точно я не помню, четверо или пятеро суток. И, наконец, мы прибыли в Сталинград.

После двух или трех суток «отдыха» на железнодорожном вокзале мы отправились в Уфу. В Уфе папе дали направление на работу в поселок Красный ключ. Это еще 150 километров по реке, зато на двоих была одна спальная полка. В поселке мама первым делом написала письмо соседке по киевской квартире и получила ответ. В конверте было

письмо сына. Он был в госпитале и пришел домой. Письмо он написал за своим столом. Этим письмом кончилась связь с ним. Через несколько лет после многих писем пришел ответ, что он пропал без вести в 1943 году.

В Красном Ключе я после школы работал ошкуровщиком, где за 200 килограммов коры получал один килограмм муки и 9 рублей. На это у меня уходило 4-5 дней. Первый год в Красном Ключе был очень тяжелым и голодным. Мы завели огород и после урожая 1942 года стало легче. В честь победы в Сталинградской битве нам по рабочей карточке выдали водку. Все люди поздравляли друг друга. Даже я почувствовал оживление в нашем поселке. В июне 1944 года мы вернулись в Киев.

Маркова Хана родилась 7 октября 1934 года в Киеве. Мать - Кушнир Голда, отец - Сичин Израиль, бабушка - Сычина Товба, дедушка - Сычин Зейда-Тувид, тётя - Сычина Лия. Закончила строительный институт по специальности инженер-строитель, работала проектировщиком в проектом институте. Сын Игорь живет в Канаде, 1 внучка. Репатрировалась в 1992 году.

Я эвакуировалась в 1941 года с бабушкой, дедушкой и тетей из города Киева в город Куйбышев Татарской АССР. То ли особых трудностей не было во время эвакуации, так как нас эвакуировали как семью военнослужащих (мои родители оба были военные и служили в армии), то ли я их не помню.

В Куйбышеве мы жили в доме татар, которые, по-моему, к нам неплохо относились. Я помню, что на печке играла с братом и сестрой, помню даже их имена - Фергат и Хазия. Очень мирно играли. По-моему, нам выдавали, как семье военнослужащих, продукты и мы не голодали.

Потом, не знаю почему, мы переехали в город Чирчик Узбекской ССР. И там уже были до возвращения в Киев в 1944 году вместе с мамой, бабушкой, дедушкой и тётей.

В Чирчике я пошла в школу. Идти надо было через пастбище верблюдов и я ужасно боялась, что верблюд на меня плюнет. Это самое яркое впечатление от школы.

И ещё одно очень яркое воспоминание. У нас был патефон и пластинка с одной стороны «Песенка герцога», а с другой «Баллада герцога» из оперы Верди «Риголетто». Эта пластинка открыла мне мир музыки, которую я полюбила на всю жизнь. Я выносила патефон во двор и ставила эту пластинку. Мне хотелось, чтобы все услышали, как же это здорово. И очень удивлялась, что никто в общем-то на это не реагировал.

Вот, пожалуй, и всё, что вспоминается о том времени.

Перед войной меня собирались учить музыке. Потом война, потом родители демобилизовались и было не очень легкое время. После школы надо было идти работатть и учиться заочно - уже не музыке, а на инженера.

Матузова-Черкасская Софья родилась 9 января 1932 года. Мать - Матузов Роза, отец - Черкацкий Лев. Закончила техникум по специальности секретарь-машинистка. Муж - Вайнштейн Евгений умер в 1999 году в Израиле. Дочь Елена живет в Израиле, 1 внук. Репатрировалась в Израиль в 1991 году.

Я эвакуировалась из города Киева в 1941 года с мамой последним эшелонном. По дороге нас несколько раз бомбили и мы прятались под поездом. Наш состав направили в Среднюю Азию Таджикистан в город Ура-Тюбе.

Мама пошла работать, а меня определили в школу во второй класс. Нам очень помогали местные жители. Там мы прожили четыре года и осенью 1945 года вернулись в Киев.

В эвакуации мы узнали, что мой отец, Черкацкий Лев Теодорович, был расстрелян в Бабьем Яру Киева.

Махат Евгения родилась 26 декабря 1932 года в городе Витебск. Мать Индер Бейла, отец Махат Григорий, сестра Раиса, братья Аркадий и Михаил. Закончила педагогический институт. Муж Дронь Сергей, сын Юрий, внук живут в Израиле. Репатрировалась в 1991 году.

До войны я окончила 1-й класс. Когда началась война, я с семьей (бабушка, мама, сестра и два брата) бежали на восток, оставив квартиру и все, что родители нажили к этому времени. Надели на себя одежду, сколько можно было, и взяли ручную кладь по силам. Это было 6 июля 1941 года. Старшей сестре было 16 лет, брату 14 лет, младшему брату 3 года. Мама несла его на руках и бабушка держалась за маму.

Целый месяц под бомбежками на открытой платформе ехали на восток. При сильных бомбёжках нам приказывали оставлять эшелон и бежать в поле, в кусты. Были раненые. Когда заканчивалась бомбёжка, машинист паровоза гудками сигнализировал возвращение.

Наконец прибыли в город Калинин (сейчас Тверь). Нас устроили в школу. Накормили, дали впервые хорошо помыться и через несколько дней отправили на пароходе по Волге до Казани. Оттуда кого на машинах, кого на подводах развезли по колхозам. Мы попали в чувашскую деревню. Я два месяца училась во 2-м классе чувашской школы.

Мама хотела добраться до Челябинска, где жила родная сестра отца. Мы поехали туда в общем вагоне пассажирского поезда. В Челябинске нас не прописали и отправили дальше в деревню Баксары, станция Лебяжья Челябинской области (сейчас Курганская).

Старшие работали в поле. Я продолжала учиться. Летом ученики работали на сельхозработах. Здесь я окончила пять классов. По окончании войны в августе 1945 года вернулись в Витебск (без бабушки, она умерла от голода в 1943 году).

На месте нашего дома нашли руины. Две недели мы спали на лестничной площадке разрушенного дома, стараясь чтобы нас не заметили. Потом купили угол 2,5х2,5 метров с металлической кроватью в полуподвальном помещении. Там было 10 семей. Месяц было нормально, потом пошли дожди и подвал затопило по колено.

Мама и сестра уже работали, брат учился в ремесленном училище и жил в общежитии. Сестра работала в конторе. Нам разрешили здесь ночевать. Спали на столах, а днем расходились, кто куда. Я шла в школу. Наконец сестра нашла работу в городе Орша с комнатой в общежитии, и мы туда переехали в феврале 1946 года. Когда я получила паспорт, устроилась на работу в вышивальную артель. В Витебск вернулись в декабре 1949 года.

Метлицкая Людмила родилась 22 января 1938 года в город Гомель. Мать Фейга, отец Николай, бабушка Гита, брат Анатолий. Закончила торговый институт, работала начальником отдела. Муж Метлицкий Леонид, сыновья Вячеслав живет в Канаде и Вадим живет в Израиле, внуки Даниэль, Шон и Елена, правнучка Кая. Репатрировалась 22 января 1990 года.

Война, как у многих жителей нашей далекой родины, согнала нас из семейных гнезд. Наша семья, мама, бабушка, я (3 года) и младший братик (2 года), последним поездом двинулись на восток вглубь России из города Гомель. В моей памяти нет четких воспоминаний о событиях этих военных лет. Обрывки отдельных событий набегают, как рваные облака в ненастную погоду.

Было очень голодно и холодно. Запомнился случай, когда в комнате, где мы жили, было очень холодно. Мама посадила нас в чан для нагрева воды, который был встроен в печь, и немножко протопила его. Так мы грелись в холод. Всегда хотелось кушать. Мама иногда приносила очень вкусные ломтики хлеба - это был наш праздник.

Папа был на фронте. О нем мы ничего не знали до 1944 года. В конце войны, я помню, он нашел нас. Когда ему дали отпуск после ранения, он приехал и привез нам в вещевом мешке много еды.

В памяти сохранилось только одно - голод, желание что-то покушать и зимние сырые погоды Махачкалы. Кое-какие вещи, которые мы привезли с собой, бабушка променяла на еду. Никаких карточек на хлеб мы не получали. Единственное, чем мы питались, это еда, которую мама получала на фабрике и приносила эти пайки домой. Этим мы питались - четыре человека на один обед.

Помнится случай, когда мама послала меня к соседке, местной жительнице за чем-то. Я зашла к ней в дом, а она вынимала из печи свежий хлеб. Так захотелось кусочек хлеба, но она ничего не дала. Я вышла на улицу и плакала, наверно, от жестокости людей. Было мне очень больно. Так в голоде и холоде прошли годы до окончания войны и возвращения домой в Гомель.

Метлицкий Леонид родился 31 марта 1932 года в городе Минск. Мать Рива, отец Уда, сестра Неля. Закончил Минский политехнический институт, работал начальником строительно-монтажного управления. Жена Людмила. Репатрировался в 1990 году.

Утро 22 июня 1941 года. Проснулся очень рано в радостном ожидании. Сегодня в 12 часов дня приезжает в отпуск отец, призванный в январе 1941 года на службу в кадровую армию. Это ожидание нарушил взволнованный голос матери, разговаривавшей с соседкой. В их разговоре звучало страшное слово - войне. Такое незнакомое в мирной жизни слово. Во второй половине дня почтальон принес телеграмму от отца: «Уезжаю на фронт. Берегите себя», и целых два с половиной года мы не знали о нем ничего. Жив ли?

А в городке Мена, где мы жили, что на Черниговщине по центральной улице во всю ширину булыжной мостовой вышагивала длинная колонна мужчин, молодых парней и постарше. Был слышен только нечеткий шум шагов да плач и возгласы женщин: жен, матерей, и детей, семенящих по обочинам дороги.

Еще через несколько дней по ночам слышался непрерывный грохот тяжелой техники и цоканье лошадиных копыт, наверно, конная тяга артиллерии.

В середине июля было объявлено, что желающим уехать предоставят транспорт, большие телеги, запряженные парой лошадей. Каждая телега на три семьи. Погрузив какие-то вещи, собрались вечером на площади города, чтобы с рассветом двинуться к паромной переправе на реке Десна, что в 10 километрах от городка. Но ночью небо над переправой озарилось бегающими лучами прожекторов, спускающихся осветительных бомб, разрывы снарядов и трассирующих пуль. Мелькали силуэты самолетов, попавших в лучи прожекторов. Бомбежка с перерывами шла целую ночь.

Рано утром объявили, что переправа разрушена, но железнодорожный мост цел. И нам, кто желает, было предложено срочно ехать на вокзал. Разрешили взять с собой только один небольшой чемодан и еду. Все остальные вещи оставить в повозках. На железнодорожных путях стоял состав с товарными вагонами. За ним военный санитарный поезд, который увозил с поля боя раненных. До фронта было, как говорили, 30-40 километров. Это был последний поезд. Мы тронулись в путь. Но спустя некоторое время на подходе к узловой станции города Бахмач, появились немецкие самолеты, бомбившие станцию и железнодорожные пути. Составы остановились. Три самолета сделали разворот, развернулись и на бреющем полете буквально над составами, так что были видны кабины с пилотами, поливали составы пулеметным огнем. Кто-то из эвакуированных выпрыгивал из вагонов, чтобы укрыться от пуль в посадках вдоль железнодорожного полотна. Кого-то настигали пули, слышались призывы о помощи. Обстрел окончился так же быстро, как и начался. Раздался гудок паровоза и состав начал двигаться. Кто-то успел вернуться, кто-то отстал от поезда, кто-то остался там навсегда.

Не останавливаясь, поезда проскочили Бахмач и затем въехали в крупнейшую железнодорожную станцию Конотоп. Десятки железнодорожных путей на станции были забиты составами с военной техникой, горючим и военными. Поезд вместе с санитарным

составом проскакивает станцию под звуки сигналов воздушной тревоги и сразу за нами налет немецкой авиации. К небу вздымается стена огня и дыма. Утром состав остановился, и мы через открывающиеся двери выходим на пустой перрон вокзала. Вдоль перрона стоят красноармейцы - комендантский патруль. Стояла непривычная звенящая тишина, непонятная для такого страшного слова - Война. Через несколько минут появились красноармейцы с тележками, наполненными едой, которую раздавали перед каждым вагоном. Объявили, что через 40 минут состав отправится дальше. На подходе к Саратову была остановка на большой станции, где на путях стояли такие же товарные вагоны, наполненные людьми. Это вывозили местных немцев, живших на Поволжье, на север страны.

Последняя остановка город Ершов, где прибывших распределили по разным местам.

Нас, маму, меня и сестру, беременную женщину из нашего городка, жену военного летчика, тетю Нюру, которые поженились за год до войны, и еще пять семей в глубинку района деревню Красный Кут. Эта деревня растянулась на несколько километров вдоль широкой реки с крутыми обрывистыми берегами, изрезанными глубокими оврагами, заросшими кустарником со смешным названием «Малый Узек».

Нас, поселили в пустующей избушке из глиняных блоков и крышей из камыша на самом берегу с крутым спуском к реке. Избушка - это светёлка 20-25 кв. метров с большой кроватью, русской печкой и полатями. Поначалу колхоз выделил немножко зерна и капусты. Мама пошла работать в колхоз. Через некоторое время тете Нюра родила мальчика и тоже пошла работать. Быстро прошла осень и внезапно вошла в жизнь зима с сильными морозами, ветрами и снегом, занесшим наше жильё до крыши. Мы должны были откапывать выход на улицу и окна от снега. Я носил воду из проруби в реке по крутому склону берега. Чтобы добраться до проруби, сперва протапывал в глубоком снегу тропинку и по ней тащил ведро. Пока добирался до дому половина ведра проливалась на одежду, которую сразу же прихватывало морозом и в этом ледяном панцире добирался до дому. И так несколько раз в день. Печь топили соломой или стеблями из подсолнечника, за которым мы с мамой ходили с саночками. Стебли увязывали веревкой и тянули домой. Поле подсолнечника было далеко от села.

Наше «благополучие» нарушила болезнь ребёнка. У него началась падучая - эпилепсия. Вдруг он закатывал глазки, выгибался дугой, изо рта шла пена. Взрослые были на работе, лекарств и врача не было. Зрелище было страшное. Так продолжалось какое-то время, ребенок таял на глазах. Говорили, что это от испуга беременной матери при обстреле. Вылечила его старая бабка, которую откуда-то привезли. Дело уже было весной. Она велела вытопить печь, всех выгнала на улицу и что-то делала с малышом. После трех сеансов эпилепсия прошла. Забегая вперед, я встретил Нюру в 1948 году, мальчик Валера вырос здоровым и не болел.

На трудодни, которые заработала мама, дали немножко зерна и кусочек засоленной ноги - коровы или лошади, зарезанной из-за нехватки кормов. Наступила весна 1942 года. Когда я пошел на речку к проруби, я стал очевидцем ледохода. Потрясающее и ужасающее зрелище.

Ну, а мы, пацаны из деревни, занялись житейскими делами. Выковыривали из толщи льда вмёрзшие рыбины. Пировали несколько дней. Это был праздник.

Нас, мальчишек, кто покрупнее, взяли на работу, освободив от учебы, сажали картошку, ухаживали за уцелевшими после зимы, помогали на посевных работах с трактористами,

которых еще не призвали на войну. С приходом весны появилась зелень: крапива, лебеда и другая съедобная трава.

Перекапывали прошлогодные картофельные поля, иногда находили мерзлые картофелины. Мама варила супы из зелени и этой картошки. Стало веселее.

Началась уборка зерновых. Нас послали на складирование соломы после комбайна. Это работа делалась при помощи конных граблей, одноосной телеги с металлическими колесами и изогнутыми зубьями из металлических прутьев. На оси было сиденье для одного рабочего. Поскольку нам была эта работа не под силу, то работали по двое. Один пацан, сидя на лошади, управлял ими. Я, когда набирался вал соломы, останавливал работу, и мы, вдвоем, поднимали за рычаги зубья граблей. Вал соломы оставался и мы двигались дальше. И так целый день во время уборки зерна. Поле находилось далеко в степи, ночевали в вагончике на полевом стане вместе с колхозниками, в основном женщинами. Из еды запомнилась каша, какая-то с синевой, два раза в день. Иногда давали по стакану молока. Но так уставали, что и кушанье не хотелось, только бы поспать. Ночью в степи завывали иногда волки. В один из дней с еще одним мальчиком попросились домой посетить своих мам и близких. Нам показали, куда идти, и мы пошагали напрямую через степь. До села было далеко. По пути мы проходили поле, где уже убрали горох. Мы на ходу нашли немного стручков гороха. Как вдруг увидели, что в нашу сторону приближается сторож-объездчик полей. Мы знали, что за сбор колосков наказывали, и мы бросились удирать. Он уже почти настигал нас, но рядом с полем были заросли колючего кустарника. Мы влетели в него. Лошадь не могла продвигаться по кустам, и он с угрозами отстал от нас. Мы, исцарапанные колючками, пришли домой. Вытаскивали колючки долго, на теле было много нарывов. Ну и добыча килограмм - полтора стручков гороха того стоила.

Так прошло лето 1942 года. Картошка и бахчевые засохли. Еле собрали зерна на посевную следующего года. Надвигалась зима 42-43 годов. Маме на трудодни дали немного зерна и часть засоленной лодыжки от зарезанной коровы или лошади. Это на всю зиму. Выпал снег, а топлива еще не заготовили. Мама выпросила в колхозе сани с лошадью. Я остался дома, а мама поехала в поле нарезать подсолнечника. По дороге лошадь испугала собака, выскочившая из-под воротни. Лошадь пошла галопом вразнос, заскочила в какую-то яму. Сани перевернулись. Мама ударилась, потеряла сознание, пролежала на снегу, обморозила ноги, еле добралась домой. На следующий день поднялась температура, воспаление легких. Лекарств в медпункте не было. Отпаивали травами. Обменял последние вещи на два литра молока, отпаивал её. Топить было нечем, ходил на околицу и в оврагах собирал сухостой, потом таскал вязанки сухостоя по глубокому снегу. Мать болела долго. Я думаю месяца полтора. Ходил в правление колхоза, просил какой-нибудь еды. Дали кусочек солонины килограмма два и чуточку ячменя. И это все до весны.

Наступала весна 1943 года. Есть было нечего. Пили много чая из трав и сладкого корня, от которого начались отеки ног. Меня научили ловить сусликов. Это зверек, как большая крыса, но он ест только зерно. Но вместе с тем он переносчик туляремии - заболевание глаз, от которого слепнут. В норку, где он живет, заливали одно-два ведра воды. Суслик выскакивал из норки. Надо было рукой схватить его и убить, шлепнув об землю. За день добывал одного-двух сурков. Приносил домой и мы с мамой жарили его на вертеле. Был настоящий пир.

Колхоз как-то пришел в упадок. Мужчин не было, техника разваливалась. Наступила зима 1943 года. Колхоз на трудодни почти ничего не дал. В это время нас через какой-то центр

отыскал отец. После тяжелой контузии, ранения он находился на излечении, где-то около Новосибирска. И по дороге на фронт ему разрешили на сутки приехать к нам. Ему было тогда 35 лет. В полевой военной форме, с пистолетом, двумя боевыми орденами, капитан артиллерии. К нам, в избушку, повалили народ. Все хотели знать, как там на фронте? Для общения с нами почти не оставалось времени. Папа привез в вещмешке еду: две булки вкусного хлеба, консервы, пачку кускового сахара и большую селедку, которая называлась «волжский залом». Очень жирная, вкусная и большая. Обсасывали каждую косточку. Сутки быстро прошли и отец уехал воевать до победы.

В конце октября 1943 года мама решила переехать в город Ершов. На попутных санях, груженных соломой, в сильный мороз мы преодолели длинную дорогу. По дороге я чуть не замерз, меня завернули в какое-то одеяло и зарыли в солому. Сначала было тепло, но затем начали сниться какие-то сны, что лето, солнышко. Издалека мне как бы слышались голоса. Я почувствовал, что меня тянут куда-то, двигаться я не мог. Весь был как деревянный. В избушке, куда меня затащили, раздели и начали растирать, короче, откачали.

В Ершове мама устроилась на работу с окладом в 600 рублей. Помню, это цена одной булки хлеба. На карточки давали по 150 граммов хлеба на человека и три литра чая, заваренного на солодковом корне. К празднику 7 ноября на карточки нам дали почему-то бутылку водки. В школу я ходил чисто условно, голод не давал сосредоточиться. Единственное, что меня удерживало, на последнем уроке давали булочку, которую я относил сестре. Посиневшая от голода, с отеками она лежала на кровати, почти не вставая. В доме, где мы снимали угол с двумя кроватями, был страшный холод. Углы комнаты были покрыты инеем, на окнах лед. В углу горела керосиновая лампа, полусумрак. Жили мы недалеко от станции и иногда мы с мамой договаривались встретиться на вокзале. Однажды, в один из таких походов, стоя на перроне, увидели останавливающийся поезд, из которого на перрон вышло много военных. Один из них спросил маму, где можно купить водку и еще сказал, что дает за бутылку три булки хлеба, а так же, что поезд будет стоять не менее двух часов. По взгляду мамы я понял, нужно принести бутылку. Я побежал домой по глубокому снегу в мамином длинном пальто. В каких-то не по размеру старых валенках, подаренных квартирной хозяйкой, а в голове рисовалась картина: наедемся хоть раз за эти годы вдоволь хлеба. Но когда я вернулся, увидел пустой перрон и на нем плачущую мать. Стало очень тяжело, хотелось плакать, но я же мужчина в семье. И не слезинки не упало из глаз.

В начале 1944 года нам дали разрешение на возвращение домой. Оформление документов и подготовка заняло время и в начале апреля 1944 года мы тронулись в путь. На дорогу мама собрала две булки хлеба, сухари и немного какого-то маргарина. Мы возвращались в попутном переполненном полутемном товарном вагоне «теплушка» с печкой посреди вагона с маленьким баулом и коробкой со снедью, кружкой и чайником. По дороге поезд останавливался, кто-то выходил, кто-то садился. Мы протиснулись к печке и заснули. Когда проснулись, то обнаружили, что у нас украли еду. Двое суток ехали голодные. На станции, кажется, «Белополье» всех высадили из вагона. И мы заночевали на вокзале где-то на полу. Мама пошла к коменданту с документами. Ей дали талоны и мы несколько дней провалялись на станционном полу. Так и не дождавшись мест в попутных вагонах, мы залезли на переходную площадку товарного поезда. По мере приближения к месту, менялся пейзаж. Разрушенные войной станционные строения и водонапорные башни, где-то разрушенные дома. И цветущая и благоухающая весна... Мы возвращались домой.

Молдованская Гетилия родилась 6 июня 1937 года в городе Житомир Украина. Мать - Боем Хая, отец - Боем Ицык, сестра Люся. Окончила медучилище по специальности фельдшер-акушер. Муж Молдаванский Борис умер в Израиле в 2005 году. Сын Леонид, дочь Клава живут в Израиле. 3 внука, 1 правнук. Репатриировалась 22 ноября 1990 года.

В 1941 году в начале Великой Отечественной войны, в возрасте четырех лет, я с матерью и младшей сестрой, полгода отроду, вынуждены были бежать, бросив и жильё, и имущество, спасая жизнь.

Было всё: и страх, и бомбёжки, и голод, и холод. Оказавшись в городе Астрахани на Волге, от голода и лишений все тяжело болели, младшая сестра чудом осталась в живых.

После войны вернулись в Житомир, где у нас уже ничего не было: ни жилья, ни имущества.

Такие тяжёлые испытания, которые нам довелось пережить, не могли не сказаться на нашем здоровье. Отец вернулся с фронта с обмороженными ногами и вскоре умер от гангрены. Мать тоже ушла из жизни рано в 38 лет.

Вот, что пришлось пережить мне и моему поколению.

Нудельман Александр родился 10 июня 1937 года в селе Морковка Винницкой области Украина. Мать Бина Мошковна, отец Мойша. Было три брата и две сестры. Старший брат Муся был убит на фронте, других звали Ицьк и Эршул. Сестры Ита и Рая. Закончил заочный машиностроительный техникум и Московский институт химического машиностроения, работал на Московском фармацевтическом заводе, был начальником цеха. Жена Мария Голод. Сын Мойша и трое внуков Ольга, Сеня,

Арина. Репатриировался в 2010 году.

Я находился в Крыжопольском гетто с 1941 года по 1944 год. Находились в жутком состоянии. Немцы и националисты-украинцы постоянно нас избивали. На моих глазах украинец разбил голову пожилому человеку - ребе. Дом наш полностью был разграблен. Ночью нас должны были расстрелять, но мы вовремя сбежали. Нас было пятеро детей: я, два брата и две сестры.

Моего отца и старшего брата в начале войны забрали на фронт. С нами осталась одна мать.

Омельченко Ирина родилась 12 апреля 1942 года в городе Томск. Мать Мария, отец Давид Мельчер, бабушка Юда Иосифович Мельчер, братья Лева и Максим (умер). Муж Петр, сыновья Владимир и Валерий, внуки Ксения, Дарья, Давид, Даниил, Лерон, Офра, правнучка Шанитэль. Закончила медучилище, работала фельшер-акушером. Репатрировалась в 1998 году.

До войны семья жила в Москве. Отец работал кузнецом на заводе, был ударником стахановского движения. В 1941 году маму и папу эвакуировали из Москвы в Сибирь в город Томск. В Томске они жили очень тяжело, голодали. В 1942 году мама родила меня. Молока не было, кормили меня очистками от картошки, ботвой от свеклы.

Семья отца во время войны осталась в своем родном городе Керчь, который оккупировали немецкие войска. Когда гитлеровцы объявили о так называемой «эвакуации» евреев в Германию, старики, связав узлы, вместе с невесткой Зиной, женой старшего брата Исаака, и ее пятью детьми вышли, как все другие евреи Керчи, из своего дома. Вышли, чтобы никогда не вернуться... Свыше семи тысяч невинных людей было злодейски убито в Багеровском рву. Как рассказывали случайные свидетели - земля шевелилась над еще живыми людьми.

Оставшиеся в живых, братья отца вызвали его с семьей в Керчь, куда мы и переехали. Жили там до моей репатриации в Израиль.

Орловская София родилась 2 марта 1938 года в городе Одесса. Мать Злата, отец Шмуэль расстрелен. Закончила мукомольно-элеваторный техникум, работала в Пароходстве инженером. Муж Житомирский Борис живет в России, дочери Анна живет в Одессе и Света живет в Израиле, 5 внуков. Репатриировалась в 1996 году.

Я, Орловская София на идыш Суры, родилась 2 марта 1938 года в хорошей еврейской семье в городе Одесса, но бабушка и дедушка родились в местечке (штейтел), которое называлось Китайгород и поселились тогда, когда евреям разрешили жить в больших городах. Умерли они в Одессе. Могил их нет, их снесли, и на том месте сделали садик.

Вскоре грянула война, она положила конец всем мечтам. Мне было два с половиной года. Немцы очень быстро захватывали территории, бомбили - это был настоящий ад. Вырваться из города было невозможно, город был окружен немецкими войсками. Оставалась одна надежда на пароход, на котором мы успели уехать. Папу вызвали в военкомат, и больше мы его не видели. Был и другой пароход, на котором ехала жена капитана, но случилось несчастье, тот пароход напоролся на мину. Много людей утонуло, в том числе и жена капитана судна, спаслись те, кто умел плавать. Нам удалось спастись, и мы доплыли до Новороссийска. Оттуда мы уехали в Оренбург, постепенно начинались холода. Одеть было нечего и кушать тоже. Маме предложили работу - лопатить пшеницу, это было невыносимо. Стало так холодно, что мать на улицу уходила и одевала моё одеяло. По дороге моя мама познакомилась с одной супружеской парой и они рассказали нам, что близко Средняя Азия, там теплее, есть фрукты и мы решили уехать туда.

Действительно, там оказалось намного лучше. Нашли угол в однокомнатной квартире, где жили в одной комнате четыре семьи. Каждая семья имела свой угол. На улице сделали, как бы, печку. Керосин был очень дорог, собирали дубовые засохшие веточки и так варили.

Тут великая радость - мама встретила одного дальнего родственника, и он помог маме устроиться в театр. Она работала в гардеробе и помогала устанавливать декорации. Днем брала меня с собой.

Это было днем, а ночью она и моя любимая тетя Лиза устроились на швейную фабрику и шили гимнастерки для фронта. Тетя Лиза самостоятельно научилась шить и с 12-ти лет обшивала нас. Тогда на фабрике на её машине стоял красный флажок. Это означало - передовик. Мне моя любимая тетечка шила платья до 16-ти лет.

Так прошло почти четыре года: скитания, голод. Но только было счастье не слышать выстрелов. И вот, о, радость, вдруг объявляют, что Одесса освобождена.

Мы приехали в Одессу. Много домов было разрушены, многие окна без стекол. Ходили по улицам бездомные, голодные. Опять мама встречает одного родственника, который дал нам ключи от своей квартиры, где мы могли пожить.

Нам рассказали, что было в Одессе во время оккупации. Немцы входили во дворы и сразу спрашивали, где евреи. Если находили, расстреливали сразу (это старых), а молодых угоняли в гетто. На дверях квартир рисовали свастику. Это означало, что квартал осматривен, евреев нет.

Когда приехал родственник с семьей, к маме подошла соседка по лестничной площадке и сказала, что тут, в доме, живет женщина, которая боится, что её посадят за связь с немцами. Можно дать ей денег за комнату. Так мама сделала, и комната стала нашей. Там мы прожили 27 лет. В этом доме жила коммунистка, которая нас, детей войны, пропускала в театр без билетов.

То, что я написала - эта маленькая капля пережитого. Разве можно описать весь тот ужас. Прошло много лет, но по сей день я не могу простить Германии, которая забрала у меня отца.

Пантофель Пиня родился 3 января 1931 года в городе Киев. Мать - Хана Менделевна, отец - Абрам Шулемович, бабушка Этя, дедушка Мендель, тетя Шейндл. Закончил электротехнический институт, работал инженером. Жена Шпигель Батья, дочь Евгения, внучка Стелла живут в Израиле. Репатриировался в 1990 году.

В 1934 году мы переехали в город Одесса и жили напротив приморского парка на улице Энгельса (бывшая Марозлийская) дом № 2, угловой дом рядом с левым входом в парк.

Когда началась война, мне было 10,5 лет. Фашисты бомбили Одессу регулярно с 23-х часов вечера и кончали в 4 часа утра, сбрасывая на город тысячи зажигательных и фугасных бомб малого размера. Женщины и дети носили воду и песок на чердаки домов, большей частью на 4-й этаж, оказывали помощь раненым.

Пути выезда из Одессы были отрезаны, для эвакуации оставалось только море с большим риском для жизни. 28 июля 1941 года от причала Одесского грузового порта отправлялся караван из пяти судов. Во главе каравана шел флагман Черноморского флота теплоход «Владимир Ленин», пароходы «Клим Ворошилов», «Абхазия», «Туапсе», «Крым».

Наша семья состояла из пяти человек: бабушка, дедушка, тетя, мама и я. Как семья военнослужащего, получила разрешение пройти на посадку. Вещей у нас никаких, только два одеяла и документы. Мы поднялись на борт парохода «Клим Ворошилов». Этот пароход дореволюционной постройки имел три трюма и перевозил уголь. По деревянным сходням спустились в трюм. Всего на этом пароходе было около 1200 человек стариков, женщин и детей. Нас предупредили о правилах светомаскировки и сказали, что будем плыть только в темное время суток. В трюмах мы сидели на ящиках по очереди. Еда была скудной: 200 грамм хлеба взрослому и 100 грамм на ребенка, и ограниченное количество пресной воды. Плавание проходило сравнительно благополучно в течение 7-8 суток. Недалеко от Ялты на нашем пароходе отказали паровые машины, тогда нас взял на буксир теплоход «Ленин». Так мы и пришли на буксире в Ялту. «Ленин» стал принимать дополнительно раненых и беженцев. Теперь на его борту стало 2500 пассажиров. Примерно 6-го или 7-го августа мы вышли из порта Ялта на буксире после наступления темноты. На нашем пароходе «Клим Ворошилов» лихорадочно ремонтировали паровые машины. Около 23 часов наши машины начали работать. С «Ленина» обрубали буксир, и он медленно стал отходить от нас. Прошло около 40-50 минут, мы шли в фарватере. В это время я вышел из трюма за водой и находился на палубе.

Раздался оглушительный взрыв, на расстоянии нескольких километров от нас вспыхнуло огромное пламя, освещающая ярко корпус теплохода «Ленин». Его две мачты стали сходиться вместе и в течение семи минут теплоход ушел под воду. Вдали

раздавались душераздирающие крики: «Помогите! Спасите!»

А на нашем пароходе поднялась страшная паника. Люди хлынули из трюмов, несколько человек через поручни вылетели за борт. На наш пароход было поднято около 250 человек, живых и раненых. И на теплоход «Абхазия» тоже подняли примерно 250 человек. В общей сложности из 2500 человек было спасено 500. Наш пароход зашел обратно в Ялту. Там мы собрали одежду для пострадавших. С наступлением темноты мы вышли в море. Через четыре дня «Клим Ворошилов» вошел в порт Новороссийск.

После того, как наша семья добралась до Новороссийска, перед нами стоял вопрос, куда и как продолжать путь. Порт Новороссийска был целиком накрыт маскировочными сетями. Звуки сирен воздушной тревоги звучали все чаще. Толпы людей перемещались к составам «телячьих» вагонов. На наше счастье в это время, когда мы сошли на берег и стояли рядом с пароходом, проходил военный комендант порта, за которым тянулась толпа людей с документами. Когда комендант увидел мою тетю, он воскликнул: «Шея, это ты?» Это был хорошо знакомый Губерман, который учился с тетей в Водном институте. Он крикнул: «Стой здесь, я тебя отправлю!»

Примерно через десять дней мы добрались до Сталинграда. Дедушка сказал: «Сюда немцы не доберутся». Тетя ответила: «Что мы будем одевать, у нас нет одежды. Здесь морозы -40 градусов». А люди едут в тыл. Наш дедушка вспомнил, что после НЭПа из Брацлавы (Виницкая область) уехал в Ташкент Янкель, шапочник по профессии (кержнер, кожевник). И мы направились на эшелон, следующий в Ташкент. В теплушках мы две недели добирались до Ташкента. Голодные и истощенные увидели на привокзальной площади восемь тысяч таких же людей, как мы, сидящих на чем попало. Всех беженцев отправляли в разные города республики.

Если сейчас Ташкент огромный город с населением более 2,5 миллионов человек, то тогда в 1941 году там проживало 170 тысяч. Нам удалось найти Янкеля. Он дал нам комнату, в которой по периметру поставили пять железных кроватей. Начались дожди, крыша текла, мы спали под зонтиками. Денег у нас было очень мало. Еду покупали на базаре, цены были очень высокие. Жить становилось все труднее. Кроме всего, милиция ходила по домам и направляла в другие города.

Мама устроилась работать на паровозо-вагонный завод. Из рабочей столовой приносила немного еды. Наступил ноябрь 1941 года, не было еды и одежды. Тетя Шея нашла работу бухгалтера в колхозе «Кзыл Узбекистан», в 12 километрах от города. Главный бухгалтер Азим Очиллов разрешил временно жить в его большом доме. Была предоставлена комната с нишами. Она находилась на первом этаже в стороне от жилья хозяина. В этом дворе жил рабочий по имени Аминтай. У него в семье было трое детей.

Мы с бабушкой были вдвоем, когда в комнату буквально ввалился крепкий узбек. Это был Аминтай. Под мышкой он держал четыре острых деревянных кола, а в руке был топор. Со словами: «Моя тебе кроват сделает» стал забивать колья в глиняный пол. Надо было видеть лицо моей бабушки, когда она увидела топор. Ведь она пережила много погромов. Аминтай принес доски, смастерил настил, принес три мешка соломы и сказал: «Ты здесь испишь»

Только в ноябре 1941 года я пошел в 4-й класс. Школа находилась в трех километрах от нашего жилья. У меня не было обуви. Я носил галоши разного размера. Уроки делал на деревянной доске, которая стояла в комнате вместо стола.

Мы с дедушкой ходили по пустым полям и искали остатки корнеплодов свеклы, картошки, моркови. Зима 41-42 годов была самой тяжелой. На карточки давали хлеб, который напоминал глиняный комок 400 грамм, но это было не каждый день, иногда раз в 3-4 дня. Я помню, что в течение трех дней мы ели шкурки от сушеных яблок, две горсти в день, а остальные дни в декабре 1941 года ели жмых.

Летом 42-43-44 годов мы, дети 11-14 лет, работали на подсобном хозяйстве детского костно-туберкулезного санатория, эвакуированного из Харькова.

В марте 1943 года пришла страшная весть: погиб муж тети Шели, Моисей Галицкий. В 1942 году он был ранен под Сталинградом, а после госпиталя вернулся на фронт. Погиб под городом Ровно, будучи командиром батальона.

Осенью 1944 года наша семья переехала в Ташкент. Я учился в шестом классе. После занятий шел на работу в электромастерскую, где ремонтировал электроплитки, утюги и другие электроприборы. Хозяин мастерской, инвалид войны, иногда давал костылем. Платил очень мало 50-60 рублей в день, в то время буханка хлеба из-под полы стоила 200 рублей. Мастерская находилась недалеко от входа на рынок. Мы видели, как у прохожих вырывали сумки, а «хапошники» на бегу вырывали прямо из рук хлеб, пирожок, другую еду. Инвалиды без рук, без ног просили милостыню.

Примерно через два часа к нам подошел военный моряк и сказал: «Идите за мной!» Мы шли довольно долго, в самый конец порта, где стоял эшелон из «телячьих» и пассажирских вагонов. Нас поместили в пассажирский вагон, битком набитый людьми. Эшелон следовал на Сталинград. Нас бомбили, особенно в начале пути. Мы выбегали из вагонов в поле и ложились на землю. Были убитые и раненые.

В нашей школе преподавал математику долговязый мужчина, еврей, звали его Гергард Эмануилович. Он страдал плохим зрением и видел только вблизи. Его одежда была в заплатах. Наша мужская средняя школа № 3 находилась в центре города. Ученики школы были из семей разного достатка. Одним нечего было есть, а другие (обком, райком) имели всё. Эти обеспеченные дети вели себя плохо, кричали, прыгали и так далее. Однажды, кто-

то, из учеников, сказал, что дочка учителя потеряла хлебные карточки на всю семью, и они почти голодают. В то время нам, школьникам, давали завтрак, пирожок или кусочек хлеба. Уборщица, тетя Даша, раздавала этот завтрак ученикам. Мы попросили, чтобы она не резала хлеб, а отдала нам целиком. Когда окончился урок, мы положили на стол учителя хлеб, завернутый в газету. Учитель взял журнал и хотел выйти из класса, ребята стали кричать: «Вы забыли сверток!» Он потрогал рукой и сказал: «Что это? Хлеб?» Ребята стали кричать: «Возьмите! Возьмите!» «Я не возьму» - ответил учитель. Весь класс вскочил на парты и стали кричать: «Возьмите! Возьмите!» и не давали ему выйти из класса. Наш учитель вынужден был взять хлеб, а мы видели, как на глазах этого человека появились слезы. До конца месяца, по нашей просьбе, тетя Даша относила причитающийся нам хлеб в учительскую. С тех пор на уроках математики стояла тишина.

Окончание войны 9 мая 1945 года, ликование на всех улицах города было огромным и беспредельно большим. Незнакомые люди целовались. На глазах людей были слезы радости, и горя тех, кто потерял родных и близких, не доживших до этих дней.

Мы остались жить в Узбекистане.

Пивень Генриетта родилась 22 февраля 1931 года в городе Одесса, бежали из Одессы в августе 1941 года. Мама Сайдановская Дина, бабушка Сайдановская Двойра, сестра Сима. Папины сестры Малина Елизавета и Бендерская Сара. Окончила техникум в городе Одессе. По направлению после учебы пришлось переехать в город Донецк, где работала бухгалтером. Муж Иван Евдакимович. Репатрировалась в 1999 году с сыном Всеволодом, который живет в Цфате. Внук Игорь живет в городе Киеве.

Мне было 10 лет, когда началась война. Мы жили в прекрасном солнечном городе Одессе, которую с первых дней войны стали бомбить. Пришлось бежать. Билетов на поезд нельзя было достать, и мы из Одессы до Сталинграда добирались на лошадях. Когда ехали, над нами кружили немецкие самолеты. Нас было семь человек: мама, бабушка в тяжелом состоянии, дедушкин брат, две сестры папы, тетин муж, моя сестра и я. Остановки были в деревнях, а спальным местом - стог сена.

Из Сталинграда уехали поездом до города Уфы. Здесь и похоронили бабушку. Добрались до города Стерлитамежа, где прожили три года в подвале все шесть человек. Сестра работала в артеле по производству защитных сетей для танков. Я ходила в школу.

В 1944 году в июле месяце возвращались через Сталинград, но города уже не было, одни развалины, было очень страшно. Самое главное был голод. Я спрашивала маму, когда кончится война, ты купишь целую буханку хлеба.

Вот мой родной город Одесса, куда мы вернулись только втроем. Он тоже был весь разрушен. Фронт от Одессы находился в сорока километров и, к сожалению, приходилось прятаться от бомбёжек, которые ещё продолжались.

Мой отец погиб на фронте. Дорогие потомки, это была страшная война. Я желаю вам никогда не забывайте тех, кому обязаны победой.

Побerezовская Стелла родилась 12 августа 1934 года в Москве. Мать - Грин Ольга, отец - Найтанзон Семен, бабушка - Коваль Клара, дедушка Найтанзон Натан. Окончила нефтехимический институт им. Губкина, руководитель группы. Дочь Алла живет в Израиле, 2 внуков. Репатрировалась в октябре 1990 года.

МОЯ ЭВАКУАЦИЯ

Война застала меня в летнем лагере в Подмосковье, куда вывезли на отдых детей из детского сада. Нас было много в возрасте от 3 до 8 лет, а мне неполных 7. Папа был мобилизован в первую неделю. Мама работала и не могла приехать за мной. Почти всех детей разобрали родители, персонал разбежался по домам, а с нами остались преданные нянечки, которые не могли бросить детей на произвол судьбы. Они раздобыли грузовик в ближайшем колхозе и стали развозить детей по домашним адресам. Мама схватила меня, грязную, голодную и обовшивленную. Первым делом накормила, потом срезала мои густые нечёсанные кудри, намазала голову керосином, выкупала в корыте, а мои вещички бросила в печь.

Ежедневно мама брала меня с собой на работу. Она была главным бухгалтером предприятия, которое не подлежало эвакуации, и оставалась военнообязанной всю войну. Начались бомбёжки, по дороге домой мы прятались в метро или в бомбоубежках, а если тревога заставляла нас дома по ночам, мама закрывала меня своим телом.

В октябре началась паническая эвакуация. Из Очакова (под Москвой) к нам приехали родители папы и я вместе с дедушкой Натаном и бабушкой Klarой в товарных вагонах уехали в город Гороховец Ивановской области. Ехали очень долго, дед выходил на каждой стоянке, чтобы принести горячей картошечки или чего-то вкусненького. Бабушка не отпускала меня от себя ни на шаг, чтобы «ребёнок» не потерялся.

Гороховец - маленький зелёный городок на берегу речки Клязьмы, притока Волги. Мы жили у хозяйки дома на 2-ом этаже в 2-х смежных комнатах. Дед работал на бумажной фабрике, он не мог выполнять тяжёлую работу, т.к. у него была паховая грыжа и он постоянно носил бандаж. Бабушка увидела у хозяйки швейную машину «зингер», попросила её для пользования, пообещав бесплатно обшивать хозяйку и её двух дочек. Я видела бабушку или у плиты или склонённой над швейной машиной. Она трудилась, чтобы «в доме была живая копейка и чтобы у ребёнка была кружка молока и свежее яичко из-под курочки». Я была свободна, как птица, никто меня не контролировал, дружила с мальчишками и однажды чуть не попала в беду.

Дети летом играли, купались и плавали на реке, доплывали до баржи и там,

свесив ноги, загорали, попом ныряли и возвращались на берег. Но я, городская девочка, барахталась у берега, со страстным желанием быть там вместе со всеми. Я видела, что некоторая малышня плавает, держась руками за пузыри, надутые из мокрых наволочек. Мне дали попробовать и я, работая ногами, отплыла на глубину и повернула обратно. Восторгу не было границ. Назавтра я попросила у бабушки наволочку, не объясняя зачем, и она, как экономная хозяйка, дала мне старенькую. Мой воздушный пузырь с треском лопнул между берегом и баржой, где гоготали ребята. Я стала лихорадочно бить руками и ногами и, о чудо! доплыла. Назад мне помогли выплыть мальчишки. Но я уже умела плавать и не боялась воды.

В сентябре 1942 я пошла в 1-ый класс. Дедушка приносил со своей бумажной фабрики обрывки какой-то бело-серой бумаги и сшивал мне тетрадки. На этой бумаге чернила расплывались, а кляксы сразу заполняли страницу и промокали на следующую. Училась я очень легко, особенно по арифметике. (Пригодились навыки от мамы - бухгалтера, когда она брала меня с собой на работу. Чтобы занять меня, она давала мне бланки с большими цифрами и деревянные счёты). Учительница учила нас устному счёту и говорила: «Стелла! Молчи!».

Во 2-ом классе к нам пришёл новый мальчик Володя Бухвалов и меня сразила первая любовь. Он сидел в среднем ряду перед учительницей на первой парте. Классы были переполненные, а он сидел один, т.к. слева у парты не было крышки. Я попросила учительницу посадить меня поближе, сказала, что плохо вижу с галёрки. Вот мы сидим рядом, но он не обращает на меня никакого внимания. Так я познала муки неразделённой любви.

За всё время нашей жизни в Гороховце мама смогла приехать к нам только 1 раз на неделю. Мы зачитывали до дыр папины письма с фронта и, наконец, весной 1944 года вернулись домой в Москву. Папа демобилизовался и вернулся домой в 1946 году.

***Поберезовский Ефим** родился 16 апреля 1931 года в городе Одинцово Московской области. Мать - Вайнер Ида, отец - Поберезовский Арон, сестра Ента. После эвакуации вернулись в Одинцово. Закончил 2-й московский медицинский институт по специальности - врач педиатор. Дочь Алла живет в Израиле, 2 внуков. Репатриировался в октябре 1990 года.*

МОЁ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Я родился и жил в ближнем Подмоскowie, в деревне Баковка Кунцевского района, с родителями и старшей сестрой. В июле 1941 мне было 10 лет, а сестре 18, она только что закончила школу. Папу мобилизовали сразу.

Когда в июле начались бомбёжки, одноклассница моей сестры приютила нас у себя в квартире в Москве, недалеко от Белорусского вокзала и метро. Каждую ночь мы спускались в метро. Там на рельсах устанавливались деревянные щиты, на них спали люди до 5 утра, а в 6 утра метро начинало перевозить пассажиров.

В октябре в Москве началась массовая эвакуация. Нас погрузили в товарные вагоны, переоборудованные для перевозки населения (нары у окон и проход посередине). Наш эшелон добирался до Ташкента целый месяц, больше времени простаивал, пропуская более важные поезда. В дороге я простудился, лежал с высокой температурой. В Ташкенте меня положили в больницу с крупозным воспалением лёгких. Когда я пришёл в себя, то был поражён белизной и чистотой вокруг, добрым отношением, вкусной горячей пищей, а главное, соседством милой девочки в нашей большой детской палате. Но, когда я проснулся на следующий день, девочка исчезла. Из разговоров нянечек я понял, что девочка никогда не вернётся. Я плакал, уткнувшись в подушку. Вот тогда в меня вселилась мечта. Я стану детским врачом, буду бороться за здоровье детей и никогда не дам ребенку умереть.

Мою маму и сестру приютил в своём доме ташкентский извозчик и, когда меня выписали из больницы, мы отправились в город Андижан, где уже жила семья родственника. Но они жили в таких условиях, что принять ещё 3 человек не смогли. Мама и сестра отправились искать какое-либо пристанище, а меня посадили с вещами ждать. Я был ещё слаб после больницы, устал и не заметил, как уснул. Когда сестра растрясла меня с криком: «Где вещи?», я понял, что нас обокрали. Нас поселили в андижанской мечети, в огромном молитвенном помещении, где разместились ещё 20 семей. Каждая семья отделялась простынями.

Мама устроилась работать нянечкой в поликлинике, а сестра рабочей на Военном заводе. Я учился в школе и занимался домашним хозяйством. Из мечети мы перебрались в глинобитную палатку. Это была уже «своя квартира» с земляным

полом и дырами на крыше, все вещи и постели мы укладывали в ниши в стенках палатки, а на пол ставили корыта и кастрюли для сбора дождевой воды.

Нас очень поддерживали письма папы с фронта (он перенёс несколько ранений, лежал в госпиталях), хорошие вести по радио и огромное желание скорее вернуться домой, что мы и сделали весной 1944 года, когда Военный завод, где работала сестра, вернулся в Москву.

В нашем доме жили чужие люди, вся мебель была распилена на дрова. Быт пришлось начинать заново.

Я соорудил во дворе турник, каждое утро «качал мышцы», перекопал весь огород, посадил картошку, и в голодный 1946 год мы были сыты. А потом посадил много фруктовых деревьев. Все люди были счастливы ощущением великой победы. И папа вернулся домой в декабре 1944 года. Так закончилось моё военное детство.

***Полонская Алла** родилась 6 февраля 1942 года в городе Челябинск. Мама Фрейдина Сара, папа Броун Абрам. Закончила Белгородский пединститут по специальности преподаватель русского языка и литературы. Муж Полонский Рафаил умер, сыновья Григорий, Анатолий и Александр живут в Израиле, внуки Рафаил, Лирон, Илан, Мишель. Репатрировалась в 1990 году.*

Война коснулась всех, каждой семьи в СССР.

Мои родители и мамин брат эвакуировались из города Кировограда (Украина) последним эшеленом. Мама была беременна мной. Эвакуировались сначала в станицу Вешенская (родина Михаила Шолохова), а потом в Челябинск.

Папа работал практически сутками на военном заводе. Поселились в коммунальной квартире, в которой жили четыре семьи. Нам досталась бывшая общая кухня. Не было ни одежды, ни постелей, ни еды.

Я родилась 6 февраля 1942 года. Мой дядя (папин брат, военный) узнав о моем рождении, написал письмо. Оно долго хранилось в нашей семье, я его читала много раз, уже будучи подростком. Там были такие строки: «Пусть год рождения твоей дочери станет годом гибели Каннибала 20 века.»

Я росла в любви, но в очень стесненных обстоятельствах: не было пеленок, распашанок и другой одежды. А позже ни игрушек, ни книжек. Мама переписывала в библиотеке в тетрадь (я помню странное её название «Зошит») детские стихи. Я знала наизусть в полтора - два года стихи Барто, Маршака, Михалкова, так как начала хорошо говорить в один год. Как любили шутить: «назло всем врагам».

Помню, как плакала мама, получив письмо из родного города о гибели своих родителей. Погибли и папины родители. Я утешала маму, обещав убить Гитлера.

Игрушек не было никаких, в шумные детские игры я долго не играла, как и все дети войны. Поэтому я очень рано повзрослела и помогала маме в воспитании своей сестрёнки, которая родилась в 1945 году.

Когда я была уже много лет замужем, имея двух сыновей, по дороге в отпуск на море, я уговорила мужа заехать в Кировоград (родина родителей). Папин двоюродный брат повел меня на улицу Гоголя (я помню адрес) в дом маминых родителей. Во дворе стояла пожилая женщина, которая, приняв меня за маму, бросилась ко мне с криком: «Сарочка, Сарочка, наконец-то ты вернулась!» Я была в шоке. Так аукнулась мне война. Я много потеряла, не имея ни бабушек, ни дедушек. Как я завидовала своим школьным подружкам, которые на каникулы уезжали в гости к своим бабушкам и дедам. Многое в жизни было потеряно.

Сейчас я здесь в Израиле, в своей стране, с детьми и внуками. Старшие сыновья призывались много лет как резервисты. Младший сын и старший внук достойно отслужили в армии обороны Израиля. Младший внук служит сейчас. Все они патриоты нашей маленькой Родины.

Я надеюсь, что то, что пережили мои родители, их родители, и мы, дети войны, никогда не повторится.

Пономарёва Тамара Андреевна (девичья фамилия Бурмистрова) родилась 15 августа 1937 года в городе Ташкент. Отец Бурмисторов Андрей Васильевич (1896 г.р.), мать Любарская Фрида Михайловна (1902-1986), брат Владимир, сестра Элеонора, бабушка Любарская Анна Марковна. Закончила Астраханский технический институт рыбной промышленности и хозяйства, работала педагогом ПТУ. Муж Юрий, 5 детей Ирина, умерла в России, Елена живет в Израиле, Владимир,

Таисия и Михаил живут в России, 15 внуков, 11 правнуков. Репатрировалась в 1995 году.

Наша семья эвакуировалась из города Полтава (Украина). Как нас грузили в состав, рассказать трудно. Люди были везде, в основном сидя, а мне досталось место на чемоданах. Во время следования состав неоднократно бомбили. В одну из таких бомбёжек мы из вагона разбежались в рассыпную. Брат со мной на руках и сестра побежали в одну сторону, мама - в другую, отец - в третью. Вой падающих бомб я не забуду до своей смерти. Мама была беременной, у неё случился выкидыш, открылось кровотечение. Её забрали в санитарный вагон. Деньги и документы были у мамы. Отца мы не нашли. На том месте была огромная воронка, на краю которой лежала рука с характерной татуировкой.

Соседи по купе нас поддерживали, так как маму в составе мы не нашли, её где-то сняли вместе с ранеными после бомбёжки.

В августе нас привезли в Ташкент. Нас поместили то ли в конюшне, то ли в овчарне, где нам отвели угол. Мы ходили по Ташкенту и искали маму, ведь документы и деньги были у неё. Мы были грязные, обшивевшие, голодные, босые, так как багаж пропал. Все время хотелось кушать и спать.

В сентябре случайно в одном из госпиталей мы нашли маму. У неё был сепсис, но её спасли. И тогда уже с документами нас направили в Чирчик, где нам дали место в каком-то сарае с земляным полом. Маму направили на работу в совхоз. Брату исполнилось 15 лет и он пошел на курсы трактористов. Сестра (12 лет) была со мной, 4-х летней. Мы ходили и собирали все, что можно было есть: дикий лук, арбузы, туювник, паслен и тому подобное. Уже была введена карточная система. Мама и брат получали продукты по рабочей карточке. Сестра и я получали по иждивенческой карточке 120 грамм хлеба пополам с лебедой. Иногда брат приносил кусочки жмыха (выжимки от семян подсолнечника или хлопка при производстве масла). Рядом был госпиталь, и мы ходили с котелком. Там нам иногда давали перловый суп, в котором крупинка за крупинкой гонялась, чем могли подкармливали раненые. А ещё у нас был чайник и в него иногда повар выкладывал вареные сухофрукты от компота.

Но время шло. Мама работала в совхозе, брат закончил 3-х месячные курсы трактористов и его направили в полевую бригаду. Туда же направили маму поваром. Меня они взяли с собой. Сестра, прибавив себе 2 года пошла санитаркой в госпиталь.

Шел уже 1942 год. Ни обуви, ни одежды, весь багаж пропал. Днем еще грело солнце, а ночью уже были заморозки. Тогда же в большом совхозном саду нам выделили небольшой участок. С нами еще была бабушка Анна (она страдала от диабета). На участке было огромное ореховое дерево и узбекская кибитка. Внутри кибитки сандал, куда клали угли от кизяка - это сухие куски овечьего, коровьего, лошадиного помета, смешанно с глиной. Из него формировали кирпичи. Их использовали для обогрева и приготовления еды. Сандал - это прямоугольная яма, достаточно глубокая, края которой обмазаны глиной, чтобы не осыпалась. Над ямой стоял столик, садились к столу и опускали ноги в сандал. Пол земляной застелен кошмой из овечьей шерсти, чтобы скорпионы, змеи и другая кусачая ядовитая живность не заползала в кибитку. Стены и крыша из камыша, обмазанного глиной. Двери и окон нет, а вход завешен кошмой. Так мы пережили зиму. В конце февраля начался полевой сезон. Мама, брат и я - в полевой бригаде. Сестра в госпитале и там, зачастую, оставалась ночевать, чтобы утром сразу на смену. Бабушка на участке и часто я оставалась с ней. Брат по ночам копал грядки, а я сажала фасоль, горох, помидоры, лук, чеснок, чтобы на следующую зиму было что кушать. Ореховое дерево дало хороший урожай. Чтобы все выросло, я ходила с маленьким ведерком, сделанным из жестяной банки и поливала посадки. Когда созрели орехи, брат тряс дерево, а я орехи собирала и их чистила о камень, а затем их сушили и складывали, чтобы осенью и зимой на базаре обменять на хлеб и бабушке на масло, ведь она была диабетик. Один орешек стоил 10 руб, а буханка хлеба 120-140 рублей. Мама и брат обменивали орехи на самое необходимое. Так у меня были галошики, привязанные веревкой, спереди вода вливалась, а сзади - выливалась. Зимой у меня и началось ревматоидное воспаление суставов, которое я несу всю свою жизнь. Сок от кожуры орехов такой едкий, что до самых локтей руки были коричневые от сока и кожа лопалась. На всю жизнь осталась такая сухая кожа, реагирующая на всё. Пришло время уборки урожая. Убирали рожь, овес, пшеницу и тому подобное.

Нас, детей от 5-ти лет и старше, собрали и привезли на телеге на полевой стан и поместили в вагончик. Как только рассветало, нас поднимали, давали на матрасную навалочку. Мы шли за комбайном и собирали колоски по колючей стерне. Босые, а рядом прыгала кусачая и ядовитая живность. Работали до 11 часов и нас отправляли в вагончик, а потом с 16-ти и до темноты.

Однажды в вагончик запозла змея и укусила меня. К счастью, рядом был брат, он перетянул ногу, отсосал яд. Меня отвезли в госпиталь, где делали уколы. Но на протяжении года, как только наступало время укуса, так меня начинало трясти и я заикалась. А через год на бедре правой ноги образовалась флегмона от паха до колена. Меня мама с братом отвезли в госпиталь. Там меня оперировали под наркозом. Нога заживала очень долго, и об этом напоминает шрам.

Это уже был 1943 год, мы все еще жили в кибитке, и было холодно, и голодно.

В конце 1943 года маму (она была работником дошкольного воспитания) перевели в другой совхоз от Ташкентского авиазавода №84 - это 54 разъезд Ташкентской железной дороги Иркин с/с совхоз №1. Там мама работала заведующей детским садом. Там мы уже встречали 1944 год. Здание имело два входа. Один - для детей и работников, а другой - для нас. Он вел в комнату, где стоял колченогий стол, большая железная кровать и была печка с плитой. И уже не было такого страшного ночного холода. На кровати спали мама, сестра и я. Накрывались дерюгой. На плите пекли оладьи: очистки от овощей мыли, сушили, растирали и делали оладьи, и были счастливы. Все еще хлеба давали по 120 грамм.

Брат ушел в армию добровольцем, отказавшись от брони. Перед отправкой на фронт приезжал проститься с нами и со своей девушкой, которая обещала ждать. Звали её Гройсман Рита. 26 августа брат погиб. О его гибели первой узнала Рита, так как на её имя пришла похоронка. Мы долго это скрывали от мамы и плакали тайком. Но когда вернулось её письмо, она все поняла, бродила, не ела и все спрашивала у статуи Сталина: «Зачем он забрал у неё сына?» Я ходила за ней грязная, в струпьях, во вшах и просила: «Мамочка, пожалей меня!» Постепенно мама пришла в себя. На работе её прикрывали, как могли, особенно тетя Броня, повар. Она же, как могла, поддерживала меня.

В классе я была самая маленькая. Было много детей из семей эвакуированных, которые не могли учиться раньше, они были старше. Азбуку изучали по книге Робинзон Крузо с буквой «ять». Вместо бумаги - газеты, старые бланки и так далее; чернила - отвар из свеклы; перья привязывались к палочкам. Но все равно было огромное желание учиться. Имена учительницы не помню, но очень она меня жалела и во всем мне помогала.

Помню встречу нового года 1944/45, нам впервые дали подарки: по два ореха, кусочек сухой дыни, кусочки сухих помидор, несколько штук урюка и кусочек жмыха. 1945 год - Победа, ликование, которое описать невозможно. Хлеб был все еще по карточкам, но без лебеды.

В 1946 году мама вышла замуж во второй раз за Островского Давида Леонидовича, который мне стал добрым, внимательным, просто настоящим отцом. Он нас привез в другой совхоз к себе, где он работал главным бухгалтером. Это был поселок Янги-Юль, теперь это город. Совхоз этот тоже был от авиазавода № 84.

В 1947 году в декабре месяце отменили карточки на хлеб, и вкус того настоящего хлеба я помню до сих пор. Кажется, что более вкусного хлеба, я никогда не ела.

И под новый 1948 год отчим, человек удивительный и очень дорогой моему сердцу, привез мне в подарок настоящую книгу «Родная речь» и настоящий пионерский галстук (простая крашеная косынка). Книгу читали по очереди. Нас было в классе 11 человек. А так учились только по тому, что продиктует учитель.

В 1948 году, весной, после окончания школы, выехали в Россию в Астрахань.

Начиная с 1945 года учебный год начинался с декабря. Сентябрь, октябрь, ноябрь мы, дети старше 8-ми лет были на уборке хлопка. Это очень тяжелый труд.

Попова Светлана родилась 28 августа 1942 года в городе Альметьевск Татарской АССР. Отец Попов Сергей Павлович, мать Песя, дедушка Преидин Израиль. Закончила Киевский политехнический институт, инженер по стандартизации. Сыновья Игорь живет в Москве и Владимир живет в Израиле. Репатрировалась 10 декабря 1997 года.

Я родилась в эвакуации в тяжёлые дни 1942 года. Поэтому, естественно, не помню весь ужас эвакуации в дни войны. Я пишу историю моей семьи со слов своей старшей сестры Колыгиной (Поповой) Галины и мамы.

В июне 1941 года моя семья: папа, мама, сестра, брат Александр, бабушка Фаня и дедушка Израиль жили в украинском городе Конотоп. 22 июня в первый день войны Конотоп подвергся бомбардировке. Семья жила в небольшом доме. Рядом с ним был огород и сарай, где в первые дни войны прятались все члены семьи. С каждым днём налёты немецких самолётов учащались. Мои родители вместе с соседями в огороде выкопали ямы в виде окопов, где прятались все во время бомбежек. Это, естественно, не очень спасало и несколько соседей погибло под бомбежками.

Папа мой работал тогда в аэроклубе. Вскоре аэроклуб со всеми семьями подготовили к отправке в Россию. Наша семья вместе с другими семьями была помещена на открытые грузовые машины и все отправились в путь, прихватив с собой минимум вещей и немного еды. Путь был долгий и очень опасный. очень часто налетали самолёты и бомбили наш караван. Люди вместе с детьми выскакивали из кузова и прятались, где придётся: кто под машину, кто в поле под картофельную ботву. Люди плакали, кричали. Многие оставались на земле. Мама и сестра рассказывали, что это был кромешный ад. Моей сестре было 7,5 лет, брату около 4 лет. Этот ужас остался в их памяти навсегда. Моя бабушка Фаня была после очень серьезной полосной операции и поэтому не могла выйти из машины во время обстрелов. Мама с дедушкой хватали детей и спрыгивали с машины. Путешествие было долгим, порой не хватало еды и воды. Наконец все прибыли в Сталинградскую область в город Калач на Дону, где мы распрощались с отцом, который был отправлен на фронт. Отец провоевал всю войну на штурмовых самолётах и победу встретил в Берлине.

Наша семья не задержалась надолго в городе Калач, так как вскоре к городу стали подступать немецкие войска, которые стремились к Сталинграду. Нашей семье предложили эвакуироваться дальше в Татарстан. Это путешествие длилось два месяца. Нас поместили в теплушки, в которых были нары и в центре оборудована была печка-чугунок, где все по очереди готовили еду. Уже стоял октябрь. Было холодно. Дети мёрзли, недоедали и, конечно, стали болеть. Эшелон часто загоняли в тупик, где он долго стоял, так как на запад шли эшелоны с военными и техникой.

Мама была беременна мной, а ей часто приходилось бегать в поисках воды и еды на незнакомых станциях. Это было очень опасно, так как никто не знал, когда эшелон отправится в путь. Все очень нервничали, опасаясь, что мама отстанет от поезда. Так мы ехали до конца ноября. За это время теплушка стала нашим домом на колёсах, где мы постоянно подвергались опасности. Кроме этого, на нас всех напали вши, что было очень ужасно. Наконец, мы прибыли в город Бугульма, где нас отправили в эвакупункт. Там провели санобработку. Наконец-то, все посетили баню. Нас посадили на сани-розвальни и повезли дальше. Теплых вещей у нас почти не было, а стояли морозы до минус 40 градусов. Это было ужасно, все кашляли, были очень простужены. Местные жители стали давать нам кое-что из одежды. На детей набросили тулуп, чтобы они выдержали этот страшный путь. Затем мы прибыли в районный центр Альметьевск и нас отправили дальше в мордовскую деревню Тихоновку.

Деревня была довольно большая. Дома были деревянные, в каждом дворе была чёрная баня, что было очень важно для нас. Нашу семью поместили в дом на берегу реки. В эту деревню прибыли несколько семей. Возле нашего дома, рассказывала мама, собрались

почти все жители деревни, так как они никогда не видели людей еврейской национальности. Кто-то им сказал, что у нас есть рога и хвосты, поэтому они пришли посмотреть на нас. Зима в 1941 года в Татарии была очень холодная и лютая. Очень тяжело было нашей семье.

Вскоре в армию забрали нашего дедушку, которому было 56 лет, и воевал он до конца войны. В доме остались только больная бабушка, её сестра, моя мама и дети. Мама и сестра бабушки пошли работать в колхоз, где стали получать немного продуктов. В 1942 году в августе в этих условиях мама родила меня и чуть не умерла, так как роды были очень тяжелыми. Так мы жили там до конца 1943 года.

В сентябре 1943 года мама услышала, что на Украине освободили наш город Конотоп. Мама с бабушкой решили вернуться домой. Дорога домой была также долгой и тяжелой. Когда семья вернулась в город Конотоп, то мама увидела, что наша квартира занята. Нам сказали: «А! Жиды вернулись, а теперь это квартира наша!» Тогда мама и бабушка нашли разваленный дом и стали сами восстанавливать комнату, где мы все жили до конца войны, пока папа и дедушка вернулись с войной с Победой!

Эти страшные года, события никогда не уйдут из нашей памяти, и мы хотим, чтобы наши потомки никогда это не забывали!

Пужевская Сара родилась 20 августа 1936 года в городе Николаев Украина. Закончила Челябинский медицинский институт, работала врачом в обласной больнице. Муж Семен, сын Александр, внуки Алон и Даниэла. Репатрировалась в 1990 году.

Наша семья жила в городе Николаев на Украине до 1941 года. 22 июня 1941 года началась война. Уже в июле начались бомбёжки города. Моя мама, по профессии врач, была назначена начальником мдико-санитарной службы города в военное время. Отец работал на военном заводе, а затем был в ополчении. К нам он присоединился уже на Урале. Во время бомбёжек я пряталась под письменным столом, так как родителей никогда не было. В конце июля 1941 года немцы подошли к городу. Мама, по долгу службы, должна была оставаться в городе до прихода немцев. Ей дали грузовик, и, когда немцы входили в город, мы поехали на восток. Мы не знали, что на восточной части города немцы высадили десант. Спасло нас заявление шофера, что он дальше не поедет, пока не попрощается с матерью в деревне. Мы свернули на полевую дорогу и дальше ехали только по проселочным дорогам. Нас несколько раз немецкие самолёты обстреливали из пулеметов.

Запомнила один эпизод. После обстрела мы встали с земли, чтобы ехать дальше. Но некоторые люди остались лежать. Мама пошла к ним и сказала мне, когда вернулась, что они решили отдохнуть. Позднее она рассказала мне, что эти люди были убиты.

На машине мы доехали до Запорожья. Только успели проехать мост через реку, через минуту он рухнул - в него попала бомба. Еще раз нам повезло.

Доехали до Сталинграда. Решили там остаться. Мама нашла жилье, но через две недели немцы уже подошли к городу. Дальше мы ехали в эшелоне, в битком набитых товарных вагонах. Во время остановки в Челябинске, мама вышла на привокзальную площадь купить еду, но вдруг увидела рядом здание поликлиники. Она зашла и спросила, нужны ли им врачи. Ей сразу предложили работу. Так мы остались в Челябинске. Сняли землянку, где под полом протекал ручей и была вода. Начались морозы, и мы все время болели. Позже маме дали 6-ти метровую комнатку при конюшне (врачи ездили на вызовы на лошадях). там была печь и было тепло. К нам переехала мамина сестра с детьми, которая эвакуировалась в Казахстан. В этой комнате мы жили впятером до 1944 года, когда получили комнату в нормальном доме.

Тётя вернулась в освобожденный Скадовск. Наша квартира в Николаеве была разрушена. Мамины родители, две её родные сестры с детьми были убиты фашистами в Хмельницкой области Украины и в Одессе. Мы остались жить в Челябинске.

Рафальсон Юлия родилась 9 декабря 1935 года в городе Ленинград. Мать Мэри, отец Давид, братья Давид и Ефим. Закончила Ленинградский текстильный институт, экономический факультет, работала инженером-проектировщиком. Муж Рафальсон Фёдор умер в 1994 году в Израиле, дочь Евгения, внук Александр живут в Израиле. Репатрировалась 22 декабря 1990 года

Наша семья жила в городе Ленинград. К началу войны мне было 5 лет. Я хорошо помню, как заплакали женщины, услышав о войне. Остальные воспоминания частичны. Мои братья Давид и Ефим были призваны в армию. Отцу дали отсрочку.

С начала блокады Ленинграда участились обстрелы и налёты самолётов, сбрасывающих фугасные бомбы. Немцы бомбили днём и ночью. Было очень страшно. Мы страдали от холода и голода. Не было света, отопления, воды. Норма хлеба на день 125 грамм по карточкам. Мама ходила за водой к реке Неве. Чтобы согреться, мама сжигала мебель, книги. Соседи умирали один за другим. На улицах в сугробах лежали умершие на ходу люди.

Зимой проложили по Ладожскому озеру дорогу. Первыми переправляли на Большую землю женщин с маленькими детьми. По этой дороге жизни меня с мамой вывезли из блокадного Ленинграда. Так я была спасена.

Нас вывезли в деревню, которая находилась в ста километрах от города Углич. Мама всем в деревне шила одежду и, благодаря этому, мы имели возможность платить за жильё и питание.

Через год вывезли папу. Его привезли к нам, настолько слабого, что он даже не мог вставать. Когда папа немного окреп, он пешком пошёл в Углич. Там он начал работать и позже забрал нас к себе. В Угличе мы прожили до 1944 года. В мае 1944 года родители смогли завербоваться работать на стройке. Иначе мы бы не смогли вернуться в родной город.

Резников Владимир Борисович родился 14 декабря 1932 года в городе Новозыбков Орловской (сейчас Брянской). Бабушка Маянц Двойра Зеликовна (1876 г. р.), мать Резникова Роза Наумовна (1907 г.р.), отец Резников Борис Волькович(1906 г.р.), сестра Резникова Блюма Борисовна (1928 г.р.), брат Резников Семён Борисович (1937 г.р.). Закончил станкоинструментальный техникум и Финансовый институт, работал ведущим специалистом на заводе «Редуктор». Жена Миушкина Фаня умерла.

Сын Эдуард живет в Германии, дочь Марина - в Израиле, 3 внука, 2 правнука. Репатриировался 31 октября 2006 года.

Я родился в городе Новозыбков, в семье нас было шесть человек. Бабушка - инвалид, папа, мама работали, и мы: сестра 13 лет, братик 4 года и я 9 лет. Весть о войне застала меня в соседнем дворе, в доме моих двоюродных братьев. Я просто не мог понять, почему все родственники и соседи начали бегать от дома к дому и плакать. Я с братиком быстро побежал домой. Дома я застал ту же картину: плачь, крики и суета. Я помню свой страх от всеобщего плача, прибежали и убежали родные и знакомые. Я всё время слышал один и тот же вопрос: «Что делать?» Так началась для меня война.

В мае 1941 года нашего папу призвали на военные сборы. Мы не знали, где он и что с ним. Город перешёл на военное время. Нам начали выдавать продуктовые карточки, мы стояли в очередях, ждали сводок с фронта. В августе начали бомбить наш город. Разбомбили железнодорожную станцию, помню это огромное зарево. Началась эвакуация. Горсовет выделил нескольким семьям лошадь с подводой. На подводу погрузили скудный скарб и маленьких детей. Мы тронулись в путь. Наш обоз был из нескольких подвод, ехали очень быстро. Моя 65-летняя бабушка, сильно хромая, шла за подводой вместе со всеми, я шёл рядом с ней. Этот день 15 августа 1941 года я помню и буду помнить до конца моих дней.

17 августа в мой любимый город Новозыбков вошли фашисты. В этот же день в наш дом попала бомба и он сгорел. Погибли все евреи, кто не успел уехать, из них много близких для моей семьи людей.

Мы продолжали наш путь. Нам встречались отступающие войска Красной Армии - это было страшно. Самое страшное - это пролетающие над головами немецкие самолёты. Они не бомбили нас, они нас расстреливали из пулемётов. Многих приходилось хоронить прямо в поле. Помню, что всё время приходилось прятаться то в лесу, то в стогах сена. Было очень жарко и очень хотелось пить и кушать.

Много станций, городов и деревень мы проехали, почти 600 километров. Помню, как мама пыталась на каждой станции раздобыть нам еды. Однажды она

заблудилась. До сих пор я помню этот страх, ужас, слёзы. Мама вернулась без хлеба, но мы были рады, что всё обошлось.

Помню землянку в Саратовской области. Там нас было несколько семей. Было очень тесно, шумно, но самое страшное - это блохи на земляном полу. Нельзя было опустить ноги с лежанки. Стелили на пол полынь и этим спасались. Здесь мама работала в полевой бригаде, моя сестра пахала в поле на быках, а я полол и сторожил огороды.

В конце 1942 года мы уже на поезде доехали до города Алатырь в Чувашии. В этом городе я пошёл в школу во 2-й класс. Помню маленький кусочек хлеба, который давали каждому ученику на большой перемене. Как мы ждали этот лоток с крошечными кусочками хлеба, которые нам казались вкуснее сладкого шоколада.

Всё это время нас разыскивал наш папа, нашёл и на два дня в 1943 году приехал. Это счастье я помню.

Осенью 1944 года освободили город Новозыбков, и мы вернулись домой. На месте нашего дома была огромная воронка. Мы до дня Победы и возвращения папы с фронта жили у чужих людей. После Великой Победы начался новый этап моей жизни, но эта уже другая история.

***Ровнер Давид** родился 2 января 1930 года в городе Крыжополь Винницкой области. Мать Рахиль Штейберг, отец Мойше Ровнер. Закончил ПТУ, затем машиностроительный институт, работал начальником участка цеха на Харьковском заводе «Серп и молот». Дочь Лиля, сын Роман, 3 внука, 2 правнука живут в Израиле. Репатриировался 21 марта 1995 года.*

В июле 1941 года немецкие войска вступили в местечко Крыжополь. Первые три месяца мы, мама (52 года), отец (75 лет) и я (12 лет), жили в своём доме.

В октябре 1941 года всех евреев согнали в гетто. В доме, куда нас поселили, жило 14 человек. В нашей комнате вместе с нашей семьей было еще 4 человека посторонних. Каждое утро в семь часов все собирались возле общины, где распределялись на работы. Я работал, ремонтируя русскую четырехэтажную школу, затем строили кролятник. За каждый разбитый кирпич получал удар плёткой. Однажды полицей по кличке «Рябой» всех ребят отогнал и сказал, что покажет, как надо работать. В этот момент рухнула стена, и полицей превратился в лепёшку.

14 марта 1944 года немцы бежали, и мы стали жить при наших освободителях.

***Ровнер Евгения** родилась 2 марта 1932 года в городе Крыжополь Винницкой области. Мать Малка Пекарь, отец Мойше Зильберман. Закончила Одесский финансово-кредитный техникум, работала в городе Кизляр служащей в банке, в городе Харькове на заводе «Порилень» бухгалтером. Муж Ровнер Давид.*

Когда началась война, наша семья решила эвакуироваться. Жили мы в местечке Крижополь Винницкой области на Украине. На подводе мы: я, моя мама Малка и папа Мойше доехали до деревни Терновка возле Умани. Там нас встретили немцы. Мой папа сказал: «Давайте вернёмся домой».

Когда мы вернулись, увидели, что наш дом догорает. На нашем доме была соломенная крыша. То ли его подожгли, то ли попал снаряд.

Соседка сказала маме, что её подруга Сурка уехала в Забокрыг. Там её и других евреев согнали в погреб, а потом расстреляли. Так как нам негде было жить, мы пошли в её квартиру. Потом эта квартира оказалась на территории гетто. Нас поселили в комнате, где жили семь человек. Мне было 11-12 лет. По утрам все собирались возле общины, где нас распределяли на работу. Я работала на сельхозработах, подметала улицу, носила воду людям.

В гетто мы были до 14 марта 1944 года. После освобождения мы жили в сарайчике возле нашего дома.

Романенко Ада (девичья фамилия Гандлина) родилась 6 сентября 1933 года в городе Бобруйск Белоруссии. Бабушка Гандлина Либа, дедушка Вульф. Закончила Московский текстильный институт. Переехала в Киев, работала инженером на химическом комбинате. Муж Геннадий умер в Израиле. Репатриировалась в ноябре 1994 года.

В 1938 году после тяжелой болезни умерла моя мать Лея. Я стала жить у бабушки в городе Бобруйск. Перед началом войны я успела закончить 1-й класс. Мне было 8 лет.

Через день после начала войны к нам приехала моя тетя Рая, родная сестра моей матери, с пятимесячной дочкой Лизой из Ленинграда. Известие о начале войны застало ее в поезде. И так, теперь наша семья состояла из пяти человек. С первых же дней войны город бомбили. Мой дед Вульф Иоселевич не собирался покидать город, помня о хороших отношениях с немецкими военными в период гражданской войны 20-х годов. Но по радио объявили о предстоящем большом налете немецких самолетов и попросили жителей покинуть город на несколько дней.

Мы ушли к родственникам в маленький городок на другом берегу реки Березина. После налета в городе были сплошные пожары, все кругом горело. На мосту через Березину стояли военные и никого в город не пускали.

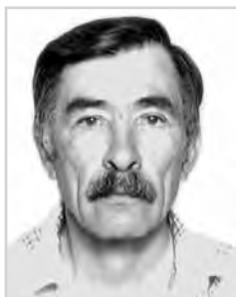
Мы пошли на восток, где пешком, где - на попутной подводе. Через километров 150 мы добрались до города, думаю это был Могилев, где еще формировались эшелоны для эвакуации. Нас посадили в товарный вагон, буквально на головы уже сидящих там людей. Поезд шел на Урал. В конце августа 1941 года мы прибыли в город Троицк Челябинской области. Нам выдали два пододеяльника (возможно что-то еще), которые бабушка простегала ватой и получились два одеяла. У нас вообще не было никакого имущества.

Тётя получила направление на работу учителем в сельскую школу села Карсы, куда мы и переехали. Дед работал в колхозе конюхом. Я училась в школе. Первая уральская зима была очень трудной, мы были раздеты и голодны. Весной нам выделили участок земли и мы были обеспечены картошкой. Хлеба, который выдавали в колхозе, не хватало, жиров не было, о сахаре вообще забыли. А ведь у нас рос маленький ребенок, который так нуждался в хорошем питании. Маленькая Лиза плакала по вечерам. Я простудила ноги, у меня не разгибалось колено. Лечила меня бабушка, растирая его керосином. Мастерница бабушка пыталась сшить какую-то одежду. Перед праздниками школьникам выдавали настоящие пряники. Вот это был праздник!

После освобождения Белоруссии дед, получив вызов, сразу же вернулся

в Боборуйск. В ноябре 1944 года приехали и мы. Поезд прибыл ночью, и мы, не дожидаясь утра, шагая в валенках по лужам, отправились в город. А город весь в развалинах, без освещения - еще продолжалась война. Я пошла в 5-й класс, в школу нужно было принести табуретку.

Тяжелые военные годы сильно отразились и на здоровье, и на характере нас, детей. У сестры остались проблемы с нервной системой, у меня были сильные головные боли в школьные годы. Если летом мне предлагали поехать в лагерь, я всегда говорила: «А вдруг начнется война?!» Остались живы - это главное!

Склянский Ефим родился 25 ноября 1939 года в городе Киев Украина. Отец Эйзер. Закончил среднюю школу. Работал электриком. Жена Ирина, дочь Ольга, сын Игорь, внучки Алина, Ирина, Рони, 2 правнуков живут в Израиле. Репатрировалась в 1991 году.

К моменту начала Великой Отечественной войны мне, Склянскому Ефиму Эйзеровичу, было 1 год и 7 месяцев, поэтому, естественно, я не могу что-либо вспомнить. Это воспоминания моей матери Склянской Адель Айзиковны и тёти Склянской Марии, которые они рассказывали мне.

В 1941 году перед взятием немцами Киева мой отец, будучи в армии, успел сообщить, чтобы мы срочно эвакуировались из Киева. Моя мама со мной, старшим братом Леонидом и сестрой отца успели сесть на один из последних поездов, который шёл вглубь страны. Немцы бомбили поезда и несколько раз приходилось останавливать поезд и выгружать всех из вагонов прямо в степь. Еды не хватало, люди заболели. Заболел и я. То небольшое количество вещей, что успели взять из Киева, пропали. С большими трудностями мы доехали до Петрозаводска, а затем попали в Среднюю Азию и осели в городе Джелал-Абад. Меня привезли туда полуживого. Надо сказать, что люди, проживавшие там, относились к нам очень доброжелательно. Поэтому с Божьей помощью и помощью этих людей я поправился.

Жить приходилось тяжело. Жили несколько семей в одной летней комнате, зимой крыша протекала, так как была из соломы. Слава Богу, моя мама смогла устроиться на работу и кормила всю семью. За годы эвакуации я стал говорить на узбекском языке, как на родном, и помогал маме общаться с местными жителями.

За годы в эвакуации пережили много. В 1943 году мой брат Лёня и я пошли с местными ребятами в горы собирать хворост на отопление и нашли, неизвестно откуда взявшуюся, боевую гранату. Играя с ней, брат трагически погиб на моих глазах, а я чудом остался жив. Эти события навсегда остались в моей памяти, так как мне уже было 4 года.

Киев освободили в 1944 году, и мы вернулись. А в 1945 году получили сообщение о гибели отца. Все тяжести мы пережили с помощью людей, которые нас окружали и той дружбы и доброжелательности, которые царили вокруг всех нас.

***Смоляр Сима** родилась 1 мая 1926 года в городе Коростень Житомирской области на Украине. Отец Мижень Борух (1897-1962), мать Мижень Хая (1902-1986). Закончила железнодорожное училище связи, работала механиком связи на железной дороге. Муж Николай умер во Львове, дочь Лиля, внучка Сусанна живут в Израиле. Репатрировалась в 1995 году.*

В 1941 году я закончила восемь классов. Мне было 15 лет, когда началась война. Были каникулы, и я с маленьким Chesmodanchikom поехала в гости к родственникам в город Бердичев. Там меня застала война. Я очень переживала. Хотела вернуться домой к родителям, но не смогла, так как поезда уже не ходили. Каждый день ходила на вокзал, но тщетно. Через две недели я села в товарный состав, сидела там много времени. Наконец он поехал. Вместо четырех часов я ехала трое суток до Коростеня. Когда я пришла домой, все очень обрадовались. Мои родители сразу засобирались в эвакуацию, потому что город уже бомбили. Многие люди уже уезжали. Товарные поезда стояли на станции несколько дней. Мои родители посадили меня с родственниками на подводу, и мы поехали на вокзал.

Нас затолкали в стоящий поезд, набитый людьми. Поезд уехал, а мои родители не успели приехать на вокзал. Так я уехала одна, и все четыре года войны я была одна. Ехали мы очень долго, не зная куда. На какой-то станции поезд остановился. К нам подошли какие-то люди, которые искали своих близких. Вдруг среди них я увидела моих дядю и тетю с семьей, которые меня забрали из поезда. Дядя был военным, он получил назначение в город Ульяновск, куда мы долго ехали. В военкомате взяли его на учет и нас всех устроили на квартиру. Уже был месяц ноябрь. Дядя с тетей уехали по направлениям на фронт, а бабушка с детьми и я остались в Ульяновске. Дети были маленькие. Я в школу не пошла, у меня не было ни одежды, ни учебников. Зима была очень холодная. Я с утра уходила из дома, еды было мало. Я ходила, пока у меня голова не начинала кружиться. Возвращалась домой. Конечно, бабушка меня жалела. И вот однажды наша соседка, тоже эвакуированная, посоветовала моей бабушке устроить меня в железнодорожное училище, где учится ее сын. Там кормят, учат, дают место в общежитии. Для этого нужно пройти медкомиссию. Я пошла в поликлинику на медосмотр. Просидела в очереди очень долго. Моя бабушка разыскала меня, принесла мне завернутый в марлечку кусочек хлеба, чтобы я поела. Я прошла комиссию и меня приняли без документов. Я очень обрадовалась.

Училась я хорошо. Сначала нас учили, кроме общеобразовательных предметов, на должность дежурного по вокзалу. Прошло какое-то время, нас переквалифицировали на электромеханика связи. Проучилась в училище 3,5 года. Жила в общежитие, которое находилось на берегу реки Свияга, приток Волги. В комнате нас было 20 человек, на стенах блестел лед. Была одна круглая печка, которая обогревала всю

комнату. Я получила в училище обмундирование, берет, шинель с прорехой, ботинки. Ноги у меня опухли и ботинки не налезали. Я заворачивала ноги в портянки, наверх чулки и одевала калоши с завязками. Чулки я каждый день стирала, так как у меня они были одни. Однажды мой чулок при сушке упал на печку и сгорел. И я не могла выйти из общежития, Через два дня был какой-то праздник и было собрание. Мне, как хорошей ученице, подарили пару чулок, а до этого я не могла ходить в столовую кушать. Мою порцию съедали мои подруги, а мне приносили кусочек хлеба 200 грамм. По окончании училища нас распределили на работу. Меня направили на работу на Оренбургскую железнодорожную станцию Платовка на должность электомеханика связи. В это время меня нашли родители. Они жили где-то в Сибири, решили ехать ко мне. Родители долго ехали в поезде и поезд не остановился. Их завезли в Сталинградскую область. Там они работали в каком-то поселке. Папа был конюхом и разнорабочим. Так мы и не увиделись. Потом в 1944 году я получила назначение на освобожденную станцию Казатин Юго-Западной железной дороги на должность монтера связи. Я лазила по столбам с когтями, блоками, инструментами (отвертки, плоскозубцы). В сильные морозы, снегопады натягивала провода связи там, где они были оборваны. Если не было связи, то поезда стояли у семафоров.

В начале 1945 года мои родители вернулись из эвакуации в город Коростень после освобождения из трудовой армии. Папа стал инвалидом. В 1945 году я уволилась с работы, заплатила наличными деньгами за обмундирование и облигации и приехала в родной город к родителям. В этом же году мой будущий муж демобилизовался из армии. Он был в звании капитана, вернулся инвалидом войны. В декабре 1945 года мы поженились.

Соркин Илья Яковлевич родился 4 июня 1936 года в городе Гомель. Бабушка Сара, дедушка Борухиче Гринфельд, мать Фаина, отец Яков, сестры Доня и Рая, брат Абрам. Закончил художественное училище им. Серова в городе Ленинграде. Работал художником. Жена Нина Гуревич, дочь Рая, внуки Нога и Ор. Репатриировался 1990 году.

Когда началась война, мне уже было 7 лет. Мы жили в Гомеле на улице вполне деревенской, какой она и оставалась и после нескольких десятилетий, когда я её посетил. Сплошь деревянные дома. Наш дом был большой со двором, с хозяйственными пристройками, коровником и загоном для коз. Кроме нашей семьи, в центре дома жили бабушка с дедушкой, родители моей матери. В другом крыле жил её сын Давид с семьей, с четырьмя детьми, а напротив нас их сестра Эстер.

Начало войны. Жду с нетерпением возвращения отца. Он должен после учений вернуться с винтовкой. Засыпаю, не дождавшись. Вижу винтовку у двери только утром. Семейный совет со старшей сестрой Доней. Она уже старшеклассница. Мы, конечно, победим, но нужно эвакуироваться. Очень скоро над нашим домом уже пролетают самолеты с черными крестами. Ночью воздушная тревога. Мать со мной и младшей сестрой бежит в бомбоубежище. Помню черное страшное небо, блуждающие полосы прожекторов, взрывы зениток.

И так в товарном вагоне вместе с бабушкой и дедом покидаем город. Где были остальные дети Яков и Роза, я не знаю. Яков воевал, был ранен, получил орден Красной звезды. Его я встретил уже потом в Ленинграде, а Розу - уже в Израиле.

Младшая дочь Эстер с грудным ребенком с нами не поехала. Ждала мужа. И дождалась, пока пришли немцы. Она скрывалась у партизан. Однажды осенью она прокралась к дому за теплыми вещами. Сосед выдал её и её с ребенком расстреляли.

Наш большой с высоким крыльцом дом всю войну простоял. Когда немцы отступали, соседи подожгли его, перед этим все разграбив.

Приехали мы в Базарный Сызган Ульяновской области. Помню голод. Суп из щавеля, приготовленный на примусе. Назывался затирухой или с буквой с вместо т. Помню обращение хозяйки к кошке: «Иди к жидам!». Еще помню, несовершеннолетние братья Гринфельдов и родной брат Абрам пишут письмо Ворошилову с просьбой отправить их на фронт. В конце концов все туда попадают. Абрам Гринфельд возвращается без ноги.

В Базарном Сызгане умирает дед, а потом моя мать. Нас берет на воспитание сестра отца Лиза. Едим в Челябинск, где работает ее муж на тракторном заводе. Прощаемся на кладбище со скромной могилой матери.

В Челябинске живем в рабочем бараке. Иду во 2-й класс. У еврейского мальчика какой-то конфликт с соседом. Учительница читает короткую лекцию о евреях, что

это древний, умный и красивый народ. Из-за благодарности за опеку я начинаю быть отличником, что потом войдет в привычку. Помню фотографию 2-го класса, где я рядом с учительницей. К сожалению, она пропала.

Неожиданно появляется отец, и мы все вместе едем в Винницу. Это Украина. Летом много вишни. Помню американские посылки с тушенкой, галетами и шоколадом. Там встречаем Победу. Во дворе дома художественная мастерская. Выпускник Одесского художественного училища очень добрый парень дает мне первые уроки. Его коллега замечает, что он зря тратит время. Все равно я буду торгашём. Через много лет в Эрмитаже я его встретил, вот я профессиональный художник, напомнил о себе.

Из Винницы мы едем в Черновцы в Северной Буковине. Отец там покупает квартиру, снова женится и забирает к себе меня с младшей сестрой. Я живу с мачехой. Город европейский, красивый. В классе много евреев, котолрые в обиду себя не дадут.

В журнале «Огонёк» вижу фотографии дворцов и каналов Ленинграда. Решаю ехать учиться в Ленинград.

Карлин Марк родился 19 января 1938 года в городе Конотоп. Закончил электромеханический институт, работал на должности директора Быткомбината. Сыновья Игорь живет в Москве и Владимир живет в Израиле, внуки Евгения, Сергей, Лирон, Эльад. Репатриировался 10 декабря 1997 года.

Старосельская Любовь родилась 14 октября 1932 года в городе Конотоп. Закончила Курский медицинский институт, работала врачом терапевтом. Муж Ефим умер в 1994 году в Израиле, дочери Ирина и Элла, внуки Леонид, Анна и Натанэль, 4 правнука. Репатриировалась в декабре 1990 года.

22 июня, первый день войны, я и Марк, играли на улице, не понимая, что происходит. Уже через день над нами появились немецкие самолеты. Мы узнали, что один учитель был убит на рыночной площади из пулеметов на самолётах.

Через день начали родители и все соседи рыть бомбоубежище в саду. Это была глубокая яма, прикрытая сверху досками и зелёными ветками. Налёты самолётов участились, и мы все прятались в выкопанной яме. У некоторых женщин во время налётов были истерики, слёзы и крики, но мы, дети, не реагировали так на это, так как не понимали всей серьезности этих событий. Через две недели наш отец получил повестку на фронт. В это время мне было 8,5 лет, моему брату Марку - 3 года. Я помню отчётливо, как мы провожали папу на фронт. Это были очень тяжёлые минуты. Около военкомата собралось очень много народу, у всех были очень грустные лица, многие не сдерживали слёзы и громко рыдали. Перед уходом на фронт, отец купил нам подводу и лошадь. Мы начали собираться в дальний неизвестный путь. В дорогу собрались ехать всем большим семейством: мама, мы с братом, бабушка (72 года), мамин брат с семьёй, две мамини невестки с детьми, одна из которых прибыла к нам из города Унгень. Их эвакуировали оттуда 22 июня в 6 часов утра на машинах, а её муж (мамин брат) остался воевать на границе, где в скорости погиб.

Мы ехали на подводах в сторону города Сумы. В городе Буринь местные жители посоветовали нам проезжать по мосту через реку Сейм ночью, так как днём это сделать было невозможно из-за бомбёжки. Когда стемнело, мы въехали на мост, и вдруг осветилось ракетой, сброшенной с немецкого самолёта. Мы очень испугались и начали хлестать лошадей. Через мост мы переехали благополучно и продолжали

путь в сторону города Сумы, куда мы прибыли вечером следующего дня. Подводы с лошадьми мы оставили, а сами сели в товарный поезд, который направлялся в Харьков. Когда мы прибыли на станцию «Основа», начался обстрел. Мы выскочили из товарняка и не знали, где спрятаться. Был ужасный хаос и страх, затем мы вернулись в товарные вагоны, предназначенные для перевозки разных грузов. Они были без крыш. Утром мы узнали, что этот состав не идёт в нужном нам направлении. Мы пересели на открытые платформы другого состава, который шёл в сторону Купянска и Рузаевки. Это уже была Россия. Мы ехали долго без воды и пищи, а навстречу двигались эшелоны с военными, которые, видя на открытых платформах детей, бросали нам еду (печенье, конфеты и так далее). Так мы добрались до Рузаевки, где был эвакупункт. Из Рузаевки нас отправили в районный центр Инсары Мордовской ССР, где нас поселили в фойе старого клуба, который не отапливался, а уже был холодный октябрь. Дети начали болеть. Я первая заболела корью, а затем мой брат Марик. Из-за этого, так как мы были в тяжелом состоянии, мама вместе с остальными нашла квартиру, куда мы переехали. Спали на полу, но было тепло. В Инсарах вскоре умерла бабушка. У меня началось осложнение - гнойный отит, что привело меня к глухоте. Корью переболели все дети в семье.

Когда немцы зашли в Сталинградскую область, нам предложили снова эвакуироваться. Нас посадили в товарняк и отправили в сторону Узбекистана. Ехали мы целый месяц. Голодные и холодные в антисанитарных условиях, нас заедали вши. На одной из остановок, мама выскочила за водой. В это время поезд тронулся, мама едва успела вскочить в вагон - для нас это был шок. Наконец, мы прибыли в Коканд Узбекской ССР, где нас поселили в огромный зал на полу. Провели санобработку, накормили и через несколько дней отправили в колхоз, в котором от нас отказались. Мы вернулись в эвакупункт, откуда нас отправили в Масотовский район село Калинино, где мама была вынуждена работать на сборе хлопка, а мы ей помогали. Нас поселили в большой комнате вместе с ещё одной семьёй и двумя молодыми поляками. Было 31 декабря, был выходной день. Мама с тетей и одним поляком пошли на рынок, чтобы обменять вещи на продукты. Уходя, мама приказала мне следить за Мариком, чтобы он не выскакивал раздетым, но он всё таки выбежал. Я за ним с пальто. Марик с двумя двоюродными братьями сидел около дороги, по которой шли двое военных. Вдруг в одном из них я узнала нашего отца. Радости нашей не было конца. Отец получил отпуск после госпиталя и разыскивал нас. Не имея точного адреса, он шел мимо нашего дома, не зная, что мы здесь живем! Я закричала: «Папа, мы здесь!» Отец повернулся и увидел нас, бегущих за ним. Мы были счастливы, что отец жив. Вскоре вернулась мама, и мы все вместе встретили Новый 1942 год. Через две недели папа вернулся на фронт.

Мама продолжала работать в колхозе, где за работу получала три маленькие лепешки в день, которые старалась отдать нам. Мама продолжала менять остатки вещей на скудные продукты, чтобы мы не умерли с голода. Я помню, как мама варила рис. На огромный чугунок она положила один стакан риса и наливала полный чугунок воды. Рис варился до образования клейкой массы. Мы с братом выпивали эту

клейкую массу и съедали по ложке риса. Это была ужасная еда - но всё же «еда». Из семян хлопка выдавливали масло, которое в магазины, а нам разрешали брать отходы, которые мы употребляли в пищу. Борщ мама варила из лебеды. Лучшей едой для нас стала шелковица, ягоды которой мы собирали под деревьями. Их тушили и ели, как лучшую сладость. До сих пор помню этот вкус.

Через некоторое время мы вынуждены были переехать в Киргизию, где были наши родственники, так как здесь мы больше не могли оставаться по причине сильного голода. Выглядели мы как типичные рахитики - худые с большими вздутыми животами. Маме было всего 34 года, а выглядела она на 70 лет.

Когда мы приехали в город Карабалта, нас встретили родственники. Идти я не могла, так как не было сил. Меня несли на руках. Так мы были обессилены от голода.

В Карабалтах Киргизской ССР мы почувствовали себя лучше, так как мама начала получать на нас пособие и по 300 грамм хлеба на человека. Нам помогла преодолеть голод - сахарная свекла, которую мы выпрашивали у людей, возивших свеклу на сахарозавод, которую мама тушила. Это было очень вкусно.

В Карабалтах мы прожили до конца войны, выжив с трудом в столь тяжёлое для всех время. Этот период жизни забыть невозможно. Это навсегда осталось в нашей памяти, как самый страшный период моей жизни. И пусть наши дети, внуки, правнуки никогда не испытают этого, пусть только читают об этом в книгах, дабы это никогда не повторилось.

Столбова Неля (девичья фамилия Рабинович) родилась 23 апреля 1935 года. Мать Рабинович София Семеновна, отец Столбов Иван. Закончила пединститут, работала учителем истории. Сыновья Анатолий вернулся на Украину и Андрей живет в Израиле, внуки Ионя, Инна, Рона, правнук Владислав. Репатрировалась в 1993 году.

Когда началась война мне было 6 лет. Папу взяли на фронт. Я, мама и брат Владимир, ему было 2 года, эвакуировались. Сначала мы оказались под Сталинградом в селе Ефимовка. Мама работала в школе (учитель младших классов). Когда фашисты приблизились к Сталинграду, мы второй раз убежали. Добирались в товарных вагонах. Однажды мама и ее сестра пошли за водой. В это момент поезд уехал. Я осталась за старшую. Мне было 6,5 лет, моей двоюродной сестре 4 года, а братику 2 года. Я их успокаивала, как могла. Братик плакал и просил кушать, но еды у меня не было. Через двое суток мама с тётей нас нашли.

Прибыли мы в Алма-Ату, попали в село Кировск. Перед глазами вокзал Алма-Аты, где лежит обессиленный от голода мужчина, которого раздели догола, только шапка на его голове, её не сняли.

Учительницей мама не могла устроиться. Ей пришлось идти работать на кирпичный завод. Моя тетя Хана получила похоронку на мужа и сошла с ума. Мама нашла вторую работу, сторожем на току. Ей выдали шинель, которая была ей длинна, с большими карманами. В них мама клала ворованную пшеницу. Иногда ей удавалось приносить мерзлый сахарный буряк. Мама очень рисковала, ведь ее могли посадить. На всех мама получала буханку хлеба, которую надо было делить на пять человек. Спали мы на лавке. Отапливаться было нечем. Мы с мамой ходили собирать колючки.

С нами жила ещё одна семья - мать с дочкой Марией. Она перед смертью попросила луковицу. Я пошла к хозяйке и она мне её дала. Она умерла от голода.

В Кировске я пошла учиться в школу. Писала я на газетах, тетрадей не было. Чернила мама сделала из свеклы. Я ходила и собирала дикий чеснок, ягоды, которые назывались паслен. Местные дети давали нам огрызки цветных карандашей. Это была для нас большая радость.

Когда освободили Полтаву, мы поехали домой в 1944 году. Мама сварила ведро картошки. Посолить её было нечем, но какая она было вкусная. Мама устроилась на работу в школе учителем младших классов. Жили мы все в одной комнате. Папа демобилизовался в 1946 году. Ещё продолжалась война в Пруссии. В 1947 году родился мой младший брат Александр. Ещё был голод, но все же папа приносил нам 2-3 булочки. Это был для нас праздник. Мама с папой сажали картошку на огороде. Мы солили помидоры и капусту.

Я окончила 10 классов и поступила в педагогический институт.

Токарева Елена родилась 1 марта 1931 года в Днепропетровске. Отец Абрам Борисович, мать Гитель Лейбовна. Закончила государственный университет им. Кирова в Алма-Ате. Работала завкафедрой в Джамбульском педагогическом институте. Муж Токарев Николай умер в Джамбуле. Сыновья Григорий (преподаватель английского языка) и Александр (инженер), дочь Марина (сотрудник Матава), 7 внуков Павел, Юлия, Анастасия, Иван, Наталья, Элина, Афина,

3 правнучки Майя, Эден, Линор. Репатрировалась в 1995 году

ГОДЫ ЭВАКУАЦИИ В МОЕЙ СУДЬБЕ

Мне было 10 лет, когда началась война. В семье нас было трое: отец (журналист), мать (фармацевт) и я. Жили в Харькове. Семьи работников редакции в 1941 году эвакуировали вглубь страны. Отец вместе с другими работниками редакции оставался в Харькове до последнего дня, пока немцы не вошли в город.

Мы с матерью проехали долгий путь, пока не оказались в городе Усть-Каменогорск. Это центр восточного Казахстана. Географически это Алтайский край не далеко от границы с Китаем. Там и нашел нас отец, которого не взяли на фронт из-за плохого зрения. Отец и мать всю войну проработали в Усть-Каменогорске.

Первое наше жилье: угол на чужой кухне, затем 12-ти метровая комната, разумеется, без удобств, просто крыша над головой.

В 1941-1942 годах я всегда была полуголодной. Помню пшеничную кашу, которую нам, школьникам, раздавали на большой перемене. Помню наш огород в десяти километрах от города. Мы ходили туда пешком. В семье появились собственные овощи: картошка, фасоль, подсолнечные семечки. В области работал завод по производству подсолнечного масла. Какой вкусной была макуха - спрессованная шелуха от семян!

Жизнь моей семьи была тяжелой, но не катастрофичной. Другим было гораздо хуже. Помню соседку, которая умерла от голода. Помню, как мама пришла после работы домой и со слезами рассказала о своей сотруднице, которую вместе с ребенком вывезли из блокадного Ленинграда. Её дочка - школьница, которая после школы приходила за хлебом к матери на работу, но мать не могла удержаться и понемногу съедала весь хлеб. Сотрудники отдела по кусочку отрезали от своих скудных пайков и кормили девочку. Все плакали.

Эти впечатления до сих пор живы во мне. Но в целом судьба хранила мою семью. Казахстан помог нам выжить. Там похоронены мои родители. Там я прожила со своими детьми до отъезда в 1995 году в Израиль в город Цфат.

Трилиссинская Майя родилась 10 июня 1938 года в городе Киев. Эвакуировалась в августе 1941 года с мамой Песей, папой Бен Ционом, сестрой Аделью в поселок Егошино Свердловской области. В 1946 году переехали в город Свердловск. Закончила Уральский государственный политехнический институт, работала инженером-конструктором. Муж Борис умер в Израиле, дочь Светлана, внуки Натанэль и Даниэль. Репатрировалась в 1998 году.

КОНЕЦ ВОЙНЫ

Поселок на Урале, где стужи и ветра.
Из Киева бежали - так началась война.
Тонули баржи, люди, взрывались поезда.
Мы маленькими были, но помним все, всегда.

Три месяца в теплушках тащились на Урал.
Когда бомбили, в поле кто мог, тот убегал.
Из теплой Украины приехали к зиме.
Ни валенок, ни шубок мы не нашли нигде.

Сидели днями в доме, буржуйку окружив,
И напрокат шубейку носили на троих.
А в тумбочке на полке отрезанный ломоть.
Кусочек хлеба черный манил меня и влек.

И нет картошки в доме и нету молока.
Болели, нас лечили,... но, кончилась война.
Случилось это в мае, в прекрасный день весны.
И флаги нарезали из красных тряпок мы.

И бегали, орали - УРА, УРА, УРА.
Наши победили, кончилась война.
Мороженки лизали, зажавши в кулачке,
И все с улыбкой плакали: конец, конец войне.

Тулчинская Ася родилась 17 апреля 1936 года в городе Кишинев. Отец Абрам. Закончила Ивано-Франковское медицинское училище, затем медицинский институт, работала участковым терапевтом в Москве. Муж Арнольд Ефимович, умер в 2005 году в Москве, дочь Светлана, внуки Ави, Ривка, Бат Шева, Шуламит живут в Израиле. Репатриировалась в 2006 году.

К началу войны мне было 5 лет. Сразу же, когда началась война, отца забрали на фронт. Эвакуировались мы из Запорожья, где жила папина старшая сестра Буся. Отец уходя на фронт, велел моей маме ехать к этой сестре, так как она была одна с сыном. Муж её тоже воевал и велел эвакуироваться вместе с нами.

Когда мы приехали в Запорожье, там уже немцы высадили десант и немецкие солдаты бегали вдоль домов, крича: «Рус здавайся» По ночам мы сидели в подвале, днём искали транспорт для эвакуации. Удалось найти подводу. На ней ночью мы приехали на станцию, сели в какой-то эшелон (теплушка). Ехали недолго, так как эшелон разбомбили, но в наш вагон не попали. Все предыдущие эшелоны тоже горели, сплошное пламя, полная неразбериха. Помню окровавленные простыни, бинты, вату. Помню оторванную ногу, висящую через колено на проводе. Прятались в лесах, днём ходили по деревням в поисках воды и еды. Мама, умница, взяла с собой очень много красивых вещей: вышитые ночные рубашки, кружевные постельные принадлежности, дорогое кожаное пальто, фамильное серебро. Это всё выменивала на продукты. За отцовское почти новое кожаное пальто она получила кусочек хлеба и стакан молока.

Мы вновь сумели сесть в какой-то эшелон, двигались медленно, пока его не разбомбили. Жили в теплушках - это вагоны для перевозки скота, внутри которых нет ни полок, ни сидений. Мы спали на полу. При бомбёжке все выпрыгивали из вагона, прятались в ближайшем лесу. В теплушках нет ступенек, надо было прыгать вниз с большой высоты. Мама не выпрыгивала из вагона потому, что надо было еще и обратно залезать, это было невозможно да ещё со мной. У меня из-за недоедания, из-за авитаминоза на ногах и на всём теле образовались раны, которые гноились. Начались холода. Мама мне надевала чулочки на ноги, за день они прилипали к ранам, вечером, чтобы обработать раны, надо было снимать чулки. Боль была невыносимая. Я, конечно, плакала. Чтобы облегчить мои страдания и успокоить возмущение окружающих людей от моих криков, мама поливала чулки водичкой. Так мы скитались по теплушкам полгода, немцы шли за нами по пятам, но, непонятным образом, нам удавалось на шаг их опережать.

Много раз, скитаясь в сёлах, мы с крыш домов видели горящие избы, крики немцев в соседнем селе. Ночью мы бежали дальше, не зная куда. Как-то помню,

ночью мы с другой семьей (папину сестру мы давно потеряли) ехали на подводе, потом плыли на лодке через реку, доехали до станции, где опять удалось сесть на проходящий эшелон с массой людей. Так продолжалось полгода. Наконец, где-то в ноябре или декабре 1941 года, мы добрались до Грузии. Это оказался город Сурами (Сурамская крепость). Нам выделили комнату, мама пошла работать в колхоз. Нам повезло, так как грузины приняли нас очень хорошо. Хозяева комнаты дали кровать, стол, стулья, да и насчет еды проблем не было.

В 1943 году мама получила письмо из госпиталя, что отец ранен в живот, что у него перетонит, они ничем помочь ему не могут, чтобы она приехала за ним. Мама его привезла, он был уже доходяга, кишечник вывалился наружу, рана развалилась, антибиотиков еще не было. Мама сумела достать красный стрептоцид (единственный антисептик тогда), перематывала два раза в день все 5 метров кишечника, смазывая раствором стрептоцида. Сколько гноя, какой смрад стоял в доме. Мама кипятила простыни, обрабатывала и брюшную полость. Помню, всё было красным: бельё, одежда, бинты, но мама спасла отца. Он выжил, раны затянулись, кишечник очистился. Вот и вся история.

В августе 1945 года отыскалась папина сестра в городе Черновцы (Украина) и мы поехали туда. Я закончила школу и медицинский институт. В 1963 году я уехала в Москву, где прожила с семьёй до репатриации в Израиль.

Фридман Софья Семеновна родилась 11 сентября 1930 года в Минске. Закончила 7 классов, школу медлаборантов, медицинский институт. Работала врачом скорой помощи. Муж Михаил остался в Минске, дочь Елена, сын Эдуард, внуки Максим, Тони, Евгений, Мирьям живут в Израиле. Репатрировалась в 1991 году.

Я, Фридман Софья Семеновна, родилась в городе Минске в 1934 году. Отец, Фридман Шимон Беркович, 1904 года рождения, был репрессирован в 1936 году и сослан в Воркуту на семь лет на шахты. Мать, Розенгауз Людмила Исааковна, 1914 года рождения, уехала в город Витебск подальше от «всевидящего ока» НКВД, там училась в художественном училище. В виду вышеизложенных обстоятельств я воспитывалась в семье бабушки и дедушки. Дедушка, Розенгауз Исаак Соломонович был учителем немецкого языка в школе. Бабушка, Розенгауз Любовь Соломоновна, работала учительницей начальных классов в школе. Их младшая дочь, Розенгауз Евгения, моя тетя, была мне как сестра.

Воспоминания мои в виде отдельных картинок.

Картинка 1. Сон - в квартиру заходят мужчины в военной форме, громкий разговор, выстрел... и я лечу, лечу в воздухе куда-то вверх. Сон навеян окружающими разговорами и оказался вещим.

Картинка 2. Мы (весь детский садик) сидим в подвале, ждем. Приходит тетя Женя, попрощаться. На улице солнце, автобусы. Едем в автобусах. Звук самолетов. Автобусы останавливаются, дети ложатся в придорожную канаву. Страха нет. Едем дальше, приезжаем в лес на детсадовскую дачу. Двое военных на мотоциклах, разговаривают с воспитательницей, уезжают. Нас выстраивают по двое в колонну, идем по лесной дороге. У каждого в руках узелок с одеждой. Идем очень долго, узелки оставляем на обочине. К вечеру подходим к железной дороге, по деревянным сходням нас погружают в вагон. Абсолютная темнота. Нащупываю какой-то лежащий чемодан, на нем засыпаю. Едем долго, думаю недели две. Некоторых детей подстригают ножницами «под барана», очевидно, от вшей.

Картинка 3. Мы в детском доме (город Хвалынский, Саратовской области). Сидим в столовой, хором разучиваем песню со словами: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...» Гуляем во дворе, кто-то из детей раздобыл жмых (корм для скота в виде прессованных плиток) и угощает нас. Это, кажется, вкусным.

Картинка 4. Приходит мама (она меня нашла через «Красный крест»). Разговор. Она завербовалась на работу в шахте в Иркутской области, так как немцы подходят к Волге. Спрашивает, взять меня с собой. Я не знаю, что ответить. Мама забирает меня из детдома, мы едем в Сибирь.

Картинка 5. Я сижу на полу, на тонком сером одеяле, одна. В комнате из мебели только шкаф. Комната проходная. Из дверей внутренней комнаты выходит женщина, за ней мальчик примерно моего возраста, он на ходу ест бутерброд. Женщина запирает дверь на ключ, они молча уходят. Жутко хочется есть, в шкафу пусто. Читаю вслух стихи, пою песни, ору, плачу. Взываю к миру - мир молчит. Вечером приходит мама, приносит хлеб. Нарезает кусочек себе побольше, кусочек мне - поменьше, съедаем сразу всё. Всё это сидя на полу на том же сером одеяле. Там же спим.

Картинка 6. Мама пришла с работы. Сидит на том же одеяле, держит в руках свою ногу, раскачивается и плачет, приговаривая: «Ой, ноженьки мои, ноженьки». Она работала на шахте откатчицей.

Картинка 7. Я сижу на том же одеяле, одна. Входит «ангел» в виде молодой девушки, уводит меня в другую квартиру, на кухню. Расстилает на столе газету и начинает меня вычесывать частым гребешком, вши высыпаются градом.

Картинка 8. Маму перевели работать в общежитие уборщицей. У нас отдельная комната. Общая кухня, огромная плита, чугунные комфорки. Мы с мамой жарим картофельные очистки прямо на чугунной поверхности плиты. Это едим. По утрам - хлебный паек. Это всё.

Картинка 9. Другой город, Тулун Иркутской области, маме удастся устроится там в бухгалтерию на хлебзаводе, стало легче. Снимаем койку у женщины. Огород, коза. Спим вместе с мамой. Гуляю с девочками в каком-то саду, лето. Они просят показать мизинчик, удивляются какой он тоненький.

Картинка 10. Зима, мороз. Иду в школу. На ногах чувяки (что-то в виде лаптей из кожи). Ног не чувствую. В школе ноги отогреваются, горят. Тоже и на обратном пути. Картинка 11. 1944 Белоруссия город Рогачев. Мама работает в бухгалтерии. Комната в одноэтажном полуразрушенном доме. У меня на руках новорожденный братик. Он плачет, очевидно хочет кушать. Мама на работе. Через какое-то время мама увозит братика в дом ребенка, обещает забрать, как только сможет. Мои протесты не помогают.

Картинка 12. Возвращение в Минск. В нашей довоенной квартире живут чужие люди. Судиться с ними у мамы нет сил. От работы мама получает комнату с общей кухней в коммунальной квартире.

Конец войне. Впереди новые испытания.

Фукс Рива, родилась в 08.03.1938 года в г. Днепропетровске. Папа Мендель, мама Гейман Неся, сестра Фаина. Закончила Днепропетровский Горный институт. Работала руководителем службы стандартизации на Электромеханическом заводе. Муж Яков, умер в 1993 году в Израиле. Сын Евгений и дочь Ирина живут в Израиле. 5 внуков: Анна, Гарольд и Лев живут в Германии, Ионит и Нисанит живут в Израиле. Репатрировалась 22 ноября 1990 года.

1941 год. Днепропетровск. Как началась война, не помню, чтобы об этом кто-то из родных вспоминал. Знаю, что, когда звучала сирена, я говорила моей сестричке Фанечке (благословенна ее память): - «Маня, кутай меня, неси меня в щель» Я не выговаривала букву «Ф». Были вырыты траншеи возле дома, куда прятались люди из соседних домов. К этому времени фашисты уже бомбили 2-ю Рабочую больницу в нашем районе «Чечелевка» и железнодорожный вокзал. Папа – Рабинович Мендель Мордкович, работал на заводе «Мельмашстрой» и ему было поручена организация эвакуации сотрудников и их семей. Конечно, он постарался прислать за нами машину. Моя мама – Неся Янкелевна, сказала об этом родственникам, которые жили в этом же районе. Кузов машины мгновенно был забит людьми до отказа. Папа страшно нервничал, говорил, что его убьют за то, что он не может взять семьи сотрудников. Никто не хотел освободить машину и водителя, к сожалению, не помню его имени, сказал на украинском: «Поихалы, я повернусь знова» - «Поехали, я вернусь снова». Приехали на вокзал, погрузились в поезд. Папы с нами не было, так как ему надо было явиться на призывной пункт. Интересный факт. Самые необходимые вещи для папы были в отдельном узелке. В дороге потерялся именно этот узелок, и мама боялась, что это нехорошая примета, которая, к счастью, не оправдалась.

Скученность в товарных вагонах была страшная. По дороге на юг первые несколько дней поезд сопровождали наши самолеты, чтобы фашисты не могли бомбить состав. Затем мы все это испытали сполна. Когда налетали вражеские самолеты, машинист останавливал поезд, люди выскакивали из вагонов, бежали прятаться в степь или под вагонами. Иногда машинист маневрировал составом, двигаясь вперед или назад. Сколько людей погибло в пути, сколько потерялось! Нас было трое: мне было 3 года, моя сестра Фанечка 9-ти лет и мама 33-х лет. Спустя годы, я спросила у мамы, как она выдержала все это, как не потеряла нас? Мамуся мне ответила: «Я решила так, если суждено погибнуть, так вместе и поэтому держала вас все время возле себя».

Добрались мы до Казахстана. Поселили нас в каком-то общежитии. Мама ходила на всяческие подработки, чтобы достать нам какой-либо еды. Женщины научили маму доставать соленую воду, выпаривать соль и ходить по селам, продавая ее.

Однажды ей очень «повезло». У знакомой, убиравшей по ночам кухню и столовую, сильно нарвал палец. Она не могла работать, но и потерять такую работу было смерти подобно. Поэтому она предложила маме подменить ее. Мама с радостью согласилась. Ночью надо было вымывать огромные тяжелые котлы, но на дне были остатки супов или каш. Когда она мыла полы, по ее рукам бегали крысы. Тем не менее, мама была счастлива, так как утром приносила нам еду.

Затем мы переехали в Чувашию. Это был уже 1943 год. Мама получила извещение о том, что папа находится в госпитале где-то не очень далеко. Написали, что его можно забрать. Конечно, мама уехала. Как потом оказалось, у папы были серьезные проблемы с сердцем и его комиссовали. Мама потом рассказывала, что от отеков он был огромен как бревно. Сколько дней мы с сестрой оставались одни, не знаю. Знаю, мы съели все, что мама нам оставила. Однажды, сидим вдвоем, прижавшись и грея друг друга. Дело было зимой, а печь затопить не можем. Что-то сестра мне рассказывает, и вдруг входит хозяйка – чувашка и что-то говорит на своем языке. Ничего не понимаем. Она берет Фанечку за руку и куда-то ведет. Потом Фаня рассказывала, что привела она ее на чердак. Там висели огромные бараньи туши. Большим ножом отрезает кусок мяса и дает Фане. Фаня смотрит на это мясо, по которому ползают белые черви, в ужасе кричит и убегает. Мама привезла папу в ужасном состоянии. Как ей удалось это сделать? В это время нас нашел мамин старший брат, дядя Айзик, который с семьей эвакуировался из Киева. Он вызвал нас к себе. Надо было выхаживать папу, и мы снова двинулись в путь, в город Джамбул. Мама работала в колхозе, сестра пошла в школу. Хорошо помню двор, в котором мы жили. Это была сплошная беседка, с переплетений которой висели огромные гроздья винограда. Хозяйка дома мне казалась старухой, сын которой был на фронте. Жила она со своей невесткой. Невестка была молодой и красивой. Я была черненькая, шустрая. Она меня очень любила, заплетала мне 28 косичек и брала с собой на базар. Там мы вместе продавали воду холодную из колодца и лепешки, которые пекла старуха в печке. Интересная была печь «дувал». Это небольшая яма, в которой горит уголь. Над ямой полукруглое строение из глины. Это и есть «дувал». Перед печью садилась женщина, оголяла правое бедро, формовала лепешку на этом бедре и бросала ее на внутреннюю стенку дувала. Там лепешка приклеивалась и падала, по мере готовности, на угли. Женщина тут же выхватывала ее. Я хорошо помню эту картину, так как этот процесс просто завораживал меня, и я стояла возле нее часами. В этом же дворе жил старый узбек почему-то без семьи. Каждый день он варил суп, в котором было много перца и 1 картофелина. Когда он заканчивал варить, кричал: «Дочкалым, неси миска». Я бежала к нему с железной мисочкой, а потом несла этот суп в нашу комнатку. Должна сказать, мало кто мог есть эту горячую жидкость. Думаю, что во дворе не было больше таких маленьких детей и потому меня баловали. В школе моей сестре давали бесплатно завтрак. Не помню случая, чтобы она этот завтрак не принесла мне. Папа стал немного приходить в себя, даже начал где-то работать. Нам стало жить легче. Вдруг услышали о том, что наша армия освободила Днепропетровск. Это было 26 октября 1944 года.

Тотчас мы стали собираться домой. Как плакала и просила невестка хозяйки оставить меня у них. Мама, безусловно, меня не отдала. Как мы ехали домой, не знаю. Приехали в город на Чечелевку на ул. Орловская, 6. До войны мы снимали там квартиру в подвальном этаже. Сейчас там жила семья хозяйки дома, так как от попадания бомбы в соседний дом была разрушена крыша этого дома. Хозяйка дома Христина Алексеевна Козаченко приняла нас как родных. Она попросила папу через завод отремонтировать крышу и тогда она с семьей вернется на свой этаж, а мы поселимся здесь. Папа снова начал работать на заводе, крышу починили, а Христина Алексеевна отдала все наши вещи (мебель, постельное белье, посуду, даже игрушки Фани). Она позвала маму и сказала, что видишь свое – бери. Мамочка заплакала и ответила, что ничего не видит. Тогда бабушка (так я называла нашу хозяйку. Ведь она была бабушкой моей подружки-ровесницы, с которой дружим по сей день) начала собирать наши вещи, и относить их к нам в подвал. В нашей квартире окна были на уровне земли.

Помню еще интересный момент. После освобождения города была организована какая-то контора, работники которой ходили по квартирам и забирали вещи уехавших людей. Так у бабушки увидели 2 платяных шкафа. Она показала письмо от нас о том, что мы возвращаемся. Ничего не помогло. Шкаф увезли. Бабушка с мамой поехали в эту контору, нашли наш шкаф, погрузили его на двухколесную тачку и повезли через Днепр по мосту. Вдруг налетел фашистский самолет и застрочил из пулемета. Мама с бабушкой спрятались под тачку. Когда немец улетел, мамочка умоляла Алексеевну – бабушку все бросить и бежать домой. Она была непреклонна. Так эти две маленькие хрупкие женщины притащили шкаф. Он долго еще нам прослужил. Кстати, я сама была свидетелем такого неожиданного налета. Произошло все так быстро, что мы - дети, играющие на улице, не успели даже испугаться. Потом я, как и другие, нашла в кустах что-то вроде пульки еще совсем теплую. Ощущение этого тепла в моей ладошке осталось надолго. Конечно, дома мне за этот подарок досталось. Мне было все интересно. В нашем районе не было ни одного не освоенного мною дерева.

Затем началась наша послевоенная жизнь. Это уже другая история.

Хариби Мери родилась 12 ноября 1930 года в городе Куба Азербайджан. Мать Патлах Бина, отец Патлах Яков. Окончила Казанскую консерваторию по классу скрипка, работала в Омском симфоническом оркестре.

Накануне Великой Отечественной войны мы жили в Подмосковье в городе Подольск. Мне было 9 лет.

20 июня 1941 года мой папа, приехав после работы домой, сообщил, что получил приказ собраться и прибыть в воинскую часть. Папа работал в Москве военным провизором. Он уезжал, но куда? А 22 июня началась Великая Отечественная война. Папа всю войну воевал на фронте, получил тяжёлые ранения и много орденов. Слава Богу, остался жив.

Когда он уехал, мы остались вдвоём с мамой. В годы войны Подольск был прифронтовым городом. Немецкая авиация совершала налёты, особенно стараясь разрушить мост через реку Пахру и здание банка на площади Ленина. Облик Подольска очень изменился. Везде были выкопаны так называемые «щели» - окопы. В них мы прятались от снарядов и бомб. Был дан приказ - эвакуировать людей. Мы эвакуировались в город Баку, где жила моя прекрасная тётя Фаина Ямпольская. После войны, мы вернулись в Подольск, где нас ждала «пустота» - ни дома, ни крова. Это был 1946 год.

Хариби Геннадий родился 27 июня 1927 года в городе Феодосии. Мать - Мишель Рива, отец - Хариби Эдин, брат Виктор. Неполное высшее образование, работал начальником производства в строительной организации в городе Омск. Жена - Патлах Мери, сын Вадим живет в России, дочь Рада - в Канаде. Внуки Кирилл в России, Михаил и Ребекка в Канаде. Репатриировался в августе 1990 года.

Война, начавшаяся 22 июня 1941 года, застала меня в городе Орле, где проживала моя семья. Там же я окончил 6-й класс. В этом городе мы проживали с 1936 года. Папа, Хариби-Лукачер Эдин Эдинович, все это время находился в

лагере на Соловках. Он был репрессирован в 1936 году. В апреле 1941 года его освободили, но в Орле ему не разрешили поселиться, и он стал жить в городе Георгиевске Ставропольского края.

Буквально с первых дней войны Орел подвергался ожесточенной бомбёжке. Бомбили оборонный завод им. Медведева и другие предприятия, а также узловую железнодорожную станцию. В августе 1941 года мы эвакуировались в город Георгиевск к папе, где в июне 1942 окончил 7-й класс, брат мой Витя в это время окончил 10-й класс.

С июля месяца город стали сильно бомбить. В феврале 1942 года мой отец был призван в Красную армию и воевал где-то в районе Сталинграда, где и пропал без вести.

В это время я поступил на военный завод в качестве ученика-токаря.

В конце июля и в начале августа в результате бомбёжек была уничтожена железнодорожная станция, военный завод. Город горел. Началось безвластие, грабежи магазинов, складов и банка. Мама увидела, что надеяться не на кого. Она решила, что надо уходить на Восток пешком и 8-го августа 1942 года мы вышли из города. На другой день нас нагнали две подводы с семьей главного инженера завода, который на заводе часто общался с папой. Главный инженер по своей инициативе посадил нас на подводу. Они были евреями. После ночевки на другое утро его жена заявила, что ей ехать тесно и нас высадили, оставив посреди степи. Мы пошли дальше и к концу августа дошли до Моздокских степей. Однажды мама увидела плачущую женщину с двумя девочками-подростками. Та рассказала маме, что гонит скот, овец и коров, но ее чабаны сбежали после одной бомбёжки. Мы предложили ей свои услуги за кормежку и подвозку для мамы. К середине сентября мы пригнали скот в Махачкалу и сдали его на приемный пункт. Расстались с нашей хозяйкой и девочками. Поехали в Баку. Через неделю удалось сесть на пароход и по Каспийскому морю достигнуть Красноводска Туркменской ССР. В Красноводске через несколько дней сели на поезд и доехали до Самарканда. Правда, не без приключений.

На одной из станций я пошел на эвакуопункт за едой, когда вернулся, оказалось, что поезд неожиданно ушел. Я остался один в этой огромной эвакуационной толчее. На другой день, доехав до Самарканда, мне удалось встретиться с мамой. Она круглые сутки стояла на железнодорожных путях и встречала каждый поезд.

Самарканд был забит эвакуированными. Мы не знали, что делать дальше, чтобы попасть на Урал в поселок Сысерть, где находилась мамина сестра Евгения Израильевна. Уже пошла вторая неделя жизни в сквере Самарканда и, однажды, бродя по одной из центральных улиц, мы увидели на заборе объявление о вербовке на строительство химкомбината в Березниках Пермской области. Мы в тот же час завербовались и через несколько дней отправились поездом в Березники. По дороге мы сдружились с молодыми женщинами из Ленинграда, и те стали убеждать не ехать в Березники, учитывая возраст мамы, которой шел пятый десяток, а

незаметно сойти с поезда, когда доедем до Свердловска, чтобы встретиться с сестрой. Мама никак не соглашалась. Все это происходило из-за того, что мама относилась к этим женщинам, как к дочерям, и по мере возможности помогала им советами. Кроме того, мама забрала у них хлебные карточки и передала их мне и брату, чтобы мы выдавали им хлеб, так как первые пять пайков они съели за один день. Они постоянно испытывали хронический голод из-за первого года проживания в блокадном Ленинграде. Хлеб на станциях выкупали на пять дней, резали на кусочки и во время движения поезда сушили на крыше поезда. Затем выдавали дневную порцию.

В конце октября мы доехали до Свердловска. Сердечно попрощались и сошли с поезда. Нашли автобусную станцию и поехали в Сысерть. Туда мы приехали днем и пошли в санаторий, где работала тетя Женя, сестра мамы. Нашли ее кабинет, зашли. Она, не глядя на нас, читая какой-то документ, спрашивает: «По какому вопросу?», и только тогда подняла голову от чтения. Увидев нас, чуть в обморок не упала. От крика сбежались сотрудники. Она знала положение дел на Кавказе и думала, что нас нет в живых.

В начале ноября я поступил работать на завод токарем. Мы выпускали мины, снаряды, позже малые турбины, делали токарные станки. Каждую зиму работал на лесоповале, заготавливая дрова для локомотива, вырабатывающего электроэнергию. Всю осень 1944 года работал на строительстве железной дороги, чтобы военную продукцию отправлять по ней, а не на машинах. Рабочий день всю войну длился по 12 часов. С коллективом у меня сложились отличные отношения. Работали дружно, помогали друг другу. Меня приглашали на посиделки, на Уральские вечерки, где научился танцевать.

8-го мая 1945 года я работал в ночную смену. В четыре часа утра в цех влетела женщина, опрокинув охранника у дверей, и с ревом стала кричать: «Война закончилась!». Началось невообразимое. Так началась мирная жизнь.

P.S.

В 1972 году я с сыном Вадиком попал в Георгиевск. После ухода из города прошло 30 лет. Решил найти домик, в котором мы жили, снимая комнату у Михаила и Марии Гордиенко. Нашел Ленинградскую улицу дом 123. Вошел во двор. На скамейке сидит старушка. Спрашиваю: «Здесь Гордиенки живут?» Старушка отвечает утвердительно. Я ей говорю: «Я здесь жил с мамой, папой и с братом во время войны». Старушка отвечает: «Никто не жил». «Как же, я Гидон, а брата звали Витя, маму Римма». Так Мария звала маму вместо Рива. Старушка вскочила с криком: «Гидон» и бросилась на шею, начав целовать.

Мария рассказала, что они считали нас погибшими. Пришла дочь Нюся, с которой я был дружен, и повела нас за город, показав длинный ров, где были зарыты 14000 расстрелянных евреев, в основном приехавших с Украины.

Вот так радостно и печально закончилась наша встреча.

***Цифанский Леонид Шнеерович** родился 17 сентября 1931 года в городе Житомир Украина. Мать Рахиль, отец Шнейер. Жена Мария умерла в Израиле. Сыновья Марк и Александр, внуки Дмитрий и Екатерина, правнук Ноам. Репатрировался в 2001 году.*

Родители мои были служащие. В нашей семье было четверо детей: три брата и сестра. Я со старшим братом учились в разных школах. Он - в еврейской, я - в украинской.

В начале войны нас эвакуировали в город Сталинград. Там было тысячи людей, которых кормили и поили на стадионе. Потом всех стали развозить по всей стране. Мы попали в Инотаевский район Астраханской области, где нам многое пришлось пережить. Голод и холод. Там похоронили отца, дедушку и бабушку. Я не знаю до сей поры, откуда мамин брат узнал о нас и наших бедствиях. Мой дядя тогда работал начальником специальной связи Челябинской области. И так дядя вывез нас в Челябинск.

Так как мой братик и сестренка были маленькие, мне приходилось выполнять роль няни, пока не удалось устроить их в ясли и детский сад. Мама работала целыми днями, чтобы нас прокормить. Меня устроили в ремесленное училище, по окончании которого я пошел работать на Челябинский тракторный завод в цех по производству танков. Там я проработал 15 лет от рабочего до наладчика автоматов.

В это время у меня уже было двое детей, а зарплата 120 рублей меня не устраивала. Я решил сменить профессию, так я стал столяром - краснодеревщиком.

Чернова Сара родилась 26 августа 1938 года в селе Кочановка Тарнопольской области в Польше (Западная Украина). Мать Малка Дример, отец Мотье Дример, братья Изя и Юдко, сестры Фрида и Ента. Закончила Казанский медицинский институт, работала заведующей лабораторией в поликлинике. Муж Матвей умер в 1985 году в Ленинграде, дочь Лилия, внучки Нета, Галия, Лина, правнук Иоав живут в Израиле, сын Яков живет в Ленинграде. Репатриировалась из Ленинграда в 1991 году.

Родилась я в Польше. В 1939 году нашу территорию присоединили к России. Родители и старший брат были вынуждены вступить в колхоз. Когда началась Великая Отечественная война, родители решили бежать. Но в село приехал 2-й секретарь райкома партии и сказал, что пока не нужно срываться с места. При необходимости бежать, нам сообщат. Примерно через неделю стали слышны взрывы, папа пошел в районный центр. Когда он вошел в здание райкома партии, то увидел, что там никого нет. Окна открыты, на полу разбросаны бумаги. По дороге домой он зашел в правление колхоза, чтобы взять лошадей, поехать за нами и уехать. Но в правлении лошадей ему не дали. На его счастье в правление зашел офицер и потребовал лошадей везти раненых. Никто не хотел ехать, и тут папа вызвался добровольно. По дороге папа рассказал офицеру, что мы хотим бежать, но не знаем как, нет транспорта. Офицер оказался добрым человеком. Он предложил папе довести его до следующей деревни и там он возмет других лошадей, а папу отпустит за семьей. Среди ночи папа вернулся. Мы, это шесть человек - папа, мама, я, брат и две сестры, погрузились на подводу. По дороге заехали за семьей председателя колхоза (три человека). Мы уехали в ночь на 2 июля, а утром следующего дня в нашу деревню вошли немцы.

До старой границы между Россией и Польшей было всего 10 километров. Когда мы приехали на пропускной пункт, то нас не хотели пропускать. Но так как председатель колхоза был членом партии и был прислан к нам для организации колхоза из Саратова, то нас, наконец, пропустили. Все думали, что немцев остановят на границе, но, к несчастью, этого не случилось. Мы бежали 40 дней до Полтавской области. По дороге много раз попадали под бомбежки, несмотря на то, что ехали мы по полевым дорогам. Ночевали в лесах, в полях и в селах. Однажды помню, нас пригласил переночевать какой-то житель села. Только мы расположились, пришел сосед, вызвал папу. Он сказал, чтобы мы уезжали, так как хозяин - фашист и ночью убьет нас. Нам пришлось срочно бежать дальше. Но нужно отдать должное многим людям, которые принимали нас хорошо, кормили. По дороге попадались люди, которые возвращались обратно, объясняя тем, что в Днепре вода красная от крови. Но мы продвигались на восток. Добравшись до города Ахтырка Полтавской области,

сдали лошадей, и нам выдали билеты на поезд. Ехали мы в переполненных товарных вагонах. В Пензе нас пересадили в пассажирские вагоны. Так мы добрались до Казани, где получили направление в Акташский район (300 километров от Казани). Добирались водным путем до города Набережные Челны, а затем 100 километров на попутных подвозках.

Приехав в Акташ, папа обратился в райисполком по поводу работы. Там ему ответили, что нужно было не бежать, а идти в партизаны. Простые люди подсказали, что в Заготскоте нужны работники, и мы поехали туда. Там нам дали жилье - домик, который состоял из комнаты 10 кв.м. и больше ничего. Жить было очень тяжело. Не было света, не было хлеба, не было дров для отопления и даже не было воды. Летом и зимой воду брали из реки Зай, а весной, когда вода в реке была очень грязной, ходили в горы за талой водой.

В школу приходилось ходить пешком на расстоянии пяти километров. Особенно страшно было зимой. Было темно и холодно. Теплой одежды не было. Вдалеке был слышен вой волков. Учиться было тяжело, так как я не знала русского языка. В школе тоже было холодно, так как школы не финансировались. На доске замерзала вода. Летом я работала - пасла овец.

Вскоре папу и брата забрали в трудовую армию, так как в 1942 году в действующую армию жителей бывшей Польши не призывали. Папа попал на работу в Казань, и в 1943 году я переехала к нему. Мама смогла переехать к нам только в 1945 году.

Чернышова Лариса родилась 24 июня 1938 года в городе Херсон. Мать Рискина Людмила, отец Чернышов Михаил Генрихович. Закончила университет по специальности биолог, работала в поликлинике врачом-лаборантом. Муж Владимир, сын Алексей живет в Израиле. 3 внука Борис, Евгений, Авиталь, правнук Галь. Репатриировалась в 1991 году.

Я родилась в городе Херсон на Украине 24 июня 1938 года. Когда мне исполнилось три года началась Вторая мировая война. Моя мама, врач, выехала из Херсона раньше, сопровождая группу солдат. А я с папой в общей массе людей в товарных вагонах под бомбежкой уезжали в глубь страны. У папы была корзинка с едой и одеяло, которым мы в пути укрывались.

В очередной фашистский авианалет был разбит железнодорожный путь и мы пешком продолжали свой путь. Мы шли от села к селу. Наконец мы вышли к железнодорожной станции, и через неделю прибыли в город Соликамск (теперь город Пермь).

Там нас ждала мама. Нас разместили в пустой, холодной, обледеневшей квартире. Мама работала в больнице, а папа на лесоповале. Я целый день оставалась одна в комнате. Что мне хорошо врезалось в память, это ведро с замершей водой, а сил разбить лед в ведре у меня не было. Мне было страшно одной в пустой комнате. На мне была мамина шуба. Иногда вернувшиеся с работы соседи, слыша мой плач, забирали меня к себе. У них было двое детей, с ними было веселей и тепло в комнате. В таких условиях мы прожили до 1944 года.

Когда мы вернулись в Херсон из города Ахтырска в мае 1945 года, узнали, что все евреи, оставшиеся в Херсоне, были расстреляны в районе «Валов», укрепления оставшиеся с времен русско-турецкой войны. Среди расстрелянных были мамыны брат Григорий и тетя Циля.

Шварцман Борис родился 9 марта 1932 года. Отец Мойша, мать Гитл, бабушка Эстер. Закончил машиностроительный техникум, работал начальником бюро технического контроля. Жена Шварцман Клара, дочь Елена, внучки Катя и Марина, правнук Максим живут в Израиле. Репатриировался 3 марта 1993 года.

Моя семья состояла из трех человек: мама, папа и я. Жили в городе Белая Церковь (Украина). Отец и дядя Миша в августе 1941 года занимались эвакуацией евреев этого небольшого города. На подводах отвезли семью на вокзал и погрузили на открытую платформу товарного поезда вместе с солдатами и их вооружением, поезд двинулся в сторону Харькова. Как только отъехали, началась бомбёжка. Поезд остановился, прозвучала команда: «Всем прятаться, но не под вагонами!». Бабушка закрыла меня своим телом, чтобы я не видел трупов, оторванных конечностей. После бомбёжки паровоз начинал гудеть, мы ждали пока солдаты искали раненых. Почти половина людей погибли...

В Харькове мы пересели в другой поезд. Это уже были теплушки, хоть и товарный поезд. За полтора месяца доехали до Куйбышева, а дальше в сторону Ташкента. Через три месяца попали в Самарканд, где и находились до возвращения на Украину.

После пережитых бомбёжек я был в шоковом состоянии, поэтому в школу пошел только на следующий год. Мы жили в Ургуте под Самаркандом, было очень тяжелое время. Не было света, не было керосина. Я ходил в посёлок за 15 километров, чтобы принести 10 литров керосина для лампы и для приготовления пищи. Мама и тётя работали в больнице медсёстрами. В эвакуации я закончил 5-й класс.

Мама очень болела, поэтому в 1947 году я один вернулся в город Белая Церковь. Папу я больше не видел. В 1956 году я поехал в Среднюю Азию и забрал маму к себе.

Шварцман Клара родилась 27 августа 1934 года в городе Киев. Отец Лёва, мама Геня.

Муж Швацман Борис. Репатрировалась 3 марта 1993 года.

Отец был военный. Когда началась война, он прислал телегу и сумел отправить нас с воинской частью до Харькова, а потом пересадили на поезд в сторону Тбилиси, по дороге поезд бомбили. Мама везла двух детей - 3 года и 7 лет. Отец погиб на фронте.

В Дербенте нас высадили. Мы сидели на вокзале, - не знали, что делать. Вдруг подошел человек и спросил у мамы: «Ты еврейка?» и повёл нас к себе домой. Там нас накормили, обогрели, успокоили. Пробыли мы у них несколько дней.

Мама пошла в военкомат, предъявила документы и сказала, что в Тбилиси у неё живёт сестра. Мы поехали в Тбилиси. Эти евреи посадили нас на поезд.

Там мама работала в разных местах. Я и мой брат Гарик учились в школе.

Когда освободили Киев, вернулись домой. Наша квартира была разбита. Мама получила квартиру от обувной фабрики. И началась наша послевоенная жизнь.

Шверова Валентина родилась 2 марта 1935 года в городе Тирасполь Молдавия.

До начала войны я и моя мама проживали постоянно в городе Тирасполь в Молдавии. Отец был военнотружущий и погиб в начале войны (похоронен на братском кладбище в городе Тарту, Эстония).

В начале войны, когда горел Тирасполь, мама со мной на руках бежала из горящего города. Наш дом, имущество всё сгорело. Я тяжело заболела. Ехали мы в поездах под бомбёжками через Ростовскую область, проехали Батайск и добрались до Таджикской республики города Сталинобад (сейчас Душанбе), где нас приняли как беженцев.

После освобождения Молдавии мы вернулись, но уже в город Кишинев.

Мама умерла после тяжелой болезни. Я совершенно одинокий, больной человек. Я благодарна Израилю за всё: за моральную помощь, за бесплатную медицинскую помощь, за моральную помощь, за заботу о людях, переживших катастрофу войны 1941-1945 годов.

Штабинский Абрам Аронович родился 7 августа 1937 года в городе Витебск. Мать Коган Перл Абрамовна, отец Штабинский Арон Борисович. Закончил энергический техникум и энергоинститут по специальности инженер-контролёр по дефектоскопии, работал на должности старшего инженера. Жена Нелли, дочь Элина, внуки Борис и Давид живут в Израиле. Репатрировался в 1992 году.

Я, Штабинский Абрам Аронович, родился 7 августа 1937 года в городе Витебске Белорусской ССР. В 1941 году, когда началась война, я с отцом и мамой бежали из Могилева в город Львов на предоставленной папе машине. Он был главным специалистом по строительству сажевых заводов. По дороге у нас закончилось горючее, машина остановилась. Я помню, как стоял возле машины и просил жалобно, вытянув руку: «подайте, пожалуйста, маслецо», не понимая, что масло нужно для машины. Каким-то образом машину заправили и мы поехали дальше, но не далеко, так как услышали гул самолётов. Все выскочили из машины и побежали в поле, мимо которого мы ехали, стали прятаться в высоких колосьях пшеницы. Немецкие самолеты летели очень низко, бросали бомбы на беженцев и солдат, земля дрожала, крики людей, много крови - было очень страшно. Когда началась бомбежка, меня своими телами закрыли мама с папой. Когда самолеты улетели, я помню как из траншеи выскочили солдаты и один с гранатой в руке кричал: «бегите, бегите быстрее». Машину нашу разбомбили, но мы как-то добрались до Львова. Там у мамы от всего пережитого произошел выкидыш. Она потеряла ребенка и больше детей у нее не было. Из Львова нас эвакуировали в Куйбышев, куда мы добирались долго в битком набитом народом вагоне. Наконец, мы оказались в Кротовке под Куйбышевом. Была зима, там я отморозил ноги и руки. К концу войны мы переехали в Баку, где отец работал в институте Гипроазнефть - главным инженером проекта, а мама - главным врачом Санэпидемстанции района.

Проживали всё время в Баку, там скончались родители, а мы с женой в 1992 году репатриировались в Израиль и живём в Цфате.

***Штерина Хая** родилась 6 ноября 1931 года в городе Гомель Белоруссия. Мать Маня, отец Левик, сестра Полина. Образование среднее, работала модельером. Муж Штерин Давид умер в 2010 году, дочь Мелявская Брониславна умерла в 2009 году, внуки Хаим и Зеев, 12 правнуков. Репатрировалась 25 января 2006 года.*

Мы, дети великой Отечественной войны, помним все, что было пережито, выстрадано. Холод, голод и тяжести эвакуации. Я помню крики, плач и слёзы матерей, получивших похоронку или извещения о пропавших без вести на своих детей и мужей.

Моя семья последним эшелоном эвакуировалась. Маму с трудом уговорили ехать. Она говорила: «Что будет со всеми, то будет и с нами!» Благодаря тому, что уехали, мы остались живы. Ехали три недели, в основном, по ночам, так как днем сильно бомбили. Не было еды, воды. Моя сестра. ей было два месяца, умирала от голода, так как у мамы перегорело молоко. Помогла сестре выжить бабка-знахарка. Приехали в Свердловск. Там нас сразу повели в баню и сделали санобработку, потом нас покормили и стали развозить кого куда.

Мы попали на станцию Сарагупка - это маленький поселок, где работали вольнонаемные. Там были вышки, на которых стояли солдаты с автоматами. Я думаю, что они охраняли заключенных. Нам дали комнату в бараке, выдали пилу и топор и сказали: «Вот лес, пилите, рубите, топите - будет тепло». Благо лес был чудесный: грибы, ягоды, кедровые орехи. Лес помог нам выжить. В поселке была начальная 4-х летняя школа.

Потом нам удалось переехать в Туринск, там уже была нормальная школа.

Вернулись в Гомель в 1950 году. Наш дом был разрушен, ехать было некуда. Весь город был в руинах.

Давид, старший брат моего мужа, в 17 лет ушел на фронт добровольцем и погиб под Сталинградом. А мой муж заменил его у станка. Ему было 11 лет. Он не доставал до станка, и ему ставили ящик под ноги. Он быстро освоил станок и трудился для фронта.

Шульруфер Исраэл родился 23 октября 1935 года в городе Николаев. Мать Рейзл, отец Иуда, брат Абрам. Отец ушел на фронт. Мы эвакуировались в город Чкаловск. Вернулись в августе 1944 года. Закончил Московский инженерно-строительный институт, работал главным инженером проекта. Жена Клара Крутоярская умерла в 1995 году в Москве. Дочь Жанна живет в Израиле. Репатриировался в 1996 году.

СТИХИ О ВОЙНЕ

Я - родом из шумного города,
распавшейся
ныне страны,
где мама и папа -
так молоды,
в преддверье грядущей войны.

Я - житель товарных вагонов,
буржоек и нар паренёк...
Измученный быт эшелонов
уносит меня на восток.

Одет я легко и простужен.
И все
в этом мире больны,
и я - оглушён и контужен
на рельсах жестокой войны!

Я - мальчик из зимнего холода
сибирских морозных
ночей.
Из дымного, дымного города
лампадок,
огарков свечей.

Экслер Мария родилась 5 октября 1937 года в городе Харьков. Мать Уманская Ида, отец Кугель Авраам, бабушка Черномазова Хиня. Закончила финансово-экономический техникум по специальности бухгалтер. Муж Владимир Викторович, умер в 2010 году. Репатриировались в Израиль в город Цфат в 2001 году. Сыновья Олег и Борис живут в Харькове (Украина). 5 внуков, 2 правнука. Внук Вадим с женой Еленой живут в Израиле в Бат Яме.

Моя семья состояла из пяти человек: бабушка - Черномезова Хана Бороховна, мама - Уманская Ида Мейеровна, папа - Кугель Авраам Генрихович, брат - Владимир 1939 года рождения и я - Мария.

Семья наша эвакуировалась из Харькова в Челябинск. Мама работала на танковом заводе. Брат и я были с бабушкой, мне было 3,5 года, брату 1,5 года.

Сначала были всегда голодные, но бабушка была портниха очень хорошая. Это нас потом очень выручало. Бабушка шила пальто, шапки, а главное, бурки. Это такой вид валенок. За всякое другое шитье ей платили копейки, но за бурки ей иногда давали 0,5 ведра картофельных очистков, это был праздник. Бабушка пекла что-то такое, что мы называли «пирожные». Брата приняли в детский сад. Когда на стол ставили тарелочку с хлебом, брат сразу придвигал ее к себе и не хотел отдавать, воспитательница уговаривала брата, что другим детям тоже нужен хлеб, но он отвечал ей, чтобы она и другим детям принесла хлеб. Было много слез, но отдавать все равно нужно было.

Погода тоже была непривычная. Нас с подружкой отправили в школу в сентябре 1944 года. Утром погода была холодная, но солнечная, а уже вечером была пурга. Наши бабушки взяли санки и пошли нас встречать. Нашли нас в сугробе. Больше мы там в школу не ходили.

Но самое памятное был день Победы, все обнимались, целовались. Мимо наших барачков каждый день водили немцев на работу и с работы. В этот день все дети стояли у дороги и кричали немцам - ага в Москве салют, а в Берлине капут.

Потом очень долго возвращались в Харьков Вернулись, а наш дом был полностью разрушен. Но и это пережили и началась новая жизнь.

Юдасина Любовь родилась 4 января 1935 года в городе Витебск. Мать Выдревич Хана, отец Меерзон Шая Абрамович, сестра Даня, брат Даня, бабушка Малко. Брат мамы Абрам и его семья: жена Лёля, её мать Бронислава Ефимовна и трое детей Мея, Гарик, Лёня. После эвакуации вернулись в Витебск. Закончила пединститут по специальности преподаватель математики. Муж Юдасин Моисей умер в Израиле 1997 году. Дочь Ася живет в Израиле. Сын Аркадий - в Белоруссии. 3 внука: Люба,

Александр, Михаил, 1 правнук. Репатриировалась в 1993 году.

СТРАНИЦА ГОРЕСТНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

Жизнь каждого человека - это венок ярких воспоминаний, светлых и добрых, прекрасных и вечных, мрачных и тяжелых, незабываемых.

Об одном из них, о страшной войне и об эвакуации из родного города я не могу забыть.

Родилась я в Белоруссии в городе Витебске. Этот город теперь всем известен, как родина великого Марка Шагала и место Славянского базара - фестиваля искусства. Перед Великой Отечественной войной это был крупный центр машиностроения, легкой промышленности, производства стройматериалов, город пяти вузов, памятников архитектуры. Его театр имени Якуба Колоса славился на всю республику.

1941 год. Июнь месяц. Разразился страшный гром - война! Истребительная, разрушительная. Витебск был охвачен пламенем её пожара. В результате авиаобстрелов он был катастрофически разрушен. Предстояло эвакуировать людей и заводы срочно.

Мне было в ту пору 6 лет. Отец мой - главный бухгалтер станкостроительного завода им. Кирова - был оставлен на заводе, как ответственный за его материальную часть для последующей эвакуации.

Мы: бабушка, мама и её трое детей, младшей из которых было три года, были погружены в одну из «тепушек» подготовленного состава поезда для отправки в тыл.

До сих пор помню зловонный запах этого «нового дома», битком набитого людьми. Помню прощание с отцом и братом мамы - подполковником, мобилизованным на фронт. В наш «дом» была взята и его семья: жена, её мать и трое детей. Наш путь лежал на Урал в город Чкалов. Но едва отъехав от станции, состав подвергся страшной бомбёжке. Помню, как мы выскочили из вагона (к счастью, он не успел загореться) и мы все залегли под ним, до смерти перепуганные, так как в

разбомбленных вагонах погибли люди. Мы с нетерпением ожидали, когда придет помощь, и нас увезут. Неподалеку был лес, там мы провели три дня, голодные, питаясь ягодами и остатками еды, которую мы взяли с собой.

После месяца пути мы приехали в Чкалов. Местные жители помогли нам. Нас, чем могли, накормили и уложили спать: кого на пол, кого на чердаке.

Началась новая жизнь, если так можно назвать наше существование. Жмыхи, паслён, что-то похожие на хлеб, полученный по карточкам, которые нам выдала местная власть - таково было пропитание. Согревало лишь дружеское тепло местных жителей.

Мы были счастливы, когда в Чкалов приехал отец; он получил бронь, так как привезенный им завод стал работать на фронт.

Три года мы прожили в Чкалове. В 1944 году был освобожден Витебск, мы поехали домой. Опять теплушка, опять зловоние и грязь, месяц в дороге, и вот мы в разрушенном немцами городе, без жилья и без наших дорогих бабушек, которых мы потеряли в Чкалове. Опять полуголодные, оборванные, но полные энтузиазма строить разрушенную жизнь.

ЭПИЛОГ

НИЗКО ПОКЛОНИМСЯ...

Низко поклонимся всем воевавшим.
Поклонимся низко памяти павших.
И не забудем без вести пропавших.

Мы даже не знаем, где их могилы,
Но в памяти нашей всегда они живы.
Ушел в ополчение мой брат Соломон.
В живых и погибших не числится он.

Ушел воевать он семнадцати лет.
В блокаду его затерялся портрет.
И только сейчас мне отрадней всего,
Что сын мой очень похож на него.

И нынче есть скромный памятник в Цфате,
И он мне, как память о брате-солдате,
Но он не узнает, что в Израиле где-то
Мы помним о нем - нашем юноше светлом.

Каткова Лия

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Вступление</i>	1-2	ГЛИКМАН БОРИС	61
		ГЛОЗМАН МАРИЯ	62
<i>Воспоминания:</i>		ГОРДОН ИЗАБЕЛЛА	63
		ГОРЕЛИК ЛЕВ	67
АВРАШОВА ВЕРА	5	ГОРОН АЛЛА	68
АРФА ЛЮБОВЬ	6	ГРИНБЕРГ МИХАИЛ	70
АРФА МИХАИЛ	7	ГРОЙСМАН СОЛОМОН	71
БАРАНОВ ВЛАДИМИР	8	ГУРОК ЛЕВ И ЮЛИЯ	73-74
БЕЛЕНКО АННА, РЕКУХА МЕРИ	10	ДАЕН МИХАИЛ	75
БЕЛИНСКАЯ ЗИНАИДА	11	ДВОСКИН ЮЛИЙ	76
БЕЛЬСКАЯ ЛИЛИЯ	12	ДЕГТЯРЕВА СОФЬЯ	77
БЕРКОВИЧ БОРИС	14	ДУСАЕВА НАДЕЖДА	78
БЕРКОВИЧ ЛЮДМИЛА	19	ЕРШ ИЛЬЯ И ИРМА	79-80
БЕРМАН ИДА	23	ИЗАКСОН ВЕРА	81
БОБРОВА ВАРДА	26	КАЗАКЕВИЧ ЛИЛИЯ	83
БОРОДЯНСКАЯ ЕЛИЗАВЕТА	27	КАЗНЕЕВА ЛЮДМИЛА	84
БРОДСКИЙ ГЕННАДИЙ	29	КАЗАКЕВИЧ ФИРА	85
БРОНФМАН ГЕРШ И СОЙБА	33-34	КАПЕЛЯН ДАВИД	87
БУРИНА ИДА	35	КАПЛАН ЗОЯ	88
БУТОВЕЦКАЯ РАИСА	36	КАПЛУН АНАТОЛИЙ	89
БУТОВЕЦКИЙ ЛЕОНИД	38	КАСПИНОВА ЭЛЬЗА	90
ВАЙНБЕРГ ЕФИМ И МАЙЯ	40-41	КАТКОВА ЛИЯ	91
ВАЙДИНЕР МУСЯ	42	КАЦ БОРИС	93
ВАСКОВИЧ ГАЛИНА И РОМАН	44-45	КАЦЕВМАН МИХАИЛ	95
ВЕХИНА ЛЮБОВЬ	46	КИСЛАЯ ЛЮДМИЛА И АЛЕКСАНДР	96
ВОЛЬФСОН ВАЛЕНТИНА	47	КОВАЛЬЧУК ТАТЬЯНА	98
ГАЛИЕВСКАЯ ИНЕССА	49	КОЗАЧКОВА ФАИНА	100
ГАНДМАН БОРИС И ФАИНА	54-55	КОНСТАНТИНОВСКАЯ МИНА	102
ГЕНКИН САРА	56	КОРОТКАЯ ЛИДИЯ	105
ГЕНКИНА ИСААК	57	КОТОН РОМАН	107
ГЕР БОРИС	58	КРАУЗЕ АВРААМ	109
ГЕРШУН ТАИСИЯ	59	КУЦОВСКАЯ ЭМИЛИЯ	110

ЛАПИДА МИХАЭЛЬ И САРРА	111-112	ПОНОМАРЕВА ТАМАРА	159
ЛЕВИН БОРИС	113	ПОПОВА СВЕТЛАНА	162
ЛЕЗНИК ВИКТОР	114	ПУЖЕВСКАЯ САРА	164
ЛЕОНОВА ПОЛИНА	116	РАФАЛЬСОН ЮЛИЯ	165
ЛЕРНЕР ХАСЯ	117	РЕЗНИКОВ ВЛАДИМИР	166
ЛЕХЦЕР ЛЕОНИД	118	РОВНЕР ДАВИД И ЕВГЕНИЯ	168-169
ЛИВШИЦ БЕЛЛА	119	РОМАНЕНКО АДА	170
ЛИЗГОЛЬД ФЛОРЕНЦИЯ	121	СКЛЯНСКИЙ ЕФИМ	172
ЛИПКИНА ЭЛЛА	123	СМОЛЯР СИМА	173
ЛОБКО ЭММА	124	СОРКИН ИЛЬЯ	175
ЛОЕВСКИЙ АРОН	126	СТАРОСЕЛЬСКАЯ И КАРЛИН МАРК	177
ЛОМОВСКИЙ ЮРИЙ	127	СТОЛБОВА НЕЛЯ	180
ЛОПАТИН ВИКТОР	128	ТОКАРЕВА ЕЛЕНА	181
ЛУБАН ЛЕЯ	129	ТРИЛИСИНСКАЯ МАЙЯ	182
ЛЮБАРСКИЙ АНАТОЛИЙ	130	ТУЛЬЧИНСКАЯ АСЯ	183
ЛЯПИНА ЛИЯ	133	ФРИДМАН СОФЬЯ	185
МАНЕВИЧ ЕВГЕНИЙ	134	ФУКС РИВА	187
МАРКОВ АЛЕКСАНДР	136	ХАРИБИ ГЕННАДИЙ И МЕРИ	190
МАРКОВА ХАНА	137	ЦИФАНСКИЙ ЛЕОНИД	193
МАТУЗОВА СОФЬЯ	138	ЧЕРНОВА САРА	194
МАХАТ ЕВГЕНИЯ	139	ЧЕРНЫШОВА ЛАРИСА	196
МЕТЛИЦКАЯ ЛЮДМИЛА	140	ШВАРЦМАН БОРИС И КЛАРА	197-198
МЕТЛИЦКИЙ ЛЕОНИД	141	ШВЕРОВА ВАЛЕНТИНА	199
МОЛДАВАНСКАЯ ГЕТИЛИЯ	145	ШТАБИНСКИЙ АБРАМ	200
НУДЕЛЬМАН АЛЕКСАНДР	146	ШТЕРИНА ХАЯ	201
ОМЕЛЬЧЕНКО ИРИНА	147	ШУЛЬРУФЕР ИСРАЭЛЬ	202
ОРЛОВСКАЯ СОФЬЯ	148	ЭКСПЕР МАРИЯ	204
ПАНТОФЕЛЬ ПИНЯ	150	ЮДАСИНА ЛЮБОВЬ	205
ПИВЕНЬ ГЕНРИЕТТА	153		
ПОБЕРЕЗОВСКАЯ СТЕЛЛА	154	<i>Эпilog</i>	207
ПОБЕРЕЗОВСКИЙ ЕФИМ	156		
ПОЛОНСКАЯ АЛЛА	158		

Выражаем благодарность фотографам,
любезно предоставившим фотографии
празднования Дня Победы в 2013, 2014 г. в Цфате,
использованные в оформлении обложки:

верхний снимок - 2013 год - Юрий Волошин
нижние в «фотоплёнке» - 2014 год - Николай Ходосов

Фотография на лицевой стороне обложки
из интернет ресурса
<http://rus-img.com/voyna-vov-deti>

Дизайн обложки
и графическая вёрстка:

NATALYK
סטודיו לעיצוב ועריכה גרפית
studio
Graphic Design
NatalyK studio
Graphic Design
Typography
Graphic Design
NatalyK studio

Наталья Каменская
тел. 054-2114755